4 Р
Б 903

512645

3р

...ВАНИЕ

В книге № ____ профкома УНИ ____ дня 193 года.

...ов. ____________ фамилия, имя, отчество

...имя пролисерю ____ из фондов

ф-19 ____________ четко фамилию

ф-19 ____________ четко фамилию

...ловск тип. УНИ. заказ 455. тираж 5000

~~4178 ...~~

512645

39417

ср 20062

М. В. ЛОМОНОСОВЪ,

КАКЪ

НАТУРАЛИСТЪ И ФИЛОЛОГЪ.

ПР 43

5126.45

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

СОДЕРЖАЩИМИ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ

ЕГО СОЧИНЕНІЙ

ПО ТЕОРІИ ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Проверено 1936 г.

Антона Будиловича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

4 р
Б 903
-53

Пр. 1940

Библиотека
Университета
г. Свердловск

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
квар. № 3.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое вниманію почитателей памяти Ломоносова сочиненіе писано на тему, предложенную С. П. Б. Университетомъ для соисканія наградъ медалями, въ память столѣтней годовщины Ломоносова. По первоначальному плану оно должно было обнимать разсмотрѣніе дѣятельности Ломоносова какъ ученаго, литератора и публициста, но потомъ я ограничился лишь учеными трудами Ломоносова, да и то не въ полномъ объемѣ: причины можно видѣть изъ слѣдующихъ замѣчаній.

По мѣрѣ ознакомленія съ обширной литературой о Ломоносовѣ, — даже въ неполномъ перечнѣ Пономарева *) обнимающей до 200 нумеровъ (съ дополненіями Геннадія около 280) статей и сочиненій болѣе 125 авторовъ, — убѣждаешься, что большая часть традиціонныхъ взглядовъ на Ломоносова должна быть тщательно провѣрена по новымъ матеріаламъ, которые изданы Пассекомъ, а въ ближайшее къ намъ время Г. Г. Ламанскимъ, Билярскимъ, Куникомъ и Пекарскимъ. Часть новоизданыхъ *біографическихъ* матеріаловъ уже разсмотрѣна критически въ примѣчаніяхъ къ этимъ изданіямъ, особенно же въ сочиненіяхъ Г. Г. Ламанскаго и Лавровскаго, но полной біографіи Ломоносова историческаго (а не романтическаго, какъ у Полеваго) мы еще не имѣемъ. Вызовъ на

*) *Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ.* 1865 г. Спб. Здѣсь можно найти подробныя указанія сочиненій о Ломоносовѣ лицъ, которыя ниже поименованы.

написаніе ея, по почину Ломоносовскаго комитета, сдѣланъ Академіей Наукъ, со значительной преміей, но еще три года предстоитъ ожидать результатовъ этого вызова. — Что касается *литературной* оцѣнки сочиненій и дѣятельности Ломоносова, то ее можно раздѣлить на *поэтическую* и *ученую*. О первой я умолчиваю, потому что всѣ эти восторги и критики до Пушкина и послѣ него, основываясь на современныхъ теоріяхъ изящнаго и лишенные исторической подкладки, имѣютъ значеніе болѣе для характеристики степени литературнаго развитія самыхъ критиковъ, чѣмъ для опредѣленія историческаго значенія личности и трудовъ Ломоносова въ ходѣ исторіи русской образованности. Представителями ученой оцѣнки Ломоносова должно назвать Дамаскина, Евгенія, Шевырева, Перевлѣсскаго, Перевощикова, Хотинскаго, Филонова, Буслаева, Галахова, Соловьева, Аксакова, Ламанскаго, Сухомлинова, Тихонравова и нѣкр. дрг. Но ихъ ученые труды далеко не исчерпываютъ подлежащаго разсмотрѣнію матеріала уже потому, что многое разсѣяно въ частныхъ рукахъ, другое пропало безвѣстно, третье — лишь очень недавно извлечено изъ архивовъ, а то и по сей день скрывается еще въ нихъ. Такъ напр. въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранятся *два фоліанта* (Свиньинскіе) *неизданныхъ записокъ Ломоносова*, представляющихъ богатые матеріалы для изслѣдованія трудовъ Ломоносова по филологіи и естествовѣдѣнію. Благодаря обязательному участію Академика А. А. Кунина, я имѣлъ возможность вполнѣ исчерпать эти рукописные матеріалы и воспользовался ими въ предлагаемомъ трудѣ. — Наибольшаго снисхожденія требуетъ мой обзоръ работъ Ломоносова по *естествовѣдѣнію:* эта область довольно удалена отъ предмета моихъ спеціальныхъ занятій и поэтому я предоставляю нашимъ натуралистамъ дать ученую обработку тѣмъ фактамъ, которые я могъ собирать, но не оцѣнивать. Съ бо́льшей увѣренностію могу предложить *филологамъ* вторую часть своего труда, гдѣ, на основаніи довольно подробныхъ сличеній, я старался опредѣлить отношеніе филологическихъ трудовъ Ломоносова къ предшествовавшимъ и современнымъ, указывая на ихъ значеніе съ высоты современной намъ филологической теоріи.

Историческая часть ученыхъ работъ Ломоносова оставлена

мной въ сторонѣ, потому что не изданы еще важные матеріалы, находящіеся въ Архивѣ конференціи Академіи Наукъ, обнародованія которыхъ можно, кажется, ожидать отъ Академика Пекарскаго.

Рѣшаясь теперь издать болѣе обработанные отдѣлы моего труда, считаю долгомъ заявить глубокую благодарность *Совѣту И. С. П. Б. Университета,* благодаря участію и содѣйствію котораго появляется въ печати это сочиненіе. При всѣхъ недостаткахъ студенческаго еще опыта оно можетъ представить нѣкоторую новизну и интересъ для любителей отечественной исторіи и литературы.

Текстъ сочиненія перепечатывается здѣсь изъ *Журн. Мнѣ. Нар. Пр. (Августъ* и *Сентябрь 1869 г.),* а **Приложенія** издаются въ первый разъ.

Въ непродолжительномъ времени я надѣюсь издать еще отдѣльнымъ выпускомъ «*Матеріалы для оцѣнки Ломоносова въ историко-литературномъ отношеніи*», куда войдутъ:

1. **Систематическій списокъ всѣхъ** (гдѣ либо названныхъ Ломоносовымъ) **сочиненій, которыми онъ пользовался по разнымъ отраслямъ своей спеціальности;**
2. **Полный хронологическій указатель всѣхъ его сочиненій, статей, одъ, писемъ и замѣтокъ, съ указаніемъ ихъ содержанія и замѣчаніями хронологическими и историко-литературными;**
3. **Разные отрывки изъ неизданныхъ еще ученыхъ и литературныхъ сочиненій Ломоносова.**

А. Будиловичъ.

25-го Октября
1869 г.

СОКРАЩЕНІЯ И ССЫЛКИ.

1. **Адодуровъ.** См. Вейсманъ.
2. **А. Н.** — Академія Наукъ.
3. **Вейсм.** См. Прилож. стр. 1.
4. **Вольфъ** — Thümigii, Institutiones philosophiæ Wolfianæ. Francf. 1729.
5. **Гейнзіусъ.** Beschreibung des im Anfang des Jahres 1744 erschienenen Cometen. S. Pet. 1744. (ср. Дамаск. II, 454. Смрд. II, 100).
6. **Готш.** — I. C. Gottsched's, Ausführliche Redekunst. Leipzig 1736, 8.
7. **Дам.** — Еп. Дамаскина, изданіе сочиненій Ломоносова 1778 г. 3 т.
8. **Каус.** — Caussini, De Eloquentia sacra et humana libri XVI, Editio 8-va, Coloniæ Agrippinæ, 1681 г. 4.
9. **Крижаничъ,** Русское Государство въ половинѣ XVII в. изд. Безсоновъ, Москва, 1859 г. 2 ч.
10. **Кун.** — А. А. Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII в. Спб. 1865 г. 2 ч.
11. **Пекарскій,** Дополнительныя извѣстія для біографіи Л-ва. Спб. 1865.
12. **Пом.** Pomey, Novus Condidatus Rhetoricæ, 1-е изд. Lugduni 1681 г.
13. **Посошковъ,** Сочиненія, изд. Погодина М. 1842, 1865 г. 2 ч.
14. **Смирдинъ,** Изданіе сочиненій Ломоносова, 1847 г. 3 ч.
15. **Смотр.** См. Прилож. стр. 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ (1—18).

Объемъ ученыхъ и литературныхъ работъ Ломоносова (стр. 1—3). Кругъ его научныхъ средствъ (4—5) и количество труда (5—6); руководящая цѣль жизни Л—ва (6—7) и ближайшія послѣдствія его дѣятельности (7—9). Особенность дарованій Л—ва (9): ясность и основательность (10), систематизація, примиреніе опытнаго и умозрительнаго методовъ (11); отношеніе къ авторитетамъ (12—14). Внѣшніе пріемы ученыхъ и литературныхъ работъ Л—ва (14—15). Хронологическая послѣдовательность и группировка фактовъ писательской дѣятельности Л—ва (15—18).

А.

Ученая дѣятельность Ломоносова по естествовѣдѣнію (18—62).

Взглядъ Л—ва на отношеніе науки къ религіи (18—23). Утилитаризмъ въ наукѣ (23—25) и отношеніе ея къ искусству, по понятію Л—ва (25—26).

I. **Натуральная философія** (26—37). Атомистическая теорія Бойля и греческихъ атомистовъ (26—28). Зарожденіе и развитіе системы натуральной философіи Л—ва (28—32) и основныя ея положенія (33); отношеніе къ системѣ Дубровчанина Бошковича (33—36). Повтореніе мыслей Л—ва въ физической теоріи Бодримона (36—37).

II. **Химія** (37—42). Взглядъ Л—ва на современныя ему химическія теоріи (37—38); стремленіе дать химіи физическую и философскую подкладку (38—40); рукописные химическіе курсы и замѣтки Л—ва (40); устроеніе и описаніе академической лабораторіи (40—42). Взглядъ Л—ва на свои химическіе труды (42).

III. **Металлургія.** Послѣдовательность, размѣры и новые планы работъ Л—ва по металлургіи и минералогіи (42—43).

IV. **Физика** (43—52) — собственный центръ ученой дѣятельности Л—ва (43—44). Курсъ физики по сочиненіямъ Л—ва (44—45). Объясненіе явленій свѣта и теплоты (45); наблюденія и теорія явленій электричества вообще (45—48) и сѣверныхъ сіяній въ особенности (48—50). Опыты съ маятникомъ (51). Заслуги для метеорологіи и физической географіи (51—52).

V. **Механика** (52—56). Изобрѣтенные Л—мъ инструменты для оптики, метеорологіи, мореплаванія, физики и мозаическаго производства (52—54). 165 замѣтокъ о механическихъ изобрѣтеніяхъ для астрономіи, мореплаванія и физики, или матеріалы для сочиненія «Жезлъ морской» (54—56).

VI. **Мореплаваніе.** Сочиненія и проекты для устроенія ученаго мореплаванія (56—57); планъ сѣверной экспедиціи и приготовительныя для нея работы (57).

Заключеніе. Отзывъ Л—ва о своихъ трудахъ по естествовѣдѣнію (58—60). Ломоносовъ и Араго. Ломоносовская школа русскихъ натуралистовъ (60—61); необходимость историческаго изученія его трудовъ по естествовѣдѣнію (61—62).

Б.

О филологическихъ трудахъ Ломоносова (62—120).

Языкъ Руси старой и новой; участіе Л—ва въ совершившемся переворотѣ (62—63). Сознаніе пользы грамматическаго обученія: Смотрицкій (63), Крижаничъ, Посошковъ, Тредіаковскій (64). Послѣдовательность филологическихъ работъ Л—ва (64—65).

I. **Грамматика** (65—79). Побужденія къ написанію грамматики (65); предметы изслѣдованія и образъ расположенія собираемыхъ матеріаловъ (66—67). Отношеніе Л—ва къ грамматикамъ Смотрицкаго и Адодурова (68); особенности перваго (68—70) и втораго (70). Заимствованія изъ нихъ у Л—ва: сходства и разности въ общемъ расположеніи (70—71) и частныхъ правилахъ (71). Особенности Л—ва въ методѣ (71—72) и внѣшнихъ пріемахъ изслѣдованія и изложенія (72); его отношеніе къ грамматикамъ догматическимъ (72) и философскимъ (72—73); характеръ его обобщеній и опредѣленій (73). Отношеніе къ грамматическому матеріалу Смотрицкаго и Ломоносова (73—74). Непосредственное чутье языка (74). Ученіе о человѣческомъ словѣ вообще (75); о правописаніи (75—78), объ имени (78), о глаголѣ (78—79), о служебныхъ частяхъ слова, о синтаксисѣ (79).

II. **Планъ для филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики надлежащихъ** (80—103). Предположенныя разсужденія развиты или утрачены (80)? Уцѣлѣвшіе рукописные и печатные матеріалы для разсужденій:

1. *О сходствѣ и перемѣнахъ языковъ* и *о языкахъ сродныхъ россійскому.* Страсть къ этимологизаціи: Тредіаковскій и Сумароковъ, Байеръ и Шлецеръ (81). Понятія Л—ва о взаимномъ отношеніи, образованіи (82) и измѣненіи языковъ (83). Сходство коренныхъ словъ родственныхъ языковъ: русскій, греческій, латинскій и нѣмецкій (83—84); нарѣчія славянскія (84).
2. *Область русскаго языка.* Глубокое знакомство съ нимъ Л—ва (84—85). Понятіе его о *преимуществахъ* и *красотѣ русскаго языка* (85—86); заботы о его *чистотѣ* (86); пуризмъ въ языкѣ Тредіаковскаго (86), Сумарокова и Л—ва (87). Источникъ русскихъ варваризмовъ (87—88); заслуги Л—ва въ образованіи русской научной терминологіи (88). Взглядъ Л—ва на реформу Петра, отразившуюся и на языкѣ (89).
3. *Отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому.* Взглядъ на этотъ предметъ Зиновія Отенскаго, Смотрицкаго (90), Лудольфа, Адодурова и Тредіаковскаго (91); противорѣчія во взглядѣ послѣдняго на языкъ народный и литературный и его отношенія къ церковно-славянскому (92). Сумароковъ противъ архаизмовъ и провинціализмовъ (93). Мнѣніе Л—ва

о стародавнемъ отличіи велико-русскаго языка отъ церковно-славянскаго (93—94) — въ словахъ и формахъ (94); значеніе церковно-славянскаго языка въ ученіи о трехъ штиляхъ и причины высокаго мнѣнія о языкѣ церкви (95—96). «Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ» и дополненіе ученія о штиляхъ изъ грамматики Л—ва (96—97). Разумное предпочтеніе архаизмовъ варваризмамъ (97); на церковно-славянскомъ языкѣ утверждаются правила русской орѳографіи и этимологіи (97); польза чтенія церковныхъ книгъ (98).

4. Участіе *просторѣчія* въ образованіи литературнаго языка (98); діалекты русскаго языка (99); пристрастіе Л-ва къ Московскому и Поморскому (99—100); провинціализмы въ его грамматикѣ (100).
5. *О новыхъ россійскихъ рѣченіяхъ* (100—101). *О переводахъ* (101), между прочимъ миѳологическихъ названій (101). *О синонимахъ* (101). Выписки лексикологическаго и фразеологическаго матеріалу изъ Псалтыри, народныхъ сказаній и проч. (102). *О лексиконѣ* (102—103). *О выданныхъ книгахъ* (103).

III. **Риторика** (103—111). Отзывъ объ ней М. Евгенія (103). Риторика—трудъ компиляторскій (104); ея источники и способъ пользованія ими (104—106); достоинства въ выборѣ правилъ и примѣровъ (106); болѣе оригинальныя части риторики Л—ва и просвѣчивающій въ нихъ взглядъ на практическія ея приложенія (107—108); замѣтки о штиляхъ и нѣкоторыхъ звукахъ русскаго языка (108—109); эпиграмма «къ Пахомію» (109); для краснорѣчія нужно много знаній кромѣ риторики (109—110); примѣры изъ авторовъ древнихъ и новыхъ (110) и собственнаго сочиненія (111). Предположенное «прибавленіе» Л—ва къ риторикѣ (111).

IV. **Ораторія и поэзія.** Ихъ предполагаемое содержаніе и судьба (111—112). «*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*». Его полемическое отношеніе къ «способу къ сложенію россійскихъ стиховъ» Тредіаковскаго (113—115); споры о достоинствѣ ямба и хорея и о сочетаніи россійскихъ стиховъ (115—117). Уцѣлѣвшіе въ «Письмѣ» отрывки изъ потерянныхъ для насъ, еще школьныхъ, поэтическихъ затѣй Л—ва (117—118).

Заключительные выводы о значеніи сочиненій Л—ва по теоріи языка и словесности (118—120).

Приложенія.

Матеріалы для изслѣдованія состава: I. Грамматики Ломоносова (1—16), II. Плана для филологическихъ изслѣдованій (17—35) и III. Риторики (36—72).

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	строка.	Напечатано.	Читать.
5	8	Gebüsche	Gedünste.
10	5	педагогическаго	педантическаго
35	8 снизу.	отказывается	оказывается
39	29	Вейгеръ	Цейгеръ.
—	33	consprectus	conspectus.
51. Переставить примѣчанія: 2, 1 (послѣднее относительно къ соч. Жамена).			
81	18	за Ра мати	зара мати

ОБЪ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА ПО ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЮ И ФИЛОЛОГІИ.

(Посвящается В. И. Ламанскому).

Въ одномъ изъ своихъ эпиграмматическихъ стихотвореній Тредіаковскій сказалъ про Ломоносова слѣдующее:

„Цыга́носовъ всѣмъ вся какъ дивный грамматистъ,
„Какъ риторъ, какъ пінтъ, историкъ, машинистъ,
„Какъ физикъ, музыкантъ, художникъ, совершитель....“ [1]).

Въ другомъ, прозаическомъ пасквилѣ на Ломоносова, также принадлежащемъ перу Тредіаковскаго, читаемъ:

„Нѣтъ въ свѣтѣ и не бывало человѣка, котораго бъ онъ хотя въ малую цѣну противъ себя поставилъ. Не великъ предъ нимъ Картезій, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новыми и толь въ свѣтѣ прославленными ихъ изысканіями; онъ всегда за лучшія и важнѣйшія свои почитаетъ являемыя міру откровенія.... Во всѣхъ наукахъ и во многихъ языкахъ почитаетъ онъ себя совершеннымъ, хотя понятія не имѣетъ; со всѣмъ тѣмъ ежели не знающій ученыхъ шарлатановъ его послушаетъ, легко повѣрить можетъ, что онъ въ свѣтѣ первый полигисторъ“ [2]).

Никто изъ современниковъ Ломоносова не оставилъ намъ свидѣтельствъ, которыя могли бы послужить точною повѣркою словъ Тредіаковскаго, дѣйствительно ли собесѣдникъ Ломоносова выносилъ такое подавляющее впечатлѣніе изъ разговора съ нимъ; но мы охотно вѣримъ на слово Тредіаковскому, тѣмъ болѣе, что подобное же не только впечатлѣніе, а убѣжденіе вынесли и мы изъ изученія учено-литературныхъ трудовъ Ломоносова. Мы припоминаемъ слова его о Петрѣ Великомъ:

„Я въ полѣ межь огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межь трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махи-

[1]) *Библіограф. Записки*, 1859 года, ст. 514.
[2]) Тамъ же, ст. 466—467.

нами.... я межь стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча“ [1]).

Слова эти совершенно примѣнимы къ самому Ломоносову: въ какую область человѣческой дѣятельности вы ни заглянете, всюду встрѣтите слѣдъ его труда и размышленія. Сумароковъ хвалился тѣмъ, что онъ, подобно Вольтеру, писалъ во всѣхъ родахъ стихотворства; но и на этомъ поприщѣ, спеціальномъ для Сумарокова и побочномъ для Ломоносова, послѣдній можетъ поспорить съ первымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ломоносовъ оставилъ послѣ себя произведенія во всѣхъ родахъ стихотворства. Изъ двадцати-трехъ видовъ „разныхъ поэмъ, стихами сочиняемыхъ“, которые признавала литературная теорія XVIII вѣка [2]), мы можемъ указать у Ломоносова примѣры, по крайней мѣрѣ девятнадцати, а именно: 1) *эпическая поэма:* „Петръ Великій“; 2) *лирическая:* оды; 3) *драматическая:* трагедіи „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“; 4) *буколическая:* „Полидоръ“; 5) *элегіаческая:* „Кузнечикъ дорогой....“; 6) *эпиграмматическая:* на Сумарокова, Тредіаковскаго, Елагина, къ И. И. Шувалову: „Спасибо за грибы“.... „О движеніи земли“; 7) *дидактическая:* „О пользѣ стекла“; 8) *сатирическая:* „Гимнъ бородѣ“, „Пахомію“ и проч.; 9) *епистоларная:* „Письмо къ И. И. Шувалову“ (1750 г.); 10) *генетліаческая:* ода XII-я (1754 года); 11) *эпиталамическая:* ода V-я (1745 г.); 12) *анобатерическая,* 13) *эпибатерическая* и 14) *пропемптическая* — нѣтъ; 15) *синхаристическая:* на возвращеніе графа Г. Г. Орлова (1764 г.); 16) *эпиникическая:* оды на взятіе Хотина и на побѣду при Вильманштрандѣ; 17) *сотерическая* и 18) *эоническая* — нѣтъ; 19) *панегирическая:* ода на восшествіе на престолъ Екатерины II; 20) *евхаристическая:* ода X-я (1750 года); 21); *схоластическая:* надпись XXXIV-я; 22) *просевтическая:* просительные стихи Елисаветѣ Петровнѣ; 23) *апологетическая:* басни, помѣщенныя въ §§ 306 — 308 „Риторики“.

Но не забудемъ, что Ломоносовъ по своей спеціальности былъ *химикъ* и *металлургъ*, что ему стоило большихъ трудовъ построить лабораторію, что намъ остались цѣлыя груды его лекцій, записокъ и замѣтокъ по части химіи, учебникъ металлургіи, много приготови-

---

[1]) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, 614. Какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на Смирдинское изданіе выписки изъ него провѣрены изданіями сочиненій Ломоносова 1757, 1778 и 1786—1787 годовъ.

[2]) Сочиненія Тредіаковскаго, изд. Смирдина, I, 167 и слѣд.

тельныхъ работъ для описанія находимыхъ въ Россіи минераловъ, сочиненія „о слояхъ земныхъ“ и „о происхожденіи камней отъ трясенія земли“, стоящія на уровнѣ современной не Ломоносову, а намъ науки — физической географіи и геологіи. По *призванію* же своему Ломоносовъ былъ болѣе всего *физикъ*, и въ этой области онъ пришелъ къ наиболѣе положительнымъ результатамъ, которые въ свое время доставили ему европейскую извѣстность: онъ одинъ изъ первыхъ думалъ о болѣе точномъ опредѣленіи законовъ упругости воздуха и земнаго притяженія, выработалъ новую теорію для объясненія физическихъ явленій теплоты, свѣта, цвѣтовъ, электричества и сѣверныхъ сіяній, наконецъ занимался наблюденіемъ планетныхъ атмосферъ и теоріей кометныхъ хвостовъ.... Неистощима была изобрѣтательность его тонкаго и оригинальнаго ума въ области *механики:* онъ занимался усовершенствованіемъ старыхъ оптическихъ инструментовъ и изобрѣлъ новые, каковы: никтоскопъ, батоскопъ, горизонтоскопъ, множество инструментовъ для мореходной практики, для точнѣйшаго опредѣленія долготы и широты на морѣ, дромометръ, самопишущій компасъ, анемометръ, инструментъ для опредѣленія температуры на днѣ морскомъ, самопишущія метеорологическія обсерваторіи, универсальный барометръ, много новыхъ машинъ для мозаическаго производства, и проч. Наконецъ, Ломоносовъ задумалъ и почти выработалъ цѣлую величественную систему *натуральной философіи*, надъ которою онъ размышлялъ болѣе двадцати лѣтъ и которую по частямъ развивалъ въ своихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ (преимущественно, въ рѣчи „о происхожденіи свѣта и цвѣтовъ“). Но перечисливъ всѣ эти труды Ломоносова, мы не назвали еще и половины того, на чемъ онъ оставилъ память своего имени. Химія не мѣшала ему заниматься составленіемъ *теоріи краснорѣчія* и *стихотворства*, физика совмѣщалась съ *грамматикою* русскаго языка, а мозаика съ чтеніемъ Геродота и Плинія, Нестора и Кормчихъ книгъ; наконецъ, параллельно всѣмъ этимъ трудамъ шелъ цѣлый рядъ *проектовъ* — о просвѣщеніи Россіи, объ умноженіи ея населенія и домостроительствѣ, объ ученомъ изслѣдованіи Россіи и открытіи сѣвернаго полюса, проектовъ, съ которыми переплетались и которымъ разчищали дорогу цѣлая масса доношеній, представленій и частныхъ писемъ—къ Шуваловымъ, Орлову, Воронцову, и Чернышеву, Татищеву и Рычкову, Миллеру и Теплову, Эйлеру и Занотти и т. д. И при всемъ томъ у Ломоносова оставалось время для *переводовъ* одъ, мелкихъ стихотвореній, учебниковъ и цѣлыхъ ученыхъ разсужденій своихъ и чужихъ. Вообще, считая въ общей

массѣ, до насъ уцѣлѣло отъ Ломоносова 1 поэма (не конченная) 2 трагедіи, 36 одъ (въ томъ числѣ 5 переводныхъ), около 100 мелкихъ стихотвореній, 5 похвальныхъ и благодарственныхъ словъ, 17 ученыхъ разсужденій, 10 отчасти оригинальныхъ, отчасти переводныхъ учебниковъ, около 170 ученыхъ замѣтокъ разнаго содержанія и объема, 76 писемъ къ разнымъ лицамъ (къ одному И. И. Шувалову 32 письма), и наконецъ, болѣе 350 разныхъ официальныхъ представленій и проектовъ. И все это въ двадцать-пять лѣтъ, проведенныхъ въ утомительной и истощающей борьбѣ, переполненныхъ душевнымъ безпокойствомъ, матеріальными лишеніями и частымъ нездоровьемъ, подъ рядъ съ обязанностями преподавателя, со многими сторонними обязанностями, сопряженными съ профессіей химика, въ родѣ пробы казенныхъ рудъ и проч., подъ рядъ съ обязанностями содержателя завода, сочинителя стиховъ на разные торжественные случаи, академика, начальника учебныхъ заведеній и начальника географическаго департамента и т. д.

Но можетъ-быть, Тредіаковскій былъ въ самомъ дѣлѣ правъ, называя Ломоносова только ученымъ шарлатаномъ? Можетъ-быть, этотъ энциклопедизмъ Ломоносова былъ отраженіемъ на немъ общей слабости вѣка, и потому Ломоносова слѣдуетъ скорѣе назвать *дилетантомъ*, чѣмъ *полигисторомъ?* Если бы въ этомъ случаѣ не было достаточно убѣдительно содержаніе его сочиненій, по которому и самый недальновидный легко отличитъ мастера дѣла отъ ловкаго краснобая, то мы укажемъ на кругъ тѣхъ *научныхъ средствъ*, которыми Ломоносовъ располагалъ, и на объемъ его эрудиціи. На первый разъ достаточенъ будетъ для обращика перечень именъ авторовъ, трудами которыхъ Ломоносовъ пользовался при своихъ химическихъ изысканіяхъ: Becher, Boerhaave, Browring, Burghardt, Cramer, Degener, Erker, Ettmüller, Félé (Felarius), Freind, Gellert, Henkel, Hoffmann, Kunckel, Lemmery, Le Mort, Muschenbrock, Neumann, Pott, Stabel, Stahl, Teichmeier. Правда, Ломоносовъ занимался химіей по профессіи, но въ черновыхъ его рукописяхъ [1]) сохранились длинные списки знакомыхъ ему сочиненій и по всѣмъ другимъ отраслямъ знаній и литературы: здѣсь, рядомъ съ именами Лейбница, Эйлера, Бошковича, Линнея можно встрѣтить стихотворенія Петрарки и Гагедорна въ подлинникахъ, „The art of making

[1]) Эти рукописи хранятся нынѣ въ русскомъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, подъ №№ 58 и 112. За указаніе этихъ рукописей и многіе полезные совѣты при составленіи предлагаемаго труда считаю долгомъ выразить свою глубокую признательность академику А. А. Куник у.

common salt", „Considérations sur les causes de la grandeur des Romaines et de leur décadence", и „Notize del memorabile scoprimento del' antica citta Ercolano", „La verita del diluvio universale", „Systema plantarum", „Le tracé des camps" и „Geschichte der schönen Wissenschaften" и т. д. Что заставляло Ломоносова много и серіозно заниматься, напримѣръ, сельскимъ хозяйствомъ? Между списками его книгъ встрѣчаемъ: *Home,* „Grundsätze des Ackerbaues"; „Anleitung für einen Landmann"; *Haller,* „Versuch schweizerischen Gebüsche"; „Vom Bau des türkischen Weitzen"; *Saltuarii Fokelii,* „Silvicultura Russiae"; *Liegesteiners,* „Wohlversuchter Zwerg-Baum"; „Объ охраненіи скота отъ моровой язвы"; „Neues Weberbuch" и даже „Brandenburgisches Kochbuch"!

Но какъ же совмѣщалась въ головѣ этого человѣка, хотя бъ и не одновременно, такая груда разнороднѣйшихъ занятій? И это человѣкъ, котораго звали „Діонисовымъ сынкомъ",

„Съ молодыхъ который лѣтъ
„Сыномъ Бахуса слыветъ...
„Взявши годовой окладъ,
„Безполезно пропиваетъ
„И безпутства причиняетъ!" [1])

Или, можетъ-быть, Ломоносовъ рисовался, когда говорилъ:

„Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія — для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки" [2]).

Посмотрите, въ таблицѣ наблюденій Ломоносова надъ маятникомъ [3]), въ какіе часы онъ дѣлалъ эти наблюденія: 17-го марта въ 12 часовъ вечера, 18-го въ 4 ч. утра, 28-го въ 11 ч. в., 29-го въ 4 часа утра, 31-го въ 10 ч. в., 1-го апрѣля въ 2, $4^3/_4$ и 7 ч. утра, 9-го въ 11 ч. в. и $4^1/_2$ ч. утра, 11-го въ 1 и 8 ч. утра, 12-го въ $5^1/_2$ ч. утра и $10^1/_2$ вечера [4]). Послѣ этого можно повѣрить справедливости словъ Ломоносова въ „Письмѣ къ И. И. Шувалову":

---

[1]) Стихи Тредіаковскаго, *Библіограф. Зап.* 1859 года, ст. 468.
[2]) Соч. Лом., I, 662.
[3]) Тамъ же, II, 251 — 253.
[4]) Не даромъ Ломоносовъ говорилъ:

«Кто хочетъ много знать,
«Тотъ долженъ мало спать» (Рукопись Акад. Н., № 112, л. 15).

„Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
„Воспомяни мое раченье и труды!
„Межь стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь,
„Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
„О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
„И радости въ одномъ мечтаніи ищу“ [1]).

Можно согласиться, что не легко досталась ему его ученость, что она не была ни шарлатанствомъ, ни диллетантизмомъ, не походила на модную ученость вѣка, и что онъ имѣлъ полное право съ презрительнымъ негодованіемъ и гордою самоувѣренностію отвѣтить на низкую брань Тредіаковскаго:

„Ученія его, и чести, и труда
„Не можешь повредить ни ты, ни борода“ [2]).

И конечно, съ этою справедливою похвальбою соглашались его современники, если даже самъ Сумароковъ могъ сказать: „Ломоносовъ толико отстоитъ отъ Тредіаковскаго, какъ небо отъ ада“ [3])!

Гдѣ же тотъ живой центръ, къ которому тяготѣли и вокругъ котораго располагались до безконечности разносторонніе труды Ломоносова? Гдѣ ихъ главная руководящая мысль, тайная пружина, дававшая движеніе этому часовому механизму? Была ли это безсознательная и невольная жажда дѣятельности и знанія, тревожная, порывистая и нигдѣ не успокоивающаяся, пока не истощится громадный запасъ душевной пытливости, жажда дѣятельности, которая томится надъ не разгаданною тайною, не разрѣшимымъ вопросомъ? Или это духъ честолюбія, эгоистическаго, хотя часто наивнаго, желанія прослыть седьмымъ чудомъ свѣта, нѣкоторая удаль и похвальба собою, которая исходитъ отъ преувеличенной, часто еще гадательной вѣры въ свою геніальность, и которая такъ сродна русской натурѣ? Или наконецъ, это — сознательное стремленіе къ труду и подвигу человѣка, носящаго въ своемъ лицѣ думы вѣка и заботы цѣлаго народа, чувствующаго въ себѣ высшія силы ума и воли и внутреннее призваніе явиться въ міръ носителемъ новой идеи, просвѣтительной и освободительной? Мы, конечно, склоняемся къ послѣднему, хотя не отвергаемъ возможнаго участія двухъ первыхъ мотивовъ. Да, Ломоносовъ имѣлъ опредѣленную цѣль въ своей безконечно разносторонней дѣятельности и

---

[1]) Соч. Лом., I, 278.
[2]) *Библ. Зап.* 1859 года, ст. 474.
[3]) Сочиненія Сумарокова, изд. 2-е, X, 73.

вполнѣ сознавалъ призваніе своей жизни; то и другое онъ высказалъ совершенно ясно. „Начинаю съ словесныхъ наукъ“, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рукописныхъ замѣтокъ, писанной, вѣроятно, около 1750 года, — „и ежели Богъ велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ... Я самъ и не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать“ [1]). Въ другой, тоже рукописной замѣткѣ онъ говоритъ: „Ostendam, quod contra quorundam vagabundarum mentem in septentrionibus quoque dari ingenia“ [2]).

Итакъ, вопервыхъ, цѣлью Ломоносова было вызвать къ умственной дѣятельности прозябающія и еще не сознавшія себя народныя силы; и вовторыхъ, показать міру, что Богъ

„Межь льдистыми горами
„Великъ своими чудесами“,

вызвать изъ устъ высокомѣрныхъ въ своемъ знаніи западныхъ народовъ невольное признаніе геніальности русскаго народа. Не мѣсто здѣсь распространяться, на сколько успѣлъ Ломоносовъ въ томъ и другомъ; мы можемъ однако, не боясь упрека въ преувеличеніи, сказать, что онъ прошелъ въ жизни русскаго народа великимъ сѣятелемъ, далъ ему исторію его страны, грамматику его языка и теорію рѣчи, установилъ терминологію химическую, физическую, астрономическую, географическую, металлургическую и проч., создалъ литературный языкъ, подкрѣпляя теорію практикой, и если и не успѣлъ во всемъ, то во всякомъ случаѣ много сдѣлалъ для устроенія школъ и университетовъ, пробудилъ въ Русскихъ чувство собственнаго достоинства и сознаніе силъ, вызвавъ своихъ соотечественниковъ на борьбу съ одолѣвавшими пришельцами, за свободу русскаго ума и самобытность, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, русской науки. Русскіе, какъ и вообще Славяне, склонны сомнѣваться въ своихъ способностяхъ къ какой-нибудь исторической роли. Такъ напримѣръ, Крижаничъ, сказавъ, что „Нѣмцы почитаютъ насъ во скота мѣсто“, повидимому, и самъ соглашается съ справедливостію этого приговора, говоря: „Народа нашего люди есуть коснаго разума и неудобно сами что̀ выдумаютъ, аще имъ ся не покажетъ“ [3]). Но Петръ Великій разубѣдилъ въ этомъ не только нашихъ враговъ, но и насъ самихъ. Посошковъ думалъ ужь иначе: „Много Нѣмцы ушлѣе насъ науками, а наши остротою по благости Божіей не хуже

[1]) Рукопись Ак. Н., № 112, лл. 105—106.
[2]) Тамъ же, № 58, л. 476.
[3]) Русское государство въ концѣ XVII вѣка, стр. 42.

ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно“ [1]). А Манштейнъ могъ уже заявить Европѣ, что „въ Россіи простой народъ имѣетъ много здраваго ума и разсудительности, понятливости, сообразительности и находчивости“, и что „только незнаніе русскаго языка и высокомѣрная невнимательность раждаетъ въ Европѣ тотъ унижающій взглядъ на русскій народъ, за который онъ отплачиваетъ ненавистью ко всему иностранному“ [2]).

Ломоносовъ былъ для всѣхъ живымъ примѣромъ способности русскаго простаго народа къ настойчивой и систематической умственной дѣятельности; говоримъ: *простаго*, потому что *персоны высокородныя* любили *попрекать* Ломоносова *его низкою породою*, видя его *какъ бѣльмо на глазу* [3]), и даже не очень высокородные, напримѣръ, Тредіаковскій, напоминали ему:

„Ты преподло былъ рожденъ,
„Хоть чинами и почтенъ“ [4]).

Въ послѣдствіи времени всѣ друзья народа имѣли уже на кого ссылаться въ оправданіе своей любви къ народу и вѣры въ него [5]). Примѣръ былъ такъ разителенъ, что даже Шлецеръ, личный врагъ Ломоносова, чья ненависть не остыла даже сорокъ лѣтъ спустя послѣ смерти Ломоносова, и который, въ своей автобіографіи, укорялъ его въ „невѣроятномъ невѣжествѣ и явномъ безумствѣ“ (unglaubliche Ignoranz и bare Unsinn) [6]), не могъ однако утаить своего удивленія къ геніальности этого человѣка: „Ломоносовъ былъ истинный геній, который могъ бы сдѣлать честь всему сѣверному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство того, что геній не зависитъ отъ

---

[1]) Сочиненія Посошкова, I, стр. 273.

[2]) Mémoires de Manstein, II, 394.

[3]) Слова самого Ломоносова; см. Матеріалы для его біографіи, *Билярскаго*, стр. 432.

[4]) *Библ. Зап.* 1859 г., ст. 469.

[5]) Такъ напримѣръ, въ планѣ университета, выработанномъ училищною коммиссіей въ 1787 году, въ доказательство, что «несвободные люди также должны быть въ университетѣ», приведено слѣдующее: «Исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу; въ отечествѣ нашемъ стяжавшій оную Ломоносовъ служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ» (*Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. Оттискъ изъ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, стр. 50).

[6]) *Schlözer's* Oeffentliches und Privat-Leben, стр. 215.

широты и долготы“ [1]). Даже Шумахеръ признавалъ, „что у г. совѣтника и профессора Ломоносова замѣчательный умъ“ (ein besonders gutes Genie), и что у него „особливое предъ прочими дарованіе, чего не отвергаютъ и здѣшніе профессора и академики“ [2]). А воспитатель великаго князя Павла Петровича, С. А. Порошинъ, съ гордостію говорилъ своему питомцу, что „головъ годныхъ много въ Россіи, хотя такія головы, какова Ломоносова, и рѣденьки нѣсколько“, и что „природа не многихъ Ломоносовыми сдѣлала“ [3]). Но все это еще очень обще: какъ точнѣе опредѣлить особенность дарованій Ломоносова, въ которомъ мы можемъ видѣть перваго типическаго представителя чисторусскаго ума, просвѣщеннаго строгою наукою?

Есть два рода геніевъ: одинъ изъ нихъ, такъ-сказать, геній *афоризма*, острый, тонкій и проницательный, но творящій случайно и не всегда равный себѣ; онъ поражаетъ блескомъ и оригинальностію, но все это не твердо и не прочно, все это больше схвачено на лету, угадкою, чѣмъ завоевано строгимъ мышленіемъ; это дарованіе стихійное, не овладѣвшее вполнѣ собою. Другой родъ геніевъ—геній *силлогизма*, организаторскій, поражающій не столько рѣзкостію и неожиданностію, сколько простотой, а главное, необходимостью своихъ выводовъ; его особенность состоитъ въ той собирающей силѣ ума, которая въ данный моментъ сводитъ въ одинъ фокусъ разсѣянные лучи знанія, вдругъ приводитъ къ сознанію всѣ признаки предмета и изъ сопоставленія ихъ творчески образуетъ отвлеченное понятіе или живой образъ, съ характеромъ полноты и законченности въ цѣломъ и частяхъ, съ характеромъ внутренней необходимости, слѣдовательно, долговѣчности вывода, могущаго измѣниться или пасть только съ открытіемъ цѣлаго круга новыхъ фактовъ и явленій, не вошедшихъ составными элементами въ прежде созданную систему. Геній въ этомъ высшемъ понятіи не можетъ не быть умомъ *философскимъ*— въ области ли то поэзіи, науки, или политической дѣятельности, философскимъ въ смыслѣ стремленія къ обобщенію фактовъ, самовозвышенія надъ ними и открытія повелительнаго закона, проявляющагося въ единичныхъ фактахъ и явленіяхъ, управляющаго и царящаго надъ ними. Таковъ въ самомъ дѣлѣ былъ умъ Ломоносова, умъ всегда равный себѣ, ясный и основательный, сосредоточенный и одаренный самообладаніемъ, умъ систематическій и организующій, твердый и упру-

[1]) Тамъ же, 219.

[2]) *Пекарскій*, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 59.

[3]) Записки С. А. Порошина, 205 и 208.

гій, но достаточно тонкій для того, чтобы схватывать самыя отдаленныя аналогіи, — умъ, равно способный для механической изобрѣтательности и къ философскимъ обобщеніямъ, въ высокой степени оригинальный и независимый. Вѣроятно, еще на школьной скамьѣ Ломоносову надоѣлъ трансцендентальный туманъ педагогическаго философствованія, и онъ рѣзко говоритъ противъ смутныхъ, сбивчивыхъ и неясныхъ представленій въ вопросахъ науки, какъ напримѣръ, въ слѣдующей замѣткѣ: „Qui obscure scribunt ignorantiam suam vel produnt inscii, vel tegunt consulto male. Confuse de iis scribunt, quae confuse sibi imaginant“ [1]).

Уже Вольфъ засвидѣтельствовалъ въ аттестатѣ, данномъ Ломоносову, что молодой русскій его ученикъ „безмѣрно любилъ основательное ученіе“ [2]), и Ломоносовъ съ гордостію говоритъ о себѣ: „Ille, ipse methodi artifex (Вольфъ) non semel probavit meam soliditatem et me senex juvenem adhuc miratus est“ [3]). И Ломоносовъ хорошо воспользовался уроками Вольфа: основательность и глубина признаны за нимъ и друзьями, и недругами. Эйлеръ писалъ въ 1746 г. о сочиненіяхъ Ломоносова: „Il traite des matières de la physique et de la chymie, qui étaient jusqu'à présent inexplicables aux plus grands génies, avec tant de solidité, que je suis tout à fait persuadé de la justesse de ses explications“ [4]). А Крафтъ, не соглашаясь съ основною мыслію рѣчи Ломоносова объ электричествѣ, не могъ скрыть, что она „доставила ему много удовольствія, ибо она прекрасна, отлично написана и обличаетъ высокое дарованіе (génie supérieur) [5]). Логика Ломоносова неумолима и безошибочна; онъ совершенно свободенъ отъ упрековъ въ непослѣдовательности и торопливости выводовъ, въ пристрастіи къ предвзятой теоріи, а слѣдовательно, свободенъ отъ промаховъ и увлеченій во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ имѣлъ подъ рукою достаточное количество фактовъ (въ массѣ ихъ онъ никогда не терялся), — и замѣчательно, — гдѣ онъ сознавалъ себя только ученымъ, а не поэтомъ или патріотомъ (какъ то было, напримѣръ, при его историческихъ трудахъ).

---

[1]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 462.

[2]) *Пекарскій*, Доп. изв., 94.

[3]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 221.

[4]) *Пекарскій*, Доп. изв., 94. Современный переводъ: «Онъ пишетъ о матеріяхъ физическихъ и химическихъ, весьма нужныхъ, которыхъ по нынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, — что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій».

[5]) *Билярскій*, Матеріалы, 257.

Строгая и стройная система одинаково отличаетъ какъ его похвальныя слова, академическія рѣчи, такъ и цѣлые курсы и ученыя разсужденія; но всего блистательнѣе выразилась эта архитектоническая способность его духа въ той стройной и законченной системѣ натуральной философіи, которая собственно и составляетъ кульминаціонную точку геніальности Ломоносова. Съ какою легкостію создавалъ онъ проектъ за проектомъ, и какое различіе и разстояніе ихъ отъ тѣхъ нескладныхъ и непослѣдовательныхъ канцелярскихъ проектовъ, которые сочиняли его современники — Шумахеръ, Таубертъ, Миллеръ!

Далѣе, мы назвали умъ Ломоносова способнымъ къ философскимъ обобщеніямъ. Таковъ онъ и былъ во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ — въ ученіи ли то о языкѣ, въ физико-географическихъ изысканіяхъ о сѣверномъ полюсѣ, въ разсужденіи о свѣтѣ и цвѣтахъ, о громѣ и молніи или о хвостахъ кометъ. Правда, что Ломоносовъ былъ все-таки естествоиспытатель и стоялъ на почвѣ опыта; онъ прямо говоритъ:

„Въ повѣйшія времена науки такъ возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ“ (experientia) [1]).

Но онъ умѣлъ найдти въ своемъ духѣ примиреніе крайностей методовъ опытнаго и умозрительнаго, взаимно ихъ связавъ, ограничивъ и дополнивъ одинъ другимъ. Онъ говоритъ: „Изъ наблюденій установлять теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія — есть лучшій всѣхъ способъ къ изысканію правды“ [2]). Съ презрительнымъ негодованіемъ отзывается онъ о тѣхъ ученыхъ, которые хотятъ рабски подчинить себя факту. Возражая одному изъ своихъ критиковъ, который упрекалъ его за желаніе идти дальше простыхъ опытовъ, Ломоносовъ замѣчаетъ:

„Какъ будто физикъ въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ права возвышаться надъ рутиной и производствомъ опытовъ и не долженъ подчинять ихъ размышленію, чтобы перейдти отъ нихъ къ открытіямъ. Или химикъ, напримѣръ, неужели осужденъ вѣчно держать въ одной рукѣ щипчики, а въ другой плавильный горшокъ и ни на минуту не отлучаться отъ углей и пепла?“ [3]).

---

[1]) Предисловіе въ «Волфіянской экспериментальной физикѣ», 2-е изд. 1760 г.

[2]) Соч., II, 232.

[3]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ, *Куника*, II, 522: «Comme si un physicien n'avait pas effectivement le droit de s'élever au-dessus de la routine et de la manoeuvre des expériences, et n'était pas appellé à les subordon-

Можно вспомнить здѣсь еще слѣдующія слова Ломоносова:

„Особливожь тѣмъ представляю, которые, обращаясь съ похвалою въ одной химической практикѣ, выше углей и пепелу головы своей подпять не смѣютъ.... Для чего толь многіе учинены опыты въ физикѣ и въ химіи? Для чего толь великихъ мужей были труды и жизни опасныя испытанія? Для того ли только, чтобы собравъ великое множество разныхъ вещей и матерій въ безпорядочную кучу, глядѣть и удивляться ихъ множеству, не размышляя о ихъ расположеніи и приведеніи въ порядокъ?“ [1]).

Сюда же относится и слѣдующая рукописная замѣтка Ломоносова, записанная въ 1741 году: „Chymicus verus debet esse etiam philosophus“ [2]).

Наконецъ, мы назвали умъ Ломоносова вполнѣ оригинальнымъ и независимымъ. Нѣкоторые старались указать на Ломоносовѣ вліяніе Вольфіанской философіи [3]). Да, оно замѣтно, но только со стороны метода, а не со стороны взглядовъ. Ломоносовъ съ признательностію отзывался о Вольфѣ: „cui multa debeo“ [4]), но одобрялъ его „особливо ради внятнаго и порядочнаго расположенія мыслей“ [5]). Первыя еще студенческія свои диссертаціи, напримѣръ, „de corporum mixtorum differentia“, и др. Ломоносовъ написалъ по этой Вольфіанской, или еще болѣе старой, схоластической схемѣ: въ этомъ разсужденіи definitiones, corollaria, scholia, lemmata, theoremata, demonstrationes, experimenta и т. д. идутъ вереницей одно за другимъ, поднимаясь отъ низшаго къ высшему, и искусственно поддерживая чисто внѣшнюю, формальную, но за то осязательную, часто до болтливости, связь мыслей и внѣшнюю послѣдовательность въ изложеніи. Мы находимъ этотъ пріемъ даже въ позднѣйшихъ, совершенно самостоятельныхъ трудахъ Ломоносова [6]). Но что въ основныхъ научныхъ взглядахъ Ломоносовъ былъ совершенно независимъ отъ Вольфа, это мы будемъ имѣть случай видѣть ниже. Конечно, понятія школы иногда надолго опредѣляютъ дальнѣйшія воззрѣнія человѣка, но ученый раньше всѣхъ освобождается отъ этихъ

---

ner au raisonnement pour passer dès là aux découvertes. Un chymiste, par exemple, serait-il condamné à tenir éternellement les pincettes d'une main et le creuset de l'autre, à ne pas s'écarter un instant des charbons et des cendres?»

[1]) Соч., II, 145—146.

[2]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 489.

[3]) *Сухомлиновъ*, «Ломоносовъ — студентъ Марбургскаго университета», въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 г., № 1.

[4]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 404.

[5]) «Вольф. эксперимент. физика», 2-е изд., посвященіе.

[6]) Напримѣръ, въ рукописи Ак. Н., № 58, л. 228, въ замѣткахъ, относящихся къ 1756 г.

понятій, ибо хоть онъ и стоитъ на результатахъ своего учителя, но онъ же можетъ и даже долженъ смотрѣть и видѣть дальше и шире. Тредіаковскій всю жизнь не могъ освободиться отъ подавляющаго для него авторитета Роллена. Но не такого закала былъ Ломоносовъ: ни въ жизни, ни въ наукѣ не любилъ онъ жить чужимъ умомъ и волею. На одно неумѣстное предложеніе Шувалова онъ отвѣчалъ слѣдующими рѣзкими словами: „Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметъ“ [1]). Точно то же высказывалъ Ломоносовъ и въ области науки. Онъ прямо даетъ свой голосъ за Декарта, разрушившаго традиціонные средневѣковые авторитеты:

„Славный Картезій осмѣлился Аристотелеву философію опровергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы, кромѣ другихъ его заслугъ, особливо за то благодарны, что тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ во правдѣ спорить и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящему наукъ приращенію“ [2]).

Тою же мыслію Ломоносовъ начинаетъ свое разсужденіе о должности журналистовъ: „Всякій знаетъ, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства, и мѣсто его заступила свобода сужденія“ [3]).

Ломоносовъ часто „multos a juramento in verba magistri avertit“ [4]). Вотъ какъ онъ опредѣляетъ свои отношенія къ авторитетамъ науки, въ замѣткѣ, писанной, вѣроятно, въ октябрѣ 1758 года: „Ne mentem suam scriptor philosophiae adjungat et alligat alicui auctori celebri et meritis inclyto, propter clientelam aliquam, aut pro lubitu cum Platone errare. Mihi vero jam seni.... Patronus Plato, aut alius quispiam, illo major, quaerendus non videtur“. [5]) Но Ломоносовъ свободенъ и отъ упрека въ мелкомъ и дешевомъ оригинальничаньи и заносчивой самоувѣренности: „Plus honoris est aliena vera agnoscere, quam sua falsa tueri“ [6]). Онъ не одобряетъ того

---

[1]) Соч., I, 687.

[2]) «Вольф. эксперим. физика», предисловіе.

[3]) Сборникъ *Куника*, II, 515; тамъ же, 519: «Personne n'ignore, combien les progrès des sciences ont été considérables et rapides, depuis qu' on a secoué le joug de la servitude, et que la liberté de philosopher lui a succédé».

[4]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 474.

[5]) Тамъ же, л. 474.

[6]) Тамъ же, л. 471.

брюзгливаго скептицизма, который порицаетъ все встрѣчное чужое, не выставляя въ замѣнъ ничего своего: „Errores deprehendere leve est, meliora praestare virum probum decet“ [1]). Онъ требуетъ только, чтобы чужое принималось съ выборомъ и разсужденіемъ и подвергалось критикѣ: „Viros de republica litteraria bene meritos non invadam in quibus errarunt, — bono sensu eorum in usum revocabo“ [2]).

Намъ остается еще указать *внѣшніе пріемы* ученыхъ и литературныхъ занятій Ломоносова. Изъ нихъ можно видѣть, что и геній нелегко переживаетъ „муки рожденія“. Вотъ собственныя слова великаго ученаго о процессѣ его ученаго творчества, о зарожденіи и развитіи мыслей въ его головѣ: „Non moris habeo tum primum de re cogitare incipere, quum primum aggredior opus ipsum—eam explicandi... Legendo auctores incidentes de hac re ideas notabam“ [3]). Задумавъ писать какое-нибудь разсужденіе, Ломоносовъ начиналъ размышлять о немъ на бумагѣ: нельзя иначе назвать первоначальныя бѣглыя его замѣтки въ такомъ родѣ: „Cogitandum de luce... Videndi sunt commentarii, an aliquid ibi sit, ad theses meas demonstrandas idoneum... In fine promittendus tractatus de principiis“ [4]). Каждая замѣтка, ссылка, указаніе, даже удачный оборотъ стоятъ въ его черновыхъ бумагахъ подъ нумеромъ, въ томъ порядкѣ, какъ слѣдовали на листѣ замѣтки, стоятъ еще случайно и безъ внутренней связи, кромѣ нѣкотораго единства обдумываемаго предмета. Когда же такихъ замѣтокъ набиралось уже достаточно, онъ группировалъ ихъ, сводя однородное вмѣстѣ и обозначая каждую замѣтку только ея нумеромъ; нумера еще нѣсколько разъ перемѣняли свое мѣсто, прежде чѣмъ устанавливались окончательно; затѣмъ замѣтки выписывались уже въ опредѣленномъ порядкѣ, и матеріалъ, со всѣми ссылками и указаніями, былъ готовъ. Факты обобщались, имъ подводились итоги, и разсужденіе являлось плодомъ долгаго и разносторонняго обдумыванія, и схватывало всѣ болѣе или менѣе существенныя черты и стороны предмета,—отличительное свойство его ученыхъ трудовъ, которое признаютъ за ними и самые ожесточенные враги его. По такому методу или пріемамъ обработаны Ломоносовымъ въ сороковыхъ годахъ диссертаціи: „de calore et frigore“, „de actione menstruorum“, „de motu aëris in fodinis“, и др., и матеріалъ для нихъ всѣхъ можно видѣть въ черновой руко-

[1]) Тамъ же, л. 466.
[2]) Тамъ же, л. 463.
[3]) Тамъ же, л. 221.
[4]) Тамъ же, л. 463 и 472.

писи библіотеки Академіи Наукъ, № 58, лл. 463—472. Такъ же подбирался и обработывался матеріалъ и для русской грамматики, какъ о томъ свидѣтельствуетъ рукопись той же библіотеки, № 112; такъ же сочинялъ Ломоносовъ и свои слова, какъ это видно изъ сохранившагося наброска не произнесеннаго благодарственнаго слова „на торжественную инавгурацію С.-Петербургскаго университета“ (1760 года) [1]). Въ половинѣ мая 1757 года „Ломоносовъ предложилъ разныя матеріи, о которыхъ онъ можетъ сочинить рѣчи и собранію подать въ половинѣ мѣсяца іюля на латинскомъ и на русскомъ языкахъ“, именно пятнадцать совершенно различныхъ и очень обширныхъ темъ, на одну изъ которыхъ и написана его рѣчь „о рожденіи металловъ отъ трясенія земли“ [2]). По нашему мнѣнію, это именно значитъ, что матеріалъ былъ у него собранъ, обдуманъ, и изложенъ въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ представили, и оставалась только внѣшняя обработка, которая не требовала уже ни большихъ усилій, ни продолжительнаго времени. Параллельно съ собираніемъ матеріала и обдумываніемъ предмета шла у Ломоносова и выработка плана задуманной диссертаціи, рѣчи или записки. Иногда, какъ напримѣръ, при составленіи грамматики, такой планъ или „табель“, какъ выражался Ломоносовъ, долго еще передѣлывался, видоизмѣнялся, пока наконецъ не выливался или не кристаллизировался въ извѣстной формѣ. Ломоносовъ не начиналъ писать сочиненіе до тѣхъ поръ, пока не имѣлъ предъ собою всего наличнаго матеріала, строго обдуманнаго и расположеннаго, не приступалъ къ началу, пока не видѣлъ продолженія и конца. Потому-то такъ стройно, цѣльно, округленно и законченно все, что̀ ни выходило изъ-подъ его пера: примѣръ, достойный подражанія.

Ломоносовъ былъ по профессіи *ученый*, съ бо̀льшимъ впрочемъ предрасположеніемъ къ наукамъ естественнымъ (naturalia), чѣмъ къ словеснымъ (humaniora). Но онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе къ дѣятельности болѣе широкой, чѣмъ трудъ кабинетнаго ученаго, а для этого нужно было пробить себѣ дорогу въ тѣ сферы, гдѣ его голосъ могъ бы имѣть вліяніе, чувствительное для всей Россіи. Такъ объясняемъ мы себѣ мотивы, руководившіе имъ при сочиненіи такъ-называемыхъ *похвальныхъ* одъ его; только въ этой формѣ могъ онъ въ

[1]) Соч., I, 619 и слѣд. Числа, поставленныя здѣсь съ боку, безъ сомнѣнія, означаютъ нумера отдѣльныхъ замѣтокъ въ первоначальной черновой рукописи, не сохранившейся до насъ.

[2]) Матеріалы *Билярскаго*, 334.

свое время высказывать тѣ плодотворныя мысли и желанія, объ исполненіи которыхъ онъ мечталъ. Имѣя это въ виду, много жизненнаго содержанія можно найдти въ самыхъ пышныхъ одахъ его. Впрочемъ не надобно думать, чтобы въ поэзіи Ломоносова все было такъ намѣренно и тенденціозно, чтобы тамъ не участвовало элемента свободнаго творчества, если не въ руководящихъ мотивахъ, то въ подробностяхъ замысла и самомъ процессѣ творчества: безъ этого мы не имѣли бы права назвать Ломоносова замѣчательнымъ художникомъ, какимъ мы его признаемъ. Также точно не должно думать, чтобы Ломоносовъ по внѣшнимъ только побужденіямъ, по внушеніямъ ли Шувалова, или по предложенію самой Елисаветы, занимался словесными науками, какъ нѣкоторые готовы заключить изъ извѣстнаго выраженія въ письмѣ къ И. И. Шувалову:

„Итакъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобъ ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ нетолько отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ и сверхъ сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могутъ, едва меньше ли первой“ [1]).

Ломоносовъ сталъ заниматься словесными науками раньше своего сближенія съ Шуваловымъ. Къ 1739 году относится его „письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“, а въ 1746 году была уже готова „Риторика“, которая стоила ему все-таки значительныхъ трудовъ, если бы даже она была совершенною компиляціей, чего впрочемъ сказать нельзя. Немедленно по окончаніи „Риторики“, Ломоносовъ сталъ собирать матеріалы для русской грамматики, и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ уже началъ приводить ихъ въ порядокъ. А что Ломоносовъ тогда довольно занимался русскою исторіей, это видно изъ разсмотрѣнія не вполнѣ еще обнародованныхъ бумагъ по дѣлу о диссертаціи Миллера, между которыми много полновѣсныхъ и довольно спеціальныхъ замѣчаній, принадлежащихъ Ломоносову. Наконецъ къ періоду жизни Ломоносова, предшествовавшему сближенію его съ И. И. Шуваловымъ, относится приведенное нами выше замѣчаніе Ломоносова: „Начну съ словесныхъ наукъ, и если Богъ позволитъ, покажу хотя нѣкоторый примѣръ во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ наукахъ“ [2]). При всемъ томъ несомнѣнно, что Шуваловъ имѣлъ нѣко-

[1]) Соч., I, 662.

[2]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 106.

торое вліяніе на измѣненіе характера занятій Ломоносова. Изъ приведенныхъ выше словъ изъ письма Ломоносова къ Шувалову видно, что послѣдній старался даже склонить его совершенно оставить науки естественныя въ пользу словесныхъ. Но Ломоносовъ отвѣчалъ: „Чтожь до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, Ломоносовъ продолжалъ изслѣдовать явленія новооткрытаго тогда электричества, обработывать теорію свѣта и цвѣтовъ и т. д., но долженъ былъ, кажется, съ нѣкоторымъ недовольствомъ, отказаться отъ каѳедры химіи и отъ химической лабораторіи (въ пользу Сальхова).

Во всякомъ случаѣ можно сказать, что если до 1749 года въ Ломоносовѣ преобладалъ ученый *естествоиспытатель*, то съ 1750 года онъ положительно склоняется болѣе къ *наукамъ словеснымъ* и изящной литературѣ. Хотя въ этотъ позднѣйшій періодъ своей жизни онъ пишетъ меньше одъ, чѣмъ прежде, (ибо, теперь онъ имѣлъ больше возможностти дѣйствовать и говорить прямо, не прибѣгая постоянно къ риторическимъ прикрасамъ), за то сочиняетъ много стихотворныхъ надписей на разные торжественные случаи, пишетъ по заказу трагедіи, стихотворныя письма, идилліи, наконецъ задумываетъ цѣлую большую поэму. Одновременно съ этими занятіями сочиняются похвальныя слова въ прозѣ (Елисаветѣ и Петру), составляется русская грамматика, изготовляется широкій планъ филологическихъ изслѣдованій, собираются матеріалы для русской исторіи. Но еще нѣсколько лѣтъ спустя, и эти труды замедляются и въ свою очередь должны уступить мѣсто занятіямъ *общественнымъ*, которыя рѣшительно начинаютъ преобладать въ дѣятельности Ломоносова послѣ 1755 года, когда онъ становится совѣтникомъ академической канцеляріи и вскорѣ затѣмъ принимаетъ въ свое вѣденіе академическій университетъ, гимназію и географическій департаментъ. На нихъ-то съ тѣхъ поръ и обращена преимущественно забота Ломоносова; съ этого особенно времени является цѣлая масса его мнѣній, проектовъ, уставовъ для устроенія учебныхъ и ученыхъ заведеній въ Россіи, для ея научнаго изученія, и наконецъ предлагаются имъ разныя государственныя мѣры по предмету народнаго благоустройства, въ отношеніяхъ экономическомъ, сельско-хозяйственномъ и другихъ. Въ это время вся ученая дѣятельность Ломоносова, его физическія из-

[1]) Соч., I, 661.

Научн... Ур... Госуни... г. Св...

слѣдованія и механическая изобрѣтательность обращены на подготовку и выполненіе давно уже задуманнаго, съ дѣтства лелѣяннаго и наконецъ уже подъ старость вполнѣ созрѣвшаго *плана сѣверной экспедиціи*. Только урывками могъ уже тогда Ломоносовъ обращаться къ своимъ пріостановившимся спеціальнымъ занятіямъ по физикѣ и химіи. Давно залежался и не дождался уже досужнаго времени его двадцатилѣтній трудъ, въ которомъ онъ полагалъ свои надежды на безсмертіе,—его система натуральной философіи. Послѣднее дѣло Ломоносова, сѣверная экспедиція, убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ по гробъ остался тѣмъ же поморомъ; а предсмертное письмо его къ „государынѣ сестрицѣ Маріѣ Васильевнѣ“ своимъ содержаніемъ, тономъ и языкомъ свидѣтельствуетъ, что онъ жилъ и умиралъ тѣмъ же простымъ русскимъ человѣкомъ, тѣмъ же крестьяниномъ Куростровской волости, какимъ за тридцать-пять лѣтъ до того онъ вышелъ оттуда, чтобы доказать собою свѣту,

„Что можетъ собственныхъ Платоновъ
„И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
„Россійская земля рождать“ [1]).

Итакъ, причины внутреннія и внѣшнія, мѣсто того или другаго круга занятій въ жизни Ломоносова, ихъ особенный характеръ и послѣдовательность во времени дозволяютъ расположить разсмотрѣніе дѣятельности Ломоносова, какъ писателя, на три группы въ такомъ порядкѣ: 1) дѣятельность ученая — теоретическая; 2) дѣятельность литературная въ тѣсномъ смыслѣ и 3) дѣятельность общественная. Но въ настоящемъ трудѣ мы ограничиваемся обозрѣніемъ только чисто ученой дѣятельности Ломоносова, и притомъ въ области лишь тѣхъ наукъ, для которыхъ, какъ замѣтили выше, онъ работалъ не подъ вліяніемъ стремленій гражданскихъ и патріотическихъ.

I.

Дѣятельность Ломоносова по естествовѣдѣнію.

Ломоносовъ не только по силѣ дарованія, но и по времени былъ первымъ русскимъ ученымъ собственно свѣтскаго характера, первымъ нашимъ философомъ, физикомъ, естествоиспытателемъ въ европейскомъ смыслѣ этихъ словъ. Понятно, что на первыхъ же порахъ своей дѣятельности онъ встрѣтилъ нѣкоторую оппозицію со стороны той части русскаго

[1]) Соч., I, 99.

общества, для которой свѣтская наука представлялась разрушительницею духовнаго строя древне-русской жизни. Ломоносову предстояла борьба противъ этой оппозиціи, лицемѣрно скрывавшей себя „подъ святости покровъ“ [1]). Она исходила не отъ „простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ“, а отъ „людей грамотныхъ, чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, еслибъ иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію“ [2]). Ломоносовъ очень тонко сводитъ своихъ противниковъ на безопасную для себя почву, и напримѣръ, разбирая какой-нибудь миѳъ о Прометеѣ и преданіе о Клеантѣ [3]), или доказывая заблужденіе блаженнаго Августина [4]), оживленно возражаетъ своимъ противникамъ, самъ оставаясь свободнымъ отъ ихъ нападеній. Особенно соблазняло набожныхъ людей распространившееся тогда, съ легкой руки Фонтенеля, и вызвавшее много толковъ и споровъ *ученіе о множествѣ міровъ*. Ломоносовъ, повидимому, находилъ эту гипотезу не только очень вѣроятною, но и несомнѣнною. Уже въ 1746 году онъ очень опредѣленно высказалъ это въ своей одѣ по случаю сѣвернаго сіянія:

„Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
„Тамъ разныхъ *множество свѣтовъ;*
„Несчетны солнца тамъ горятъ,
„Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
„Для общей славы божества
„Тамъ равна сила естества“ [5]).

Гораздо позднѣе, въ 1761 году, возвращаясь къ тому же научному вопросу при описаніи прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца, Ломоносовъ долженъ былъ присовокупить извѣстное „прибавленіе“, въ которомъ онъ старается разграничить область науки и вѣры. Дѣло въ томъ, что въ упомянутой статьѣ онъ высказалъ предположеніе, что Венера „окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земнаго“, и потому обладаетъ, подобно землѣ, растительною и животною жизнью.

„Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты“,—говоритъ Ломоносовъ,—„скажетъ кто: Подумать-де можно, что въ ней потому и

[1]) Соч., I, 516.
[2]) Тамъ же, II, 266.
[3]) Тамъ же, I, 516; II, 267.
[4]) Тамъ же, I, 518.
[5]) Тамъ же, I, 31.

пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, втекаютъ въ моря, произрастаютъ вездѣ разныя произрастенія, ими питаются животныя. И сіе-де надобно Коперниковой системѣ: противно де закону“ [1]).

Ломоносовъ опасался возможности такого обвиненія со стороны враговъ науки и потому для успокоенія ихъ приводитъ слова Василія Великаго о возможности множества міровъ [2]). Но затѣмъ онъ все-таки рѣшается прямо поставить вопросъ о присутствіи высшей животной жизни на планетахъ и хотя рѣшаетъ его только уловкою, но за нею можно видѣть его личный взглядъ на этотъ вопросъ:

„Нѣкоторые спрашиваютъ: ежели-де на планетахъ есть живущіе, намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросный: Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди, видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть по Евангельскому („не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди, при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла“) туда пойдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть пойдетъ для тогожъ и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ-быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили; и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно“ [3]).

Ломоносовъ, повидимому, повернулъ рѣшеніе вопроса въ незначущую шутку, но изъ окончанія этой рѣчи: „многи пути ко спасенію; многи обители суть на небесѣхъ“, видно, что эта мнимая шутка была не болѣе, какъ ловкій маневръ. Видно, что Ломоносову не хотѣлось поднимать на себя нареканія утвержденіемъ мнѣнія, которое, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, оставалось гипотетическимъ.

Ломоносовъ не отвергалъ, что наука приходитъ иногда къ заключеніямъ, не согласнымъ съ тѣми выводами, которые вытекаютъ изъ буквальнаго пониманія Священнаго Писанія или того или другаго отца церкви. Такъ, по поводу одного мнѣнія блаженнаго Августина, онъ говоритъ:

„О, коль великимъ онъ восторгомъ бы плѣнился,
„Когда бъ разуму тварь столь тѣсно не включалъ,
„Подъ нами жителей, какъ здѣсь, не отрицалъ,
„Безъ математики вселенной онъ не мѣрилъ!...

---

[1]) Соч., II, 267.
[2]) Тамъ же, 271 — 272.
[3]) Тамъ же, 272.

„Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ....
„Онъ слово Божіе употреблялъ напрасно [1]).

Ломоносовъ соглашался даже, что древность земнаго шара, по свидѣтельству геологическихъ данныхъ, далеко не согласна съ тѣмъ, что̀ показываетъ библейская хронологія: „Могу сказать", — говоритъ онъ, сравнивая ту и другую, — „что по оному всѣхъ старшему лѣтописцу (то-есть, наслоенію земныхъ пластовъ) древность свѣта больше выходитъ, нежели по онымъ труднымъ выкладкамъ" (то-есть, по выкладкамъ, производимымъ надъ хронологическими показаніями библіи [2]). Это предположеніе, досказываетъ Ломоносовъ, „особливо же тѣмъ сопротивно покажется, которые обыкли священное писаніе принимать въ литеральномъ, грамматическомъ смыслѣ"; но, прибавляетъ онъ, люди, такъ поступающіе, „не послѣдуютъ въ томъ Василію Великому, который богомудрый святитель и глубокій философъ довольно показалъ примѣры, какъ содружать спорныя, повидимому, со священнымъ писаніемъ натуральныя правды" [3]). Итакъ, очевидно, Ломоносовъ желалъ найдти примиреніе между религіей и наукой. И дѣйствительно, онъ указываетъ путь къ такому примиренію, основываясь на примѣрѣ того изъ отцевъ церкви, которой въ своемъ „Шестодневѣ" выразилъ христіанскую философію природы своего времени: „Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть грамматическимъ, но не рѣдко риторическимъ разумомъ. Примѣръ тому подаетъ Василій Великій" [4]).

Находя оправданіе своимъ воззрѣніямъ въ писаніяхъ самихъ отцевъ церкви, Ломоносовъ тѣмъ рѣзче, съ желчнымъ негодованіемъ, скрытымъ въ весьма впрочемъ прозрачную дымку насмѣшки и злой ироніи, отзывается о тѣхъ умникахъ, которые думаютъ быть „философами, выучась наизусть три слова: *Богъ такъ сотворилъ*, и сіе дая въ отвѣтъ вмѣсто всѣхъ причинъ" [5]), или о такихъ людяхъ, которые все непонятное объясняютъ „нѣкоторою игрою роскошныя натуры" [6]). Набожныя, но робкія и слабыя головы считаютъ грѣховнымъ искать законовъ природы, причинъ вещей и явленій:

„Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ
„И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ;

---

[1]) Соч., I, 518.
[2]) Тамъ же, II, 570.
[3]) Соч., II, 567 — 568.
[4]) Тамъ же, 269.
[5]) Тамъ же, 509.
[6]) Тамъ же, 169, 513.

„Отъ гнѣ наго часа желаетъ, гдѣ бъ укрыться;
„Причины онаго изслѣдовать страшится;
„Дабы истолковать, что̀ молнія и громъ,
„Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
„На бичъ", онъ говоритъ, „я посмотрѣть не смѣю,
„Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею".
„Но какъ Онъ часъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
„То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ?
„Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
„То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился" [1]).

„Спхъ я вопрошаю", — говоритъ Ломоносовъ какъ-бы въ поясненіе приведенныхъ стиховъ, „что̀ бы они подумали о такомъ водолазѣ, который бы изъ глубины морской вынесши монеты, или ружье либо сосудъ, которые во время морскаго сраженія или отъ потопленія бурею издавна погрязли, — сказалъ бы имъ, что ихъ множество производитъ тамъ, забавляясь своимъ избыткомъ, прохладная натура, то-есть, исправляетъ въ пучинѣ морской кузнечное, ружейное, мѣдническое и монетное дѣло? Не меньшаго смѣху и презорства достойны оные любомудрцы, кои, видя по горамъ раковины..., не стыдясь утверждаютъ, что онѣ не морское произведеніе, но своевольной натуры легкомысленныя затѣи?" [2]).

По мнѣнію Ломоносова, наука и религія — двѣ совершенно самостоятельныя, но родственныя области:

„Натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество" [3]).

„Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю прійдти не могутъ.... Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—священное писаніе. Въ ней показано Создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ спхъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной пророки, апостолы и церковные учители" [4]).

Этотъ живой и поэтическій взглядъ на природу, какъ на божественную книгу, невольно напоминаетъ намъ, вѣроятно, хорошо знакомый Ломоносову, величавый, хотя наивный, образъ въ народномъ стихѣ о го-

---

[1]) Соч., I, 521.
[2]) Тамъ же, 513 — 514.
[3]) Тамъ же, 568.
[4]) Тамъ же, 270 — 273

лубиной книгѣ, той „не малой, не великой книгѣ, которой и не прочесть ни попамъ, ни дьяконамъ, ни могучимъ богатырямъ“, которую читалъ пророкъ Исаія „ровно три года и прочелъ ровно три листа“, и изъ которой можно читать „какъ по грамотѣ“ отвѣты на вопросы не только космогоническіе, но и теологическіе. То же говоритъ и Ломоносовъ; по его словамъ, какъ богословы, такъ и естествоиспытатели „обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ“ [1]). Онъ идетъ дальше народа только въ томъ, что хочетъ совершенно разграничить двѣ области, чтобы сдѣлать каждую госпожею въ своемъ кругу:

„Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтырѣ научиться можно астрономіи или химіи [2])... Нѣтъ сомнѣнія, что науки наукамъ много весьма взаимно способствуютъ, какъ физика химіи, физикѣ математика, нравоучительная наука и исторія стихотворству; однако же не каждая каждой. Что помогутъ хорошія риемы въ доказательствѣ Пиѳагоровой теоремы?... Уложеніе и Кормчая книга ничего не служитъ учащемуся астрономіи; равно какъ одно другому не препятствуетъ. Посмѣянія достойны таковые люди, кои сего требуютъ, подобно какъ нѣкоторые католицкіе философы дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божія и самыя страшныя таинства христіанскія. Сему излишеству есть съ другой стороны подобное, но и притомъ приращенію наукъ помѣшательное нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы они были противны закону... и называя все то соблазномъ, чего не понимаютъ. Но всякъ изъ таковыхъ вѣдай, что онъ ссорщикъ, что старается произвести вражду между Божіею дщерью — натурою и между невѣстою Христовою — церковью.... Кто въ таковыя размышленія углубляться не хочетъ или не можетъ и не въ состояніи вникнуть въ премудрыя естественныя дѣла Божія, тотъ довольствуйся чтеніемъ Священнаго Писанія и другихъ книгъ душеполезныхъ; управляй житіе свое по ихъ ученію. За то получитъ отъ Бога благословеніе, отъ монаршей власти милость, отъ общества любленіе. Прочихъ оставляй онъ также въ покоѣ услаждаться притомъ и премудрымъ Божескимъ строеніемъ вещей натуральныхъ, для такой же пользы, какую онъ получаетъ и получить уповаетъ“ [3]).

Не одинъ однако обскурантизмъ набожнаго, но суевѣрнаго невѣжества тормозилъ во время Ломоносова успѣхи наукъ въ Россіи. Не меньше вредилъ имъ тотъ ремесленный взглядъ, который выходитъ изъ положенія: *utilitas justi prope mater et aequi*. Особенно въ Россіи, при первомъ введеніи въ нея наукъ, преобладалъ и тяготѣлъ

---

[1]) Соч., II, 273.
[2]) Тамъ же.
[3]) Соч., II, 570 — 571.

этотъ утилитарный взглядъ, котораго придерживался самъ Петръ. Это впрочемъ и понятно. Для народа, какъ и для отдѣльнаго человѣка, на первыхъ порахъ образованія болѣе всего сильны внѣшніе побужденія и разчеты, болѣе заманчива и убѣдительна непосредственная и осязательная польза, чѣмъ отвлеченные интересы чистаго знанія, имѣющаго свою цѣль въ себѣ, а не внѣ себя. И потому мы можемъ вѣрить словамъ Шлецера, что „въ Россіи науки измѣряли тогда непосредственнымъ приложеніемъ, практичностію: учитель латинскаго языка былъ ничтожнѣе переводчика съ калмыцкаго“ [1]). Мы не должны послѣ этого удивляться, если и Ломоносовъ, самъ имѣя уже болѣе высокіе взгляды, подъ часъ однако долженъ былъ говорить своимъ читателямъ примѣнительно къ ихъ образу пониманія и степени развитія. А можетъ-быть, онъ и по собственному убѣжденію желалъ для Россіи прежде всего практическихъ знаній, приносящихъ осязательную пользу, и уже потомъ признавалъ необходимость знаній отвлеченныхъ, все-таки представляющихъ ступень дальнѣйшую, по крайней мѣрѣ, по времени. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ не броситься въ глаза то, напримѣръ, обстоятельство, что Ломоносовъ, въ проектированномъ имъ „статѣ Академіи Наукъ“, предположивъ три класса академическаго собранія: математическій, физическій и историческій (то-есть, естественно-историческій), не отвелъ въ академіи мѣста ни историческимъ, ни словеснымъ наукамъ [2]). Это объясняется, конечно, не личными отношеніями Ломоносова къ Миллеру, какъ предполагалъ Билярскій, а общимъ его убѣжденіемъ, что для Россіи въ настоящее время нужны прежде всего доктора, аптекари, лѣкаря, механики, горные люди, адвокаты, и потомъ уже ученые и свои профессора въ самой Академіи и другихъ мѣстахъ [3]).

Понятно, что выходя изъ этой точки зрѣнія, Ломоносовъ могъ даже сочувствовать утилитарному взгляду на все, на науку, литературу, даже поэзію — идеальнаго въ его глазахъ просвѣтителя Россіи:

„Монархъ, къ великимъ дѣламъ рожденный.... усмотрѣлъ ясно, что ни полковъ, ни городовъ надежно укрѣпить, ни кораблей построить и безопасно пустить въ море, не употребляя *математики;* ни оружія, ни огнедышущихъ махинъ, ни лѣкарствъ поврежденнымъ въ сраженіи воинамъ безъ *физики* приготовить; ни законовъ, ни судовъ правости, ни честности правовъ безъ ученія *философіи и краснорѣчія* ввести; и словомъ, ни во время войны госу-

[1]) *Schlözer's* Öffentl. und Privat-Leben, 281.

[2]) Матеріалы Билярскаго, 453, 454.

[3]) Тамъ же, 080.

дарству надлежащаго защищенія, ни во время мира украшенія безъ вспоможенія наукъ пріобрѣсти не возможно“ [1]).

Но что въ душѣ Ломоносова жили уже другія понятія о характерѣ и цѣляхъ наукъ, что онъ умѣлъ возвыситься почти до современнаго намъ взгляда на независимость науки и свободу творчества, и что по этимъ именно идеаламъ науки нужно оцѣнивать достоинство взглядовъ Ломоносова въ этомъ отношеніи, это ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ и соображеній: Въ своихъ физическихъ и химическихъ курсахъ Ломоносовъ часто напоминалъ и предостерегалъ своихъ учениковъ: „Ne philosophicam pulcherrimae naturae contemplationem praeceps lucri cupido turbet“ [2]). Онъ указывалъ имъ на источникъ и непослѣдовательность этихъ утилитарныхъ стремленій въ области наукъ:

„Cum corporis cultura plus, quam ea animi a caecis mortalibus æstimatur mirum sane non est infinita fere, quæ ad valetudinem tuendam.... inserviant improbo chymicorum labore erûta fuisse; harum autem claram cognitionem, quæ tam avide appetuntur, — quasi minus fructuosam neglectam mansisse“ [3]).

Онъ часто жалуется, что близорукая жажда прибытка сама вредитъ своимъ интересамъ излишнею торопливостью, недостаткомъ терпѣнія, научной внимательности и послѣдовательности. Онъ ссылается на слова Плинія:

„Неисчетное множество открытыми морями къ странноприемнымъ берегамъ плаваетъ,—однако для прибытка, не для науки. Ниже ослѣпленный и въ лакомство внимательный умъ размышляетъ, что наукою прибытокъ безопаснѣе быть можетъ“ [4]).

Мы можемъ даже указать у Ломоносова уже совершенно ясное разграниченіе двухъ областей—*науки* (scientia) и *художества* (artificium, искусства, ремесла), ихъ цѣлей, средствъ и взаимныхъ отношеній:

„Ученіемъ пріобрѣтенныя познанія раздѣляются на *науки* и *художества:* науки подаютъ ясное о вещахъ понятіе и открываютъ потаенныя дѣйствій и свойствъ причины; *художества* къ пріумноженію человѣческой пользы оныя употребляютъ. Науки довольствуютъ врожденное и вкорененное въ насъ любопытство; художества снисканіемъ прибытка увеселяютъ. Науки художествамъ путь показываютъ, художества происхожденіе наукъ ускоряютъ. Обои общею пользою согласно служатъ“ [5]).

---

[1]) Соч., II, 32 — 33.
[2]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 178.
[3]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 247.
[4]) Соч., II, 196.
[5]) Тамъ же, 5.

Ломоносовъ считалъ высшею пользою науки то, что она, развивая человѣка, возвышаетъ его изъ животнаго состоянія:

„Воззрите“, говоритъ онъ, „мысленными очами вашими на плывущаго чрезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ, и на стремящагося на морской пучинѣ на великомъ кораблѣ, надежными орудіями укрѣпленномъ, силою вѣтра противъ его же самого бѣгущемъ, и вмѣсто вождя, камень по водамъ имѣющемъ; не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ; другой (дикарь) едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется; другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ? Толь великую приноситъ ученіе пользу, толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ, толь пріятно есть красоты его наслажденіе“ [1]).

Потому-то, говоритъ Ломоносовъ въ другомъ мѣстѣ, — „mirum non est, ab omni hominum memoria, viros præcellenti ingenii dote paeditos extitisse, qui, non tantum, ut videtur, lucri desiderio, quantum animi cupidinem satiendi jucunditate rei ducti, omnem suam ætatem in astronomiae (scientiæ) studium impendissent“ [2]).

Таковы были внѣшнія и внутреннія побужденія, руководящія начала и цѣли научной дѣятельности Ломоносова, преимущественно въ области естествовѣдѣнія. Изложивъ ихъ, мы можемъ перейдти къ разсмотрѣнію разныхъ ея частныхъ сторонъ и начнемъ съ обозрѣнія *натуральной философіи*, какъ понималъ ея Ломоносовъ.

Въ 1756 году Ломоносовъ писалъ: „Ex quo Boyelium legi, cupido cepit in minima inquirendi; per 18 annos de his cogitavi“ [3]). Итакъ, уже въ 1738 году Ломоносовъ обдумывалъ ни болѣе ни менѣе какъ „integrum systema naturae, quae in minimis est“ [4]). Она нужна была для его собственныхъ цѣлей, какъ точка отправленія для другихъ научныхъ занятій: „Ich will die Erklärung der Natur auf einen gewissen Grund bauen, den ich selbst geleget, damit ich weiss, wie viel ich ihm trauen darf“ [5]).

Авторъ, котораго онъ читалъ, Робертъ Бойль (1626—1691 гг.), былъ извѣстный англійскій физикъ, философъ и богословъ, къ которому съ большимъ уваженіемъ относился Ньютонъ, и котораго соотечественники величали вторымъ Бэкономъ, ученый, сдѣлавшій не менѣе Ма-

---

[1]) Тамъ же, 3—4; слич. тамъ же, 266.

[2]) *Новый магазинъ естественной исторіи*, 1827г., ч. III, № 1, стр. 31 и слѣд.

[3]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 221.

[4]) Тамъ же.

[5]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 466. *Переводъ:* «Я желаю построить изъясненіе природы на извѣстныхъ началахъ, которыя положены мною самимъ, чтобы такимъ образомъ я зналъ, на сколько можно имъ довѣрять».

ріотта для аэростатики и аэродинамики, издавшій много сочиненій по химіи, минералогіи, метеорологіи, механикѣ, физіологіи и медицинѣ, съ одинаковымъ авторитетомъ и знаніемъ писавшій: „Disquisition about the final causes of natural things“, „Botton of the sea“ и „Discourse of things about the reason“, „About the possibility of resurection“ и „On the style of Holy scriptures“ [1]). Боэргавъ называетъ Бойля „преемникомъ Бэкона по дарованіямъ и знаніямъ“: онъ раскрылъ тайны огня, воздуха, животныхъ, растеній, ископаемыхъ, наконецъ — что̀ для насъ на этотъ разъ всего важнѣе — „from his works may be deducated the whole systema of natural knowledge“ [2]). Для этой цѣли особенно важны слѣдующія три сочиненія Бойля: 1) „Origin of forms and qualities according to the corpuscular philosophy, 2) „Introduction on the history of particulary qualities и 3) „Experiments and notes about the mechanical origin or production of particular qualities“ [3]). Въ этихъ сочиненіяхъ Бойль впервые опровергъ существовавшую до тѣхъ поръ теорію о трехъ первичныхъ веществахъ: сѣрѣ, солп и меркуріѣ, представлявшую только видоизмѣненное вѣрованіе древнихъ въ четыре (по̀ Аристотелю — пять) стихіи. На мѣсто этой разрушенной теоріи Бойль выставилъ свое ученіе, что матерія — одна, но представляется въ различныхъ видахъ и соединеніяхъ, и что предѣлъ дѣлимости матеріи составляютъ атомы. Этой теоріи держался и Ньютонъ; позднѣе она дополнена и развита Лавуазье и въ такомъ видѣ дошла до насъ. Ниже мы увидимъ, какъ самостоятельно развитъ Ломоносовымъ принципъ атомистической философіи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ у него какъ будто видѣнъ даже поворотъ къ греческому ученію объ атомахъ, какъ оно было изложено Левкиппомъ и потомъ развито его ученикомъ Демокритомъ Абдерскимъ; этому ученію слѣдовали Анаксагоръ, Эпикуръ, и наконецъ, его воспѣлъ Лукрецій. Левкиппъ говорилъ, что земля, вода, воздухъ и огонь суть тѣла сложныя, что всѣ тѣла природы дѣлимы, но до извѣстныхъ только предѣловъ. Основаніемъ міровыхъ тѣлъ и явленій Левкиппъ принимаетъ именно эти не доступныя чувствамъ, не

---

[1]) «Изслѣдованіе о конечныхъ причинахъ естественныхъ предметовъ»; «Морское дно»; «О трансцендентальномъ»; «О возможности воскресенія изъ мертвыхъ»; «О слогѣ Священнаго Писанія».

[2]) «Изъ его сочиненій можно вывести цѣлую систему натуральной философіи».

[3]) «Происхожденіе формъ и свойствъ по выводамъ атомистической философіи»; «Введеніе въ исторію частичныхъ свойствъ»; «Наблюденія и замѣчанія о механическомъ началѣ или происхожденіи частичныхъ свойствъ».

разсѣкаемыя уже частицы или *атомы*, которые одарены собственнымъ *внутреннимъ движеніемъ*. Форма ихъ различна: *круглые* атомы одарены наибыстрѣйшимъ движеніемъ. А Демокритъ принимаетъ *качательныя* и *круговращательныя* движенія атомовъ за начало всѣхъ движеній въ вещественной природѣ. Но у Грековъ эти теоріи строились путемъ чисто метафизическимъ: воображеніе восполняло недостатокъ фактовъ. Бойль же далъ этой теоріи болѣе твердое эмпирическое основаніе, научную постановку.

Много времени прошло, прежде чѣмъ мысли Ломоносова по этому предмету получили достаточную опредѣленность. Но по сочиненіямъ его можно прослѣдить послѣдовательный ходъ ихъ развитія и видоизмѣненій. Уже въ 1739 году онъ представилъ въ Академію Наукъ: Dissertationem physicam de corporum mixtorum differentia, quae in cohaesione corpusculorum consistit. Разсужденіе это имѣетъ впрочемъ значеніе развѣ перваго ученаго, или лучше, послѣдняго школьнаго опыта Ломоносова: сочиненіе составлено почти исключительно по Вольфу, съ бо̀льшими притязаніями на строгость и послѣдовательность изложенія: чѣмъ на оригинальность состава и богатство содержанія. Гораздо бо̀лѣе матеріала для естествоиспытателя и историка могутъ дать тѣ 275 замѣтокъ о разныхъ предметахъ физическихъ и химическихъ, которыя находятся въ рукописи Академіи Наукъ № 58 (листы 463—472) и относятся, вѣроятно, къ 1742 — 1744 годамъ, такъ какъ изъ этихъ замѣтокъ вышли диссертаціи: „de calore et frigore“ (1745 года) [1]), „de motu aëris in fodinis“ (1745 г.), и т. д. Тутъ же находятся матеріалы для предположенной Ломоносовымъ диссертаціи: „Tentamen theoriae de particulis insensibilibus, deque causis qualitatum particularium in genere“ [2]). Къ тому же времени относятся находящіяся въ той же рукописи замѣтки подъ заглавіемъ: „Propositiones fundamentales“ [3]) или „De qualitatibus et partibus corporum in genere“. Въ это время теорія Ломоносова уже обозначилась въ главныхъ чертахъ; такъ, въ диссертаціи „de calore et frigore“ онъ уже старается объяснить явленіе (а не матерію) теплоты внутреннимъ *движеніемъ частицъ*. Академики укоряли его, что онъ „взялся за дѣло, которое еще превышаетъ его силы“, но Эйлеръ нашелъ въ разсужденіяхъ Ломоносова другое. „Toutes ces pièces“, писалъ онъ о нихъ въ 1746 году, „sont non

---

[1]) Матеріалы *Билярскаго*, 56.

[2]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 472.

[3]) Тамъ же, л. 236.

seulement bonnes, mais très excellentes“ [1]). Ломоносовъ не останавливался предъ размѣрами затѣянныхъ трудовъ. Не позже какъ въ 1748 году онъ писалъ Эйлеру: „Integrum corpuscularis philosophiae systema publici juris facere possem“ [2]). И въ самомъ дѣлѣ, въ это время онъ обработывалъ сочиненіе: „Opusculum, monades spectans“ [3]), отрывки котораго уцѣлѣли до насъ въ рукописи Академіи Наукъ, № 58 (лл. 428, 431, 432), подъ заглавіемъ: „de cohaesione et situ monadum physicorum“, и о которомъ онъ говорилъ: „Nec invalida argumenta contra entia simplicia allaturum me puto“ [4]). Въ 1749 году Ломоносовъ задумывалъ диссертацію на тему: „Cognitio principiorum in chymia tanti est, quanti principia ipsa in corporibus“. Это слова Бойля, какъ свидѣтельствуетъ самъ Ломоносовъ въ разсужденіи „о должности журналистовъ“: „Robert Boyle... a dit, que la connaissance des particules étoit aussi nécessaire dans la science naturelle, que les particules elles-mêmes sont necessaires dans la nature pour la formation des corps“ [5]). Въ словахъ: „О пользѣ химіи“ и „О происхожденіи свѣта“ Ломоносовъ два раза повторилъ это изреченіе:

„Познаніе малѣйшихъ и не раздѣлимыхъ частицъ толь нужно есть испытателямъ натуры, какъ сами оныя частицы къ составленію тѣлъ необходимо потребны“ [6]).

„Знаніе первоначальныхъ частицъ толь нужно въ физикѣ, коль сами первоначальныя частицы къ составленію тѣлъ чувствительныхъ“ [7]).

Какъ широко Ломоносовъ задумывалъ планъ своего труда о натуральной философіи, видно изъ уцѣлѣвшей замѣтки его, относящейся, вѣроятно, къ концу сороковыхъ или началу пятидесятыхъ годовъ:

„Натуральной философіи часть первая:

Динамика (цинезеологія, статика).	1. О движеніи тѣлъ
Морфологія.	2. О внутреннихъ свойствахъ тѣлъ.
Космографія.	3. О главныхъ тѣлахъ міра.
Географія.	4. О земномъ глобусѣ.

---

[1]) Матеріалы *Билярскаго*, 56; *Пекарскій*, Доп. изв., 94.

[2]) Матеріалы *Билярскаго*, 110.

[3]) Тамъ же, 755.

[4]) Тамъ же, 755.

[5]) *Переводъ*: «Робертъ Бойль .... сказалъ, что познаніе частицъ, столь же необходимо въ естествовѣдѣніи, какъ сами частицы необходимы для образованія тѣлъ». Сборникъ *Куника*, I, 524.

[6]) Соч., II, 6.

[7]) Тамъ же, 146.

Метеорологія.	5. О воздушномъ кругѣ.
Ботанологія.	6. О израстающихъ.
Емпсихологія.	7. О животныхъ“ [1]).

Этотъ планъ можетъ отчасти объяснить намъ разнообразіе книгъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, къ которымъ обращался тогда Ломоносовъ, какъ видно изъ его собственныхъ обширныхъ библіографическихъ росписей [2]). Но вскорѣ произошелъ поворотъ въ преобладающемъ характерѣ ученыхъ занятій Ломоносова. Правда, онъ часто еще брался за прерванныя занятія: въ 1754 году онъ затѣвалъ разсужденія: „Meditationes de monadibus“ [3]), de primis elementis corporum“. Къ тому же времени относится нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній къ его физическимъ сочиненіямъ въ антикритикѣ его, озаглавленной: „Dissertation sur les devoirs des journalistes“; въ 1756 году онъ опять начиналъ писать: „О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ“ [5]). Съ наибольшею опредѣленностію, полнотою, цѣльностію и законченностію развилъ онъ свою теорію въ „Рѣчи о происхожденіи свѣта“ (1756 г.). Но и здѣсь время и обстоятельства не позволили ему „изъяснить все, что̀ о цвѣтахъ черезъ пятнадцать лѣтъ думалъ, и сообщить ученому свѣту всю систему физической химіи“ [6]). Прежде онъ медлилъ окончательною ея обработкой изъ опасенія, чтобъ она не вышла „immaturus praecocis ingenii fructus“ [7]), а позже „совершить и сообщить ее ученому свѣту“ препятствовала ему „любовь къ россійскому слову, къ прославленію россійскихъ героевъ и къ достовѣрному изъясненію дѣяній отечества“ [8]).

Ломоносовъ не переставалъ однако преслѣдовать давнюю мысль, какъ свидѣтельствуютъ его разсѣянныя замѣтки: „de monadibus physicis“, „de principio corporum, ponderosissimo omnium“ (1757 г.) [9]), пока наконецъ, вѣроятно въ 1758 году, не приступилъ къ окончательной обработкѣ своего давняго труда, который онъ хотѣлъ озаглавить: „Causarum consensio“ или „De congruentia omnium“. Ломоносовъ уже

---

[1]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 5; ср. л. 148.
[2]) Тамъ же, № 58, л. 477—481.
[3]) Матеріалы *Билярскаго*, 781.
[4]) Тамъ же, 264.
[5]) Матеріалы *Билярскаго*, 314.
[6]) Соч., II, 145.
[7]) Матеріалы *Билярскаго*, 110.
[8]) Соч., II, 145.
[9]) Матеріалы *Билярскаго*, 334.

старикъ, онъ не боится укоровъ въ самоувѣренности или торопливости:

„Mihi vero jam seni patronus Plato, aut alius quispiam illo major quaerendus non videtur“ [1]).

„Nullum quaero patrocinium famosi alicujus philosophi, ut juventus solet erudiri. Я не торопился; ultra 20 annos (съ 1738 года) solidos objectiones quaesivi terra marique“ [2]).

Въ предисловіи онъ хотѣлъ изложить: „1) какъ поступаютъ иные; 2) какъ я поступать намѣренъ; 3) благонадежность; 4) польза“. Потомъ „о наглядности, простотѣ и порядкѣ“ (въ своемъ изложеніи); о томъ, что онъ „vocibus plerisque hic utetur tanquam notissimis, ut est figura, motus, quies, — definitionibus eorum hic supersedens“. Онъ предполагаетъ (supponit) „geometriae scientiam in lectore, sine qua mysteriosa naturae adyta nemini licet ingredi“; укоряетъ физиковъ, что они toti sunt in mechanicis, и говоритъ о строгости и осмотрительности при опытахъ и наблюденіяхъ — „experimentorum et observationum rigor et circumspectio, argumentorum accurata concatenatio“; предполагаетъ далѣе показать „историческое познаніе, философское и математическое, каковы будутъ у него“, и что онъ извлекаетъ „ex consentaneis et repugnantibus argumenta“; предупреждаетъ „ne fictae causae obtrudantur, quae nullo nituntur argumento, imo cum aliis causis pugnant“; заявляетъ, что „axiomata in algebra sunt, verum axiomata differentia fictionum et hypothesium“; проситъ, чтобы „si quis querit difficilem aliquam solutionem et explicationem alicui phaenomeni, non auctorem condemnet incertitudinis, aut, quemadmodum ipse est, imparem illum ad solvendum declamet, sed imprimat omnia in animo, quae auctor etc.“; отвращаетъ отъ пристрастія къ мечтательнымъ теоріямъ: „majestati naturae obscura fictionum somnia minime consentanea sunt“; и наконецъ, убѣждаетъ отказаться отъ излишняго довѣрія къ авторитетамъ: „multos a juramento in verba magistri avertit“, ибо „magni gygantes magnas ruunt casus, — secum praecipites trahunt“. Въ системѣ микрологіи должны были занять мѣсто слѣдующія sectiones: 1) aerometria, 2) chymia, 3) optica. Первую главу предполагалось посвятить ученію „de structura corpusculorum et motibus corporum intestinis“ (то-есть, этихъ corpusculorum, materiam corporum cohaerentem constituentium). Послѣдняя замѣтка и какъ-будто мотивъ труда: „ut ostendam, quod contra quorumdam vagabundarum mentem in

[1]) Рукопись Ак. Н., № 58, стр. 475.

[2]) Тамъ же, стр. 474.

septentrionibus quoque dari ingenia, quae etc.“ Наконецъ, Ломоносовъ предполагалъ „въ картинѣ подъ титуломъ представить натуру, стоящую главою выше облаковъ, звѣздами и планетами украшенную, покрытую облачною фатою, въ иныхъ мѣстахъ открытую. Около ногъ купидоны: иной смотритъ въ микроскопъ, иной съ циркуломъ и съ цифирною доскою, иной на главу изъ трубы смотритъ, иной въ иготь принимаетъ падающія изъ рога вещи и текущее изъ сосудовъ млеко, всѣ обще сносятъ на одну таблицу и пишутъ ее“ [1]). Надпись: „Congruunt universa“ [2]). Но на этомъ и обрывается сочиненіе, на которомъ онъ основывалъ свое право на названіе сѣвернаго генія. Въ послѣдніе годы жизни разносторонняя общественная дѣятельность еще болѣе оторвала его отъ исключительныхъ трудовъ по естествовѣдѣнію. Однако еще въ 1764 году онъ писалъ о своей „novum systema elementare“: „Novis documentis auctoris brevi futura solidissime demonstrata“ [3]). Послѣдніе свои дни Ломоносовъ почти исключительно былъ занятъ обдумываніемъ и составленіемъ инструкцій и программъ для предпринятой по его мысли сѣверной экспедиціи. Съ другой стороны, цѣлый рядъ проектовъ и уставовъ для преобразованія ученой и учебной части въ Россіи, и наконецъ борьба съ нѣмецкою или нѣмецко-русскою партіей, сдѣлавшею послѣднее усиліе противъ Ломоносова въ дѣлѣ Шлецера, все это, конечно, не благопріятствовало завершенію и изданію натуральной философіи, которую онъ обдумывалъ болѣе двадцати-пяти лѣтъ и о которой теперь такъ мало извѣстно.

---

[1]) Послѣдняя картина напоминаетъ намъ слѣдующую (четвертую строфу) изъ VII-й оды Ломоносова:

«Я слышу тамъ натуры гласъ:
«Сѣдя на блещущемъ престолѣ,
«Составленномъ изъ твердыхъ горъ,
«Въ пространномъ всѣхъ твореній полѣ
«Между стихій смиряетъ споръ;
«Сосцами всяку плоть питаетъ;
«Отъ чрева рѣки проливаетъ,
«Зелену ризу по лугамъ
«И по долинамъ расширяя,
«Изъ устъ зефирами дыхая». (Соч., I, 87).

[2]) Такъ поняли и сгруппировали мы эти несвязныя еще замѣтки въ рукописи Ак. Н., № 58, лл. 473—476, руководствуясь отчасти цифрами, при помощи которыхъ Ломоносовъ хотѣлъ привести въ порядокъ набросанныя имъ мысли.

[3]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 454 и слѣд.

Въ основаніе системы натуральной философіи Ломоносова положены два принципа: 1) Законъ *совмѣщенія частицъ* (lex congruentiae particularum). Ломоносовъ допускалъ сосуществованіе трехъ родовъ атомовъ, различныхъ не по общей всѣмъ имъ шарообразной (сферической) формѣ, а по разной величинѣ. Однородные по величинѣ атомы (congruentes) взаимно соприкасаются, какъ въ кучѣ ядеръ посыпанныя пули и между нихъ въ промежуткахъ дробь не теряютъ взаимнаго между собою соприкосновенія. При шероховатости поверхностей атомовъ, какъ въ зубчатыхъ колесахъ, движеніе одного атома вызываетъ круговращеніе всѣхъ съ нимъ однородныхъ. 2) Положеніе, что *зыблющееся* и *коловратное движеніе* совмѣстныхъ между собою частицъ матеріи и есть *причина всѣхъ* безъ исключенія *химическихъ, физическихъ* и *физіологическихъ явленій*. Имъ объясняются химическіе растворы, законъ капиллярности, звукъ, теплота, свѣтъ, электричество, нервная чувствительность и т. д. Итакъ, за одно съ Бойлемъ Ломоносовъ признаетъ атомы, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи онъ и вставилъ разбитое Бойлемъ стародавнее мнѣніе „знатнѣйшихъ физиковъ о трехъ родахъ первоначальной матеріи: соляной, сѣрной и ртутной“ [1]), и на подобіе Левкиппа, хотя, можетъ-быть, и независимо отъ него, допускаетъ *движеніе* этихъ шарообразныхъ первичныхъ частицъ. Но и Вольфъ полагалъ, что „materia dividitur in particulas incomprehensibiliter exiguas“ [2]); онъ допускалъ и движеніе этихъ частицъ [3]); но это однако не мѣшало ему признавать свѣтъ, теплоту и пр. тѣлами, а не явленіями, чѣмъ существенно и отличаются его и другія подобныя теоріи отъ ученія Ломоносова, развитаго послѣднимъ такъ стройно и послѣдовательно и соединяющаго съ простотой и наглядностію, до осязательности, такую округленность и широту, потому что она обнимаетъ и объясняетъ всѣ физическіе процессы и явленія.

Одновременно съ Ломоносовымъ, на одной съ нимъ научной почвѣ, хотя въ различномъ положеніи и обстановкѣ, работалъ другой знаменитый Славянинъ, подобно Ломоносову, первостепенный астрономъ, математикъ, натуралистъ и философъ, Дубровчанинъ *Рожеръ Бошковичъ*, родившійся въ одинъ годъ съ Ломоносовымъ (1711), но пережившій его двадцатью годами и оставившій міру болѣе извѣстное имя и наукѣ, болѣе законченные труды, чѣмъ великій русскій ученый.

[1]) Соч., II, 131.
[2]) Thumigii, I, 383.
[3]) Тамъ же, 385.

Ломоносовъ, конечно, зналъ о его существованіи. Бошковичъ даже избранъ былъ (1760 г.?) почетнымъ членомъ нашей Академіи Наукъ вмѣстѣ съ Вольфомъ, Реомюромъ, Мопертюи, Формеемъ, Мушенброкомъ, Линнеемъ, Вольтеромъ и мн. др. [1]). Между списками авторовъ, сочиненія которыхъ были въ рукахъ у Ломоносова, мы находимъ имя Бошковича, съ надписью Ломоносова надъ заглавіемъ его книги: „хороша“ [2]). Но странно, что это почти единственный, встрѣченный нами фактъ, который указываетъ на знакомство Ломоносова съ Бошковичемъ, предметы изслѣдованій котораго такъ часто сходились съ занятіями Ломоносова, какъ это видно изъ слѣдующаго перечня: „De aurora boreali“ (1738 г.; ср. рукопись Ломоносова въ Академіи Наукъ, № 58, л. 80, и Матеріалы *Билярскаго*, 624—640); „De lumine“ (1748 г.; ср. у Ломоносова слово „о происхожденіи свѣта“); „De centro gravitatis“ (1751 г.; Ломоносовъ также дѣлалъ много наблюденій надъ маятникомъ, въ 1752 году онъ даже устроилъ машину для изслѣдованія перемѣнъ всеобщаго тяготѣнія, ср. Матеріалы *Билярскаго*, 178, 386 и проч.); „De materiae divisibilitate et principiis corporum“ (1753 года); „De lentibus et telescopis dioptricis“ (1755 года, ср. у Ломоносова Tubus dioptrico-catoptricus, 1741 года, и проч.). Но наибольшая слава Бошковича связана съ тѣмъ, надъ чѣмъ двадцать-пять лѣтъ размышлялъ, но чего не успѣлъ окончить Ломоносовъ; это — „Boscovichiana, philosophiae naturalis theoria ad unicam legem virium in natura existentium reducta“ (1-е изданіе: Вѣна, 1758; 2-е изданіе: Венеція, 1762 года; 3-е изданіе: Вѣна, 1764 года; въ 1779 году начатъ французскій переводъ): „Est ille quidem satis tenuis libellus, at non et tenuem quoque rem continet“ [3]). Въ какомъ же находятся отношеніи между собою системы Ломоносова и Бошковича, двухъ, можетъ-быть, самыхъ даровитыхъ ученыхъ, какихъ только производилъ славянскій міръ?

Вотъ въ общихъ чертахъ система, построенная Бошковичемъ. Въ моей теоріи, говоритъ Бошковичъ [4]), conjunguntur simplicia atque inextensa Leibnitianorum elementa cum Newtoni viribus, quos vulgo attractiones et repulsiones appellant... Deveni ad legem virium in natura etistentium unicam simplicem, continuam... ita, ut ubique se prodat uniformis agendi ratio non ex arbitrariis hypothesibus et fictitiis

---

[1]) Рукопись словаря русскихъ писателей митрополита Евгенія въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

[2]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 478.

[3]) Вступленіе къ «Philos. natur. theoria», 1763, X.

[4]) Тамъ же.

commentationibus, sed ex sola continua ratiocinacione deducta". Первые элементы матеріи суть точки, недѣлимыя и не протяженныя, разсѣянныя въ пространствѣ, непроницаемыя другъ для друга и надѣленныя инертною наклонностью оставаться въ томъ же состояніи покоя или однообразнаго прямолинейнаго движенія; сближенныя между собою точки оказываютъ взаимодѣйствіе, и эта присущая имъ сила притяженія и отталкиванія, какъ сила Ньютонова всемірнаго тяготѣнія, дѣйствуетъ по закону напряженія обратно пропорціональнаго квадратамъ разстояній.

Въ этой теоріи непротяженныхъ величинъ видно созданіе математика, комбинировавшаго теорію метафизическихъ монадъ Лейбница съ ученіемъ Ньютона о космическихъ силахъ, дѣйствующихъ одинаково правильно между безконечно великими звѣздами и безконечно малыми атомами—безъ отношенія къ различію массъ и пространствъ,—силахъ, измѣняющихся лишь по напряженію, а не по способу дѣйствія. Привыкши къ однородности величинъ математическихъ, которыя комбинируются однако въ столь различныя количества, Бошковичъ считалъ возможнымъ выводить разнородность тѣлъ изъ различной группировки однородныхъ атомовъ. Тотъ же навыкъ къ графическому изображенію величинъ и силъ привелъ его къ мысли изобразить дѣйствіе силы частичнаго притяженія и отталкиванія волнообразно выблещеюся кривою линіей. Такимъ образомъ Бошковичъ какъ-будто подошелъ къ теоріи волнообразныхъ движеній, какъ причинѣ физическихъ явленій; но своимъ взглядомъ на разсѣянные въ пустомъ пространствѣ атомы онъ былъ прикованъ къ Ньютоновой теоріи истеченія, и потому не могъ подняться до теоріи эѳирныхъ колебаній. Потому-то Бошковичъ, по своей теоріи дѣйствія силы частичнаго притяженія или сцѣпленія, могъ объяснить лишь химическія и физіологическія явленія. Дальнѣйшіе успѣхи физическихъ изслѣдованій и химическаго анализа, подтвердивъ Ломоносовскую теорію колебаній и разнородности атомовъ, пробили непоправимую брешь въ аргументаціи Бошковича; она отказывается не свободною даже отъ противорѣчій логическихъ: принимая, напримѣръ, гипотезу непротяжимости монадъ и разлучающаго ихъ пустаго пространства, можно ли логическимъ путемъ объяснить передачу черезъ эту пустоту дѣйствія отдаленныхъ источниковъ силъ? Съ другой стороны, Бошковичъ не вноситъ въ кругъ фактовъ, подчиненныхъ его системѣ, цѣлой области *физическихъ явленій*, которыя такъ удобно объясняются теоріей Ломоносова, предупредившаго Бошковича и по времени, такъ какъ въ

словѣ „о происхожденіи свѣта“ (1756 г.) теорія Ломоносова является уже совершенно законченною. Мы не нашли указаній на то, какъ Ломоносовъ отнесся къ теоріи Бошковича, и что̀ думалъ Бошковичъ объ ученіи Ломоносова. Но мы знаемъ, какъ отнеслась къ той и другой теоріи западно-европейская наука, и не думаемъ, чтобъ она была справедлива къ Ломоносову. Въ Бошковичѣ она давно признала „великій метафизическій геній, смѣлый, оригинальный и изобрѣтательный“. Многіе западно-европейскіе математики положили его сочиненія въ основаніе своихъ ученыхъ трудовъ; по его теоріи долго преподавались курсы физики [1]). Гораздо менѣе склонна западно-европейская наука признать столь же изобрѣтательный, но болѣе ясный и положительный архитектонический геній русскаго физика. Мы думаемъ однако, что относительная высота идеи или теоріи опредѣляется не взглядомъ современниковъ, а собственно ея жизненностью или живучестью. Поэтому наше предпочтеніе теоріи Ломоносова будетъ не совсѣмъ бездоказательно, если мы укажемъ, что сто лѣтъ спустя, наука пришла, можетъ-быть, вполнѣ независимо отъ толчка или образца, даннаго Ломоносовымъ, къ теоріи замѣчательно сходной съ его ученіемъ не только въ главныхъ основаніяхъ, но и въ подробностяхъ.

Въ исторіи естествовѣдѣнія первой половины нынѣшняго столѣтія довольно видное мѣсто занимаютъ физическіе и химическіе труды французскаго ученаго Бодримона (Beaudrimont). Посмотрите въ изданномъ имъ въ 1844 году „Traité de chimie générale et expérimentale“ основныя положенія его химической теоріи, и вы невольно припомните себѣ теорію нашего Ломоносова. Вотъ положенія Бодримона: 1) Матерія состоитъ изъ атомовъ. 2) Эти атомы одарены различнаго рода движеніемъ: а) поступательнымъ (у Ломоносова — текущее или проходное) [2]); б) дрожательнымъ или волнообразнымъ (у Ломоносова — зыблющееся) [3]); 3) вращательнымъ (у Ломоносова — коловратное) [4]). Въ химіи разсматриваются только два послѣдніе рода движенія: существованіе же перваго хотя возможно, но весьма сомнительно (припомнимъ, что Ломоносовъ точно также отвергаетъ текущее движеніе, ибо оно предполагаетъ отвергаемую имъ теорію невѣсомыхъ жидкостей: свѣтовой, теплотворной, электрической [5]) и т. д.). 3) При

---

[1]) Biographie universelle, подъ словомъ Boscovich.
[2]) Соч., II, 113.
[3]) Тамъ же, 124.
[4]) Тамъ же, 120.
[5]) Тамъ же, 113 — 120.

нагрѣваніи тѣлъ увеличивается скорость движенія ихъ частицъ. Съ измѣненіемъ количества движеній измѣняется состояніе тѣлъ (ср. разсужденіе Ломоносова „de calore"). 4) Особенное — кажется, круговое около своей оси — вращеніе частицъ тѣлъ есть причина электричества и магнитной полярности. Если бы, въ дополненіе къ этимъ положеніямъ, Бодримонъ принялъ еще признаваемый Ломоносовымъ законъ *совмѣщенія* частицъ, то-есть, если бы Бодримонъ призналъ существованіе нѣсколькихъ родовъ атомовъ [1]), то мы видѣли бы въ наши дни повтореніе теоріи нашего Ломоносова [2]).

Обращаемся къ химическому ученію Ломоносова. Занятія химіей были однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ, которымъ онъ долженъ былъ посвятить себя за границею. „Главная цѣль при посылкѣ трехъ молодыхъ студентовъ въ Фрейбергъ" — писалъ по этому случаю отецъ одного изъ нихъ, горный совѣтникъ Райзеръ — „состоитъ въ томъ, чтобъ они систематически изучили химію" [3]). Итакъ, Ломоносовъ занимался химіей по профессіи. Мы уже видѣли кругъ его научныхъ средствъ по этому предмету. Во время Ломоносова еще не было ни Лавуазье, ни Пристлея, ни Шееле; слѣдовательно, не было химіи въ собственномъ смыслѣ. Господствовалъ еще авторитетъ Парацельса, Агриколы, Бернарда Паласси; ложная флогистическая теорія Сталя для объясненія химическихъ явленій, окончательно опровергнутая только у Лавуазье, сковывала еще успѣхи науки. Вотъ какъ характеризуетъ тогдашнее состояніе химической науки самъ Ломоносовъ:

„Изученіе химіи бываетъ двоякое: одно имѣетъ въ виду развитіе натуральной науки, другое — умноженіе удобствъ жизни. Послѣднее, съ большими пожертвованіями и крайнимъ трудомъ обрабатываемое и въ прежніе вѣка,

---

[1]) Соч., II, 126.

[2]) При обозрѣніи и оцѣнкѣ натуральной философіи Ломоносова мы воспользовались, кромѣ печатныхъ его сочиненій и рукописныхъ матеріаловъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ, слѣдующими пособіями:

1) Encyclopoedia Britannica, статьи: Boscovich и Physicks. 2) Biographie Universelle, статьи: Boyle и Boscovich. 3) *Appendini*, «Notizie istorico-critiche sulle antiquità, storia e litteratura de' Ragusei», Ragusa, 1803, t. II (здѣсь подробно изложена біографія Бошковича, намѣчены главныя основанія его философіи и присоединенъ полный перечень его сочиненій). 4) *Torbar*, «Boškovićeva elementa materiae napram današnjoj atomistici», статья въ *Rad Jugoslavenske Akademie*, кн. VI, 1869. 5) «Взглядъ на химическія теоріи. Изложеніе исторіи химическихъ теорій», *М. Хотинскаго*, въ *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1847 г., ч. 53 — 55 (въ нѣкоторыхъ частяхъ по Бодримону).

[3]) Изъ письма Райзера къ президенту Академіи барону Корфу. 1730 г., Сборникъ *Куника*, II, 233.

но по преимуществу въ нашъ и прошедшій вѣкъ, имѣетъ счастливые успѣхи; первое же, затѣянное едва нѣсколькими любознательными людьми, почти ничѣмъ не обогатило философскаго изученія природы. Въ немногихъ словахъ объясню причину этого обстоятельства. Такъ какъ слѣпые смертные гораздо больше почитаютъ развитіе тѣла, чѣмъ духа, то неудивительно, что химики корыстнымъ трудомъ открыли безконечно много такого, что̀ служитъ для охраненія здоровья, раздраженія желудка, украшенія тѣла и увеличенія тщеславнаго блеску, даже для изгнанія отъ страстей и убійства своихъ враговъ, а ясное познаніе явленій, то-есть, вѣрнѣйшую дорогу для достиженія, даже развитія и усовершенствованія того, къ чему химики такъ жадно стремятся, они оставили въ пренебреженіи, какъ менѣе благодарное занятіе. Хоть и были въ нашъ вѣкъ люди, которые, приступивъ къ этому трудному дѣлу съ похвальными стремленіями, пытались открыть путь ко внутреннимъ тайнамъ (adytus) тѣлъ и пролить свѣтъ въ эту темную область, но обманутые въ ожиданіяхъ, они и другихъ, кажется, лишили всякой надежды на болѣе счастливые успѣхи. Впрочемъ даже попытка совершить великое дѣло не безславна была для нихъ“ [1]).

По свойству своего ума Ломоносовъ стремился внести разумность и законъ всюду, куда только „простирался онъ своимъ изученіемъ“. Онъ рано сталъ искать философскихъ основаній для объясненія химическихъ явленій. Уже въ 1740 году онъ писалъ въ Академію Наукъ, въ видѣ обвиненія своего учителя Генкеля:

„Онъ всю разумную философію презиралъ, и когда я однажды, по его приказанію, зачалъ причину химическихъ явленій объяснять (но не по его перипатетическому концепту, а по началамъ механики и гидравлики), то онъ тотчасъ же мнѣ замолчать приказалъ и съ обыкновенною своею наглостію на смѣхъ поднялъ мои объясненія, яко несбыточную причуду“ [2]).

Въ рукописи библіотеки Академіи Наукъ № 58 (л. 482 — 487) есть собственноручныя Ломоносова записки химіи 1741 года, подъ заглавіемъ: „Elementa chymiae mathematicae“. Въ этихъ запискахъ онъ положительно говоритъ: „Chymicus debet esse etiam philosophus“. По его мнѣнію, для историческаго изученія и философскаго пониманія химическихъ измѣненій въ составѣ сложныхъ тѣлъ (что̀ и составляетъ, по мнѣнію Ломоносова, предметъ химіи), химикъ долженъ запастись знаніемъ механики и чистой математики; лишь тогда можетъ онъ приступить къ изслѣдованію законовъ движенія, которое и есть основаніе всѣхъ химическихъ явленій, а математика для химіи будетъ такъ жѐ полезна, какъ была для гидравлики, аэростатики, оптики:

„Если бы тѣ, которые постоянно покрыты дымомъ и сажею, и которыхъ мозгъ загруженъ какимъ-то хаосомъ и не переваренною массою опытовъ,

---

[1]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 247. Отрывокъ переведенъ съ латинскаго.

[2]) Сборникъ *Куника*, II, 335.

захотѣли поучиться священнѣйшимъ законамъ геометріи, которые нѣкогда строго наблюдалъ Евклидъ, а въ настоящее время усовершенствовалъ Вольфъ, то они своимъ искусствомъ могли бы глубже проникнуть въ святилище природы. И подлинно, если математики соединеніями немногихъ линій открываютъ такъ много истинъ, то почему бъ и химики не могли сдѣлать богатые выводы изъ такой массы опытовъ? Другой причины не вижу, какъ незнаніе математики“ [1]).

Очень настойчиво доказываетъ Ломоносовъ ту же необходимость математики для химіи въ своемъ „словѣ о пользѣ химіи“ [2]). Но не трудно видѣть, что въ ходѣ своихъ занятій онъ постепенно переходитъ отъ химіи къ физикѣ: она была главнымъ и любимымъ предметомъ его ученаго вниманія. Химія и математика, въ его глазахъ, суть вспомогательныя для физики науки: „Chymia est manus physicae dextra, mathesis oculi. — sed ea potius, quae recte judicandi viam monstrat“ [3]). Ломоносовъ часто повторяетъ: „Chymia mea physica est“. Мы знаемъ его слова въ рапортѣ о своихъ упражненіяхъ съ 1751 по 1756 г.: „Дѣлалъ новые химико-физическіе опыты, дабы привести химію сколько можно къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной физики“ [4]). Въ рукописи Академіи Наукъ, № 58, около двухсотъ листовъ занято физико-химическими замѣтками, диссертаціями и цѣлыми курсами. Здѣсь есть начало учебника химіи, помѣченное 1741 годомъ, слѣдовательно, написанное непосредственно по возвращеніи Ломоносова изъ-за границы, и дальше почти всѣ тѣ химическіе труды, которые Ломоносовъ высчитываетъ въ сейчасъ упомянутомъ рапортѣ о своихъ занятіяхъ (по его счету было написано болѣе двухсотъ листовъ); они большею частію относятся ко времени послѣ 1748 года, когда построена была лабораторія, — но не идутъ позже 1756 года, когда Ломоносовъ былъ болѣе отвлекаемъ отъ химіи другими занятіями и согласился уступить лабораторію другому лицу (уже въ 1756 году Вейгеръ распоряжался лабораторіей). Сочиненія эти носятъ слѣдующія названія: „Prodromus ad veram chymiam physicam“ [5]); „Tentamen chymiae physicae“ [6]); „De methodo chymiam physicam tractandi“ [7]); „Conspectus prolegomenorum chymiae physicae“ [8]); „Solutiones et praecipi-

[1]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 480. Переведено съ латинскаго.
[2]) Соч., II, 9.
[3]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 464.
[4]) Соч., I, 731. Указаные тутъ опыты относятся именно къ 1753 году.
[5]) Лл. 178 — 215; ср. Матеріалы *Билярскаго*, 111.
[6]) Лл. 215 — 220 и 433 — 434.
[7]) Лл. 268 — 269.
[8]) Лл. 272 — 277.

tata varia ad pigmenta et incausta paranda“ [1]). Изъ одного этого перечня можно видѣть, что дѣйствительно chymia Lomonosowii physica est. Ломоносовъ нашелъ для нея физическое примѣненіе въ изслѣдованіи натуры цвѣтовъ, что̀, въ свою очередь, привело его къ устроенію цѣлой фабрики издѣлій бисера, стекляруса и мозаическихъ стеколъ. И вотъ какъ онъ опредѣляетъ свою chymiam physicam:

„Chymia physica есть наука на основаніи физическихъ началъ и опытовъ находить причины того, что̀ дѣлается при смѣшеніи тѣлъ химическимъ образомъ. Она можетъ называться и химическою философіей, но въ значеніи совершенно различномъ отъ той мистической философіи, которая не только причины, но и самыя химическія дѣйствія обыкновенно представляетъ въ таинственномъ видѣ“ [2]).

Содержаніе и цѣль химическихъ лекцій опредѣлены Ломоносовымъ такъ:

„Въ своихъ химическихъ лекціяхъ учащемуся юношеству я нахожу очень полезнымъ по временамъ, гдѣ только возможно, присоединять къ химическимъ опытамъ физическіе, и самъ попытаюсь исполнить то, о чемъ говорилъ въ прошломъ публичномъ собраніи въ торжественной рѣчи о химіи. Итакъ, въ своемъ курсѣ экспериментальной химіи я сосредоточу все вниманіе 1) на опредѣленіи удѣльнаго вѣса химическихъ тѣлъ; 2) на изслѣдованіи силы сцѣпленія между ихъ частицами: a) ломаніемъ, b) сжиманіемъ, c) треніемъ на брускѣ и d) вычисленіемъ капель жидкостей; 3) на описаніи фигуры кристаллообразныхъ тѣлъ; 4) на изслѣдованіи тѣлъ Папиніановою машиною; 5) на постоянномъ наблюденіи градусовъ теплоты, и 6) на изслѣдованіи тѣлъ, особенно металлическихъ, долговременнымъ треніемъ. Однимъ словомъ, я буду останавливаться при случаѣ на всемъ томъ, что̀ можетъ быть измѣрено, взвѣшено и опредѣлено практическою математикою“ [3]).

Много химическихъ замѣтокъ разсѣяно и въ болѣе раннихъ, уже упомянутыхъ нами, черновыхъ тетрадяхъ; но до устройства лабораторіи Ломоносовъ ограничивался лишь выписками изъ химическихъ сочиненій разныхъ авторовъ и „отмѣчалъ раждающіяся при этомъ мысли“. Учрежденіе лабораторіи было важнымъ событіемъ въ его жизни, и можетъ-быть, въ исторіи русской науки. Это была первая лабораторія, устроенная на Русской землѣ. Еще дороже была она Ломоносову тѣмъ, что стопла ему большихъ трудовъ. Съ 1742 года по 1745, каждый годъ подавалъ онъ объ этомъ представленія (семнадцать изъ нихъ уцѣлѣло до насъ), и все напрасно; только въ 1747 году [4]) было разрѣшено приступить къ строенію лабораторіи; въ апрѣлѣ

[1]) Лл. 305—309 и 400—407.

[2]) Тамъ же, л. 178 и 220. Переведено съ латинскаго.

[3]) Тамъ же, л. 239. Переведено съ латинскаго.

[4]) Матеріалы *Билярскаго*, 94.

1748 года ассигновано на этотъ предметъ 3.000 руб., а чрезъ годъ лабораторія была построена, подъ непосредственнымъ надзоромъ Ломоносова. Въ рукописи Академіи Наукъ № 58 есть довольно подробное описаніе ея, принадлежащее, очевидно, къ какому-нибудь читанному Ломоносовымъ курсу химіи; въ этомъ отрывкѣ, озаглавленномъ „de laboratorio et supellectile chymica“, Ломоносовъ описываетъ свою лабораторію, какъ нормальную по устройству.

„Лабораторія“ — говоритъ онъ — „должна быть довольно просторна и раздѣлена на нѣсколько камеръ со шкапами и полками [1]), чтобы можно было свободно устраивать дѣйствія и на приличныхъ мѣстахъ располагать химическую посуду; для безопасности отъ пожара она должна быть построена изъ кирпича или камня и выведена сводомъ; печная труба должна быть устроена удобнѣйшимъ образомъ, чтобъ открытъ былъ свободный выходъ дыму и вреднымъ парамъ.

„Академическая лабораторія, щедротами Императрицы въ 1748 году построенная изъ кирпичей въ ботаническомъ саду (см. таблица) [2]): AAAA. есть самая лабораторія; B — камера, приспособленная для матерій, которыя должны быть взвѣшиваемы, раздѣляемы и пр.; C — другая камера, для посуды, которая не всегда нужна къ употребленію; DDDD четыре стола, которые поддерживаютъ печную трубу лабораторіи; EEEE основаніе (fundamenta) печей; F печка для согрѣванія зимою камеры B; GGGG шкапы для сбереженія матерій сырыхъ и произведенныхъ химическимъ образомъ; HHHH шкапы для посуды, которая въ лабораторіи всегда должна быть подъ рукою; K лѣстница, по которой можно всходить на печку, гдѣ подъ крышею сохраняется запасъ химической посуды. Въ лабораторіи, которая преимущественно приспособлена къ открытію физическихъ истинъ путемъ химическимъ, не нужно печекъ болѣе того, сколько необходимо для общихъ дѣйствій, и онѣ должны быть такой величины, чтобы только могли вмѣстить достаточно матеріи для дѣлаемыхъ опытовъ; ибо эти труды предпринимаются не для прибытка, а для науки; притомъ химикъ не можетъ считаться довольно осмотрительнымъ, если произведетъ опытовъ больше, чѣмъ сколько обнимаетъ вниманіе его мысли. Въ нашей лабораторіи девять печекъ, которыхъ намъ достаточно: 1) LL печка плавильная, 2), MM furnus docimasticus, 3) NN опять плавильная печь, 4) OO печь для дистилляціи, 5) PP furnus anemius (?) validissimus, 6) QQ печка фиифтяная, 7) RR petrificus, 8) SS печка для стекляпаго производства, 9) FF furnus digestorius. Можно прибавить печки переносныя, если нужда потребуетъ. Мы постарались устроить двѣ плавильныя печки одной величины по причинѣ частаго и постояннаго ихъ употребленія; ибо всѣ химическія дѣйствія, совершаемыя при помощи огня, могутъ приличнѣйшимъ образомъ производиться въ нихъ, буде потребуетъ нужда. Впрочемъ liquefactio, calcinatoria præparatio, inrigatio, decoctio, amalgamatio, cæmentatio, reductio, detonatio, et crematio обыкновенно всегда производятся въ этихъ печкахъ“ [3]).

---

[1]) Repositoriis; слич. Матеріалы *Билярскаго*, 59.

[2]) Таблицы этой не оказалось въ рукописи.

[3]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 449.

Не смотря однако на то, что химія была настоящею профессіей Ломоносова, онъ не обнародывалъ почти ничего изъ своихъ химическихъ записокъ; по всей вѣроятности, онъ не признавалъ за ними большаго научнаго значенія. Въ оцѣнкѣ своихъ ученыхъ трудовъ онъ упоминаетъ только solutionum theoria (теорія растворовъ), experimentis et principiis physicis fundata, да и изъ рапорта о трудахъ съ 1751 по 1756 годъ [1]) мы знаемъ, что онъ производилъ химическіе опыты для изслѣдованія то натуры цвѣтовъ (1751 — 1753 гг.), то измѣненія вѣса тѣлъ отъ накаливанія (1756 голу) и проч. Въ разсужденіи „о селитрѣ“, которое тоже почти все сохранилось въ рукописи Академіи Наукъ, № 58 [2]), онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на теоріи упругости воздуха. Итакъ, мы будемъ правы, сказавъ, что химія была профессіей, но не призваніемъ Ломоносова.

То же должно сказать и о *металлургіи*. Тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы Ломоносовъ взялся составлять учебники химіи и металлургіи. По крайней мѣрѣ, въ своемъ гораздо позднѣе вышедшемъ (въ 1761 году) учебникѣ металлургіи онъ говоритъ: „При сочиненіи сея книжицы (что было 1742 года), просматривалъ я разныхъ авторовъ о рудныхъ дѣлахъ“ [3]). Но вѣроятно, металлургія была на этотъ разъ вытѣснена риторикой, грамматикой и изслѣдованіями чисто физическими, такъ что за весь періодъ сороковыхъ годовъ мы можемъ указать одну лишь диссертацію, стоящую въ связи съ занятіями Ломоносова горною наукой; это — „de tinctura metallorum“ (1745 года). Потомъ, уже въ пятидесятыхъ годахъ, въ протоколахъ Академіи встрѣчаемъ: „Lomonossowius promisit ex libris docimasticis methodos separandi metalla ex mineris extrahere“ [4]); да и это осталось однимъ обѣщаніемъ. Еще позже въ 1757 году онъ представилъ нѣсколько рапортовъ о пробѣ рудъ и слово „de causis motus terrae“, то-есть, „о рожденіи металловъ отъ трясенія земли“. Наконецъ, въ 1761 году онъ приступилъ къ совершенію и изданію своего давняго труда — „Металлургіи“ [5]), который и вышелъ въ 1763 году, хотя не въ полномъ видѣ, ибо въ рукописи Академіи Наукъ, № 58, можно видѣть 11 листовъ „Первыхъ основаній горной науки“ (л. 1 — 11), только въ незначительной степени вошедшихъ въ печатный учебникъ

[1]) Соч., I, 728.
[2]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 146 — 178.
[3]) Соч., II, 439; ср. 289.
[4]) 25-го января 1753 года, см. Матеріалы *Билярскаго*, 189.
[5]) Ib. 451.

металлургіи [1]). Да и самый этотъ учебникъ представляетъ если не переводъ, то значительныя заимствованія изъ книги о горномъ дѣлѣ Шлиттера [2]). Въ наукѣ, не горной, а вообще геологической и физической, гораздо большее имѣетъ значеніе, чѣмъ весь учебникъ Ломоносова, второе къ нему прибавленіе „о слояхъ земныхъ“; но о немъ мы скажетъ нѣсколько ниже.

Уже въ послѣдніе годы своей жизни, вѣроятно, во исполненіе своего завѣта: „покажу хотя нѣкоторый примѣръ во всѣхъ мнѣ знаемыхъ наукахъ“, Ломоносовъ задумалъ написать „Общую систему минералогіи россійской“, да сверхъ того обозрѣніе минералогіи всеобщей. Памятникомъ этого предпріятія осталось нѣсколько записокъ о собираніи въ Россіи минераловъ „для изученія нѣдръ нашего отечества“ [3]). Съ января 1765 года должно было начаться печатаніе „Минералогіи“ [4]); но обстоятельства отвлекли вниманіе Ломоносова въ другую сторону, и дѣло ограничилось планомъ и присылкою камней. Что же касается задуманнаго плана „всеобщей минералогіи“, то по этому предмету можно указать одну только общую замѣтку въ рукописи Академіи Наукъ, № 58, безъ которой мы не знали бы даже о существованіи въ головѣ Ломоносова этого большаго замысла. Вотъ эта замѣтка:

„1. Общее физическое познаніе земныхъ слоевъ и прочаго.
2. Система вообще тѣлъ съ дефиниціями.
3. Минералы европейскіе
4. Минералы американскіе } magnalia Dei (?).
5. Индѣйскіе
4. Велико-россійскіе.
5. Сибирскіе.
6. Система общая минераловъ.
7. Россійскихъ“ [5]).

Не въ химіи однако и не въ металлургіи центръ ученой дѣятельности Ломоносова: *физика* въ широкомъ смыслѣ этого слова, вмѣстѣ съ физическою географіей, механикой и оптикою — вотъ срединный пунктъ, около котораго вращалась его ученая изобрѣтательность, вотъ и основаніе, на которомъ твердо опирается его ученая слава, —

[1]) Ср. тамъ же, л. 113—115. Предисловіе къ руднымъ дѣламъ.

[2]) См. словарь митроп. Евгенія; въ 1763 г. вышла металлургія, большею частію переведенная съ нѣмецкаго изъ сочиненій Христофора Андрея Шлиттера.

[3]) Матеріалы *Билярскаго*, 532—536; Соч., I, 736 — 746; Рукопись Ак. Н., № 58, л. 93, 122.

[4]) Матеріалы *Билярскаго*, 625.

[5]) Л. 458.

скажемъ болѣе — его безсмертное имя въ исторіи естествознанія. Если бы намъ нужно было назвать сочиненія, въ которыхъ всего блистательнѣе выразился ученый геній Ломоносова, то мы не колеблясь, указали бы на „слово о происхожденіи свѣта“, на нѣкоторыя части „слова о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“, нѣкоторые параграфы разсужденія „о слояхъ земныхъ“ и „показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“. Изъ сочиненій и замѣтокъ Ломоносова можно составить довольно полный курсъ физики (конечно, соотвѣтственно требованіямъ его времени) въ слѣдующемъ видѣ: 1) Программа при началѣ публичнаго чтенія на русскомъ языкѣ физики [1]). 2) Qualitates physicae mediae, состояніе тѣлъ [2]). 3) Gravitas corporum [3]); de gravitatis et materiae ratione [4]); de incremento ponderis per calcinationem [5]); диссертація о перемѣнахъ тягости по земному глобусу [6]). 4) Dissertatio de vi aëris elastica [7]). Supplementum ad meditationes de vi aëris elastica [8]); descensum atmosherae superioris in inferiorem [9]); о морозѣ, случившемся послѣ теплой погоды [10]); de motu aëris in fodinis observato [11]); de aëre ex poris corporum liberato [12]) (ср. quatuor casus de aëre et mercurio) [13]); de ascensu mercurii in lateribus barometri [14]); de ascensu corporum volatilium in vacuo [15]). 5) Dissertatio de calore et frigore [16]); о точнѣйшемъ опредѣленіи градусовъ теплоты и стужи [17]); дополненія къ этой статьѣ въ разсужденіи „о должности журналистовъ“. 6) Опытъ надъ водою Сѣвернаго океана [18]); Gedanken von Ursprung der Eisberge (1763 г.). 7) Но-

---

[1]) Соч., I, 802 — 803.
[2]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 270.
[3]) Тамъ же, л. 437 — 499.
[4]) Матеріалы *Билярскаго*, 754, упоминаніе.
[5]) Тамъ же, 334.
[6]) Матеріалы *Билярскаго* 744 — 745.
[7]) *Nov. Comment. Acad. Scient. Petrop.*, t. I.
[8]) Тамъ же.
[9]) См. рѣчь объ электричествѣ.
[10]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 14 — 18.
[11]) Соч., II, 439.
[12]) Ср. Матеріалы *Билярскаго*, 334.
[13]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 442.
[14]) Матеріалы *Билярскаго*, 511.
[15]) Тамъ же, 334.
[16]) *Nov. Comment. Acad. Scient. Petrop.*, t. I.
[17]) Матеріалы *Билярскаго*, 120.
[18]) Крат. опис. сѣв. путеш., § 76.

вая теорія о цвѣтахъ въ „словѣ о происхожденіи свѣта“ [1]); de vibrationibus chordae in vacuo instituendis, ut appareat, an vibrationes cum luce conjunctae sunt. [2]). 8) О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ [3]); phoenomena vis electricae [4]); theoria electricitatis. [5]) 9) Испытаніе причины сѣвернаго сіянія и другихъ подобныхъ явленій [6]); scriptum de electricitate aurorae borealis [7]); рисунки сѣверныхъ сіяній [8]). 10) Lomonossowii quaestio.... invenire leges et condere tabulas pro cognoscenda *declinatione magnetica* [9]). 11) De temperie aëris in planetis et cometis conjectura [10]); contra caudam vaporosam cometarum [11]). Явленіе Венеры на солнцѣ [12]).

Во всѣхъ своихъ физическихъ изысканіяхъ Ломоносовъ шелъ, дѣйствительно, впереди своего вѣка. Не онъ ли первый съ ясностію и послѣдовательностію показалъ, что теплота, свѣтъ, электричество и проч. суть явленія, а не *тѣла?* Вольфъ принималъ еще materiam calorificam, luciferam и т. д.; даже гораздо позже самъ Лавуазье принималъ причиною теплоты теплородъ, жидкость невѣсомую и не заключимую въ сосудѣ. Ломоносовъ, не смотря на авторитетъ Ньютона, рѣшительно возсталъ противъ его теоріи истеченія свѣтовой жидкости и задолго до Френеля и Араго объяснялъ всѣ оптическія явленія теоріей волненій, понимая свѣтъ, какъ дрожаніе эѳира. Онъ первый далъ научную теорію для объясненія явленій электрическихъ. Ужь очень рано, съ 1744 года, раньше Франклина, началъ Ломоносовъ наблюдать электрическія явленія. Мы имѣемъ таблицу этихъ наблюденій [13]) за годы 1744, 1745, 1746, 1747, 1748 и 1753. „Съ 1743 года“ — говоритъ онъ — „рѣдко пропущено мною сѣверное сія-

---

[1]) Соч. II. 109—148. Ср. рукопись Ак. Н., № 58, л. 436: латинскія названія разныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ; тамъ же, л. 453: De theoria Euleriana lucis et particularum.

[2]) Матеріалы *Билярскаго*, 188. Ср. съ этимъ новѣйшіе опыты надъ связью физическихъ явленій съ движеніемъ, Вундта, Тиндаля и др.

[3]) Соч. II, 31—108. Ср. Матеріалы *Билярскаго*, 203, 206, 210, 219, 220, 228, 237, 240, 264. Ср. *Пекарскаго*, Доп. изв., 90.

[4]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 439.

[5]) Тамъ же, 221—239.

[6]) Тамъ же, 8 2.

[7]) Матеріалы *Билярскаго*, 623; ср. 152, 790.

[8]) Тамъ же, 640.

[9]) Тамъ же, 649.

[10]) Матеріалы *Билярскаго*, 334.

[11]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 441; Матеріалы *Билярскаго*, 781.

[12]) Соч. II. 257; ср. рукопись Ак. Н., № 58, л. 143, 18 — 23.

[13]) Тамъ же, л. 439.

ніе безъ записки, при прочихъ воздушныхъ перемѣнахъ“ [1]). Но особенно усиленно сталъ онъ заниматься электричествомъ, когда услыхалъ „чудный слухъ“,

[1]) Тамъ же, л. 82. Мы можемъ указать образчикъ такихъ записокъ, замѣчательный для филолога не менѣе, чѣмъ для натуралиста—со стороны языка, необыкновенно выразительнаго и чистаго, потому что онъ свободенъ отъ примѣсей риторическихъ и стилистическихъ, которымъ Ломоносовъ отводилъ не мало мѣста въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Приводимъ эту записку съ сохраненіемъ правописанія, изъ рукописи Ак. Н., № 112, л. 118 (слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты въ рукописи Ломоносова): «Іюня 5 дня, въ девятомъ часу по полуночи (по полудни), появилась туча въ Зюдѣ и темныя облака (около) чрезъ проходили тихимъ и непорядочнымъ движеніемъ; дождя ничево (не было). Електрическая сила была въ то время весьма сильна, хотя еще грому не слышно было, который однако скоро загремѣлъ и перьвая молнія, которую я увидѣлъ, двадцетью секундами громовой звукъ предупреждала. Немедленно громъ усилился, и звучалъ безъ дождя сильно; между тѣмъ електрическая сила перестала, въ самый сильный звукъ не была чувствительна, (послѣ того) и не было ниже признаку оныя чрезъ дватцеть минутъ; послѣ какъ громъ нѣсколько удалѣлъ, снова появилось дѣйствіе електрическое, съ сильными искрами и съ трескомъ, и продолжалось больше получаса, и въ концѣ перваго часа по полудни все миновало. При прохожденіи помянутыхъ тучь былъ ненадолго весьма маленькой дожжикъ; въ окончаніи втораго часа пополудни начали подыматься отъ норда до зюда занимающіе половину горизонта весьма темныя облаки. При чемъ и другая половина горизонта, хотя много ниже и только около десяти градусовъ величиною, имѣла (черныя) темныя облаки, такъ что весь горизонтъ былъ соединенная туча, и только около цѣнита были тонкія облака хохлами, дождя не было ни капли. Ни грому, ни молніи ничего не примѣчено. Електрическая сила снова показалась такъ же сильна, какъ прежде: чрезъ четверть часа немалый дождь воспослѣдовалъ, съ которымъ (близъ) около получаса електрическая сила продолжалась, безъ всякаго грома и молніи, послѣ того въ одну минуту перестала; въ разсужденіи искръ и треску примѣчено слѣдующее: 1) въ отдаленіи трехъ четвертей дюйма (о)быкновенный конусъ; 2) въ двухъ и трехъ линіяхъ безпрестанныя искры съ трескомъ и какъ шилы; 3) приложенные металы имѣли ясныя синеватыя искры; 4) къ приложенному персту изъ желѣза искры были ясныя синеватыя, и отъ перста встрѣчу (sic) весьма красныя; 5) отъ раковины вишневые почти безъ треску слабыя; 6) отъ магнита какъ отъ металла; 7) отъ камерца (?) вишневыя и изъ угловъ пирамидальныя; 8) отъ моржевой кости искры съ трескомъ нѣтъ и только шипящій свѣтъ; 9) горной хрусталь ничего не производитъ; 10) селитра даетъ слабыя искры по угламъ. 10-го числа Іюня переходило облако съ дождемъ отъ зюдъ-веста безъ всякаго чувствительнаго грома и молніи какъ прежде и послѣ, такъ и въ самое то время, при немаломъ отъ запада вѣтрѣ, который во весь день продолжался. Електрическая сила съ искрами и трескомъ нарочито была велика, однако только въ самое прохожденіе облака около пяти минутъ продолжалась. — Въ Петровъ день сего года въ два часа пополудни чувствительна была електрическая сила по ниткѣ, что за рукою гонялась, тучи не малы, тихо, грому не слышно» (ср. Соч. II, 74 и 75).

„Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
„Что та же сила тучь гремящихъ мракъ наводитъ,
„Котора отъ стекла движеніемъ исходитъ....
„Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила...
„Я, слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу,
„На время ко стеклу весь трудъ свой приложу“ [1]).

Это писано зимою 1752 года, а не позже, такъ какъ чрезъ годъ (26-го ноября 1753 г.) Ломоносовъ уже читалъ свое „слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ“ [2]), въ которомъ одновременно съ Франклиномъ, но совершенно независимо отъ него [3]) и гораздо обстоятельнѣе его объяснилъ всѣ электрическія явленія въ атмосферѣ „погруженіемъ и восхожденіемъ“, или вертикальными теченіями воздуха; этимъ же Ломоносовъ объяснялъ внезапные холода, сѣверныя сіянія, зарницы, хвосты кометъ и т. д. Эйлеръ называлъ эти догадки „cogitationes eximiae, egregium incrementum scientiae naturalis“ [4]). Гейнзіусъ находилъ теорію вертикальныхъ теченій утвержденною на очень прочныхъ основаніяхъ и не сомнѣвался въ томъ, что явленія, объясненныя съ помощью этой теоріи, дѣйствительно, происходятъ отъ указанныхъ Ломоносовымъ причинъ [5]). Крафтъ хоть и не соглашался съ мнѣніемъ Ломоносова, но сознавался, что его „слово“ очень хорошо и есть произведеніе возвышеннаго генія (d'un génie supérieur) [6]). Ломоносовъ имѣлъ намѣреніе дальше и на строго научныхъ основаніяхъ развить свою теорію. Въ рукописи Академіи Наукъ, № 58, семнадцать листовъ [7]) занято матеріалами для сочиненія: „Theoria electricitatis, methodo mathematica concinnata“ (1756 г.), которое должно было состоять изъ слѣдующихъ восьми главъ: 1) предварительныя замѣчанія; 2) объ эѳирѣ и огнѣ; 3) о строеніи чувственныхъ тѣлъ; 4) о произведеніи электричества первичнаго; 5) о произведеніи электричества производнаго; 6) объясненіе явленій искусственныхъ; 7) объясненіе явленій естественныхъ; 8) prognosticon объ успѣхахъ науки объ электричествѣ. Изъ замѣтокъ Ломоносова видно, что онъ задумалъ это сочиненіе въ обширныхъ размѣрахъ: онъ хотѣлъ здѣсь сдѣлать опытъ объясненія физическихъ явленій по своей атоми-

[1]) Соч., I, 522 — 253.
[2]) Тамъ же, II, 31.
[3]) Соч., II, 44.
[4]) Матеріалы *Билярскаго,* 252.
[5]) Тамъ же, 252 — 253.
[6]) Тамъ же, 257.
[7]) Лл. 221 — 238.

стической теоріи, съ которой мы уже нѣсколько знакомы. Уже въ первой замѣткѣ читаемъ: „*Congruentia*. Colores, sapores, odores, omnes sensus—sympathetica omnia hucusque inexplicabilia, tum chymica omnia“ (то-есть, конгруенціей можно объяснить явленія цвѣтовъ, вкусъ, запахъ, ощущеніе всѣхъ чувствъ... всѣ не объясненныя до сихъ поръ явленія симпатическія, а равно и всѣ химическія). Ломоносовъ предупреждаетъ людей, ревнивыхъ ко власти Божіей, что „demonstratur hoc existentia Dei creatoris et patet non casu materiam formasse“. Предисловіе должно было оканчиваться слѣдующею замѣткою: „Предлагаю, какъ риторъ, докажу, какъ физикъ, ежели Богъ поможетъ. Между тѣмъ прошу ученыхъ, чтобъ о семъ подумали, о конгруенціи — тема, отъ которой согрѣваніе, освѣщеніе, ращеніе, жизнь, болѣзни, лѣкарства, цвѣты, вкусы и прочая происходятъ“ [1]). Разсужденіе не кончено, но мы имѣемъ позднѣйшую замѣтку Ломоносова „о морозѣ, случившемся послѣ теплой погоды въ апрѣлѣ сего 1762 г.“ [2]), въ которой онъ прилагаетъ теорію вертикальнаго теченія воздуха къ объясненію даннаго случая. Наука хорошо запомнила имя товарища и друга Ломоносова Рихмана, можетъ-быть, только потому, что онъ смерти своей „плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно“ [3]), но забыла имя Ломоносова, который гораздо больше Рихмана сдѣлалъ для объясненія электрическихъ явленій. За то народная память запечатлѣла имя перваго устроителя громоотводовъ въ Россіи. И теперь еще Архангельскіе крестьяне сходятся къ памятнику Ломоносова и съ таинственнымъ благоговѣніемъ называютъ его великимъ чародѣемъ, *сводителемъ грома на землю* [4]).

Въ связи съ наблюденіями надъ электричествомъ стало занимать Ломоносова объясненіе явленій сѣвернаго сіянія. Тутъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, дѣйствовали на него впечатлѣнія дѣтства. Не разъ видывалъ онъ сѣверныя сіянія, и они поражали его воображеніе:

„Родившись и живя до возраста въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сѣверныя сіянія часто случаются, не безъ сожалѣнія воспоминаю, что не могъ пользоваться внимательнымъ наблюденіемъ разныхъ перемѣнъ и обстоятельствъ, бывающихъ при таковыхъ явленіяхъ. Причина тому первая, что ради привычки частое и почти повседневное ихъ оказаніе рѣдко возбуждаетъ въ тамошнихъ жителяхъ вниманіе; вторая, что незнаніе наукъ не приводитъ ихъ къ любо-

[1]) Рукопись Ак. Н., л. 226.

[2]) Тамъ же, л. 14 — 17.

[3]) Ломоносовъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову 26 іюня 1753 г.; Матеріалы *Билярскаго*, 214.

[4]) Слышано отъ Архангелогородца.

пытству. Итакъ, сколько могу себѣ представить, заподлинно увѣряю, что въ этомъ климатѣ, около 64 градусовъ, сѣверныя сіянія больше бываютъ непорядочныя, и не могу вспомнить, чтобы когда я видѣлъ хотя мало регулярную дугу на сѣверѣ или полуднѣ, но по большей части бываютъ всполохи на подобіе зарницы или столбовъ и лучей весьма перемѣнныхъ; второе — хотя всполохи бываютъ по всему небу, однако больше на сѣверѣ; третее — случалось видать зимою мѣстами малиноваго, къ вишневому склоннаго цвѣту, между западомъ и полуднемъ; четвертое чаще случалось видать въ вѣтреную погоду сквозь перерывные облаки. Здѣсь въ Санктпетербургѣ, лѣта возраста, любопытство и охота къ испытанію натуры, особливо же, когда электрическая громовая сила открылась, несравненно большее вниманіе и особливое стараніе употреблено мною къ наблюденію сихъ явленій. Съ 1743 года рѣдко пропущено мною сѣверное сіяніе безъ записи, при прочихъ воздушныхъ перемѣнахъ. А съ 1747 года зачалъ я записывать обстоятельно большаго вниманія достойныя сіянія съ обстоятельствами, рѣдко случающимися, а иныя срисовывать, сколько дозволяла скорая ихъ перемѣнчивость. Многія изъ нихъ были постоянны, чтобъ ихъ изображенія положить на бумагу съ нарочитою точностію, въ слѣдующихъ фигурахъ и описаніяхъ усмотрѣть можно таковыя (представленія ихъ) явленія“ [1]).

Что дѣйствительно съ 1743 года Ломоносовъ велъ записки о своихъ наблюденіяхъ надъ электрическими явленіями, видно между прочимъ изъ одного мѣста рукописи Академіи Наукъ, № 58 (л. 439), гдѣ записаны годъ, мѣсяцъ, день, часъ, состояніе термометра и барометра во время сѣверныхъ сіяній въ 1744 (16 наблюденій), 1745 (17 наблюденій), 1746 (6 наблюденій), 1748 (7 наблюденій) годахъ (затѣмъ 1753 годъ только поставленъ, но наблюденій не приведено). Уже будучи профессоромъ и совѣтникомъ, Ломоносовъ не прерывалъ живыхъ отношеній къ своей родинѣ и сношеній съ своими поморскими братьями. Какой-то Амосъ изъ Колы привозилъ Ломоносову, въ видѣ гостинца, воду изъ Сѣвернаго Океана, и можетъ-быть, разказы о падунахъ, стамухахъ, о сполохахъ и зарницахъ. Всю жизнь Ломоносовъ томился надъ научнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые запали въ его душу съ дѣтства. Какъ же развивались ученыя теоріи Ломоносова для объясненій сѣвернаго сіянія? Послушаемъ его самого:

„Что зыблетъ ясный нощью лучь?...
„Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
„И гладки волны бьютъ въ эфиръ?“ [2]).

---

[1]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 82. Поставленное въ скобкахъ зачеркнуто въ рукописи.

[2]) «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія»; Соч., I, 20 — 32.

„Ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена въ 1743 году, а въ 1747 году въ „Риторикѣ“ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ эѳира произведено быть можетъ [1])... Сѣверныя сіянія рождаются отъ электрическаго паровъ тренія“ [2]).

Это указаніе на пары, подымающіеся съ открытыхъ морей, очень замѣчательно: на этомъ основаніи Ломоносовъ наглядно доказывалъ, что на сѣверномъ полюсѣ находится открытое, не замерзающее море [3]), И въ послѣдніе годы жизни Ломоносовъ все думалъ о сѣверныхъ сіяніяхъ и издалъ между прочимъ ихъ рисунки [4]). Въ своемъ „Conspectus potiorum theorematum“ (около 1764 года) онъ говоритъ, что „ratio de aurora boreali per experimenta et observationes stabilita est hyeme proxime elapsa“ [5]). Но мы не знаемъ такого сочиненія. Можетъ-быть, это указаніе на планъ предполагавшагося сочиненія: „Испытаніе причины сѣвернаго сіянія и другихъ подобныхъ явленій“, который мы нашли въ рукописи Академіи Наукъ, № 58 [6]). Планъ раскинутъ очень широко: тутъ должно было войдти „общее разсужденіе перемѣнъ, начиная съ малыхъ на земли и почти нечувствительныхъ, и наконецъ до великихъ, до разрушенія и созданія міровъ безпрерывнаго“. Первая часть разсужденія должна была содержать „наблюденія сѣверныхъ сіяній“ и состоять изъ слѣдующихъ главъ:

„1) О наблюденіяхъ собственныхъ *(просмотрѣть старыя нотаты);* 2) о наблюденіяхъ, описанныхъ у разныхъ авторовъ, какъ напримѣръ, въ описаніи путешествій по Сѣверной Америкѣ (Монпонпиданусъ?), въ *Запискахъ Шведской академіи,* въ *Парижскихъ и Лондонскихъ дѣлахъ академическихъ,* въ „Универсальномъ лексиконѣ“, у Мерана „о солнечной атмосферѣ“, Гевелія — въ „кометологіи“, въ сибирскихъ наблюденіяхъ и проч.; 3) о наблюденіяхъ по словеснымъ извѣстіямъ отъ Сибиряковъ, отъ Амоса изъ Колы.

Вторая часть должна была обнять всю „теорію электрической силы“ въ слѣдующемъ видѣ:

„1) О явленіяхъ и дѣйствіяхъ электрическихъ; 2) объ эфирѣ; 3) о причинѣ притягательной и отбивательной силы электрической; 4) о причинѣ электрическаго свѣта, 5) огня и 6) ударовъ.

Сюда должно было войдти „изслѣдованіе равновѣсія электризованныхъ тѣлъ“, замѣчанія въ родѣ того, что „пламень зажженной водки при солнцѣ не видѣнъ“, или что „когда бъ атмосферы не было,

---

[1]) Соч., II, 90.

[2]) Описаніе сѣверныхъ путешествій §§ 47 — 50.

[3]) Тамъ же.

[4]) Не знаемъ, уцѣлѣло ли это изданіе.

[5]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 454 — 457.

[6]) Л. 80 — 82.

видна бы была перемѣна во млечномъ пути и безпрестанное строеніе новыхъ міровъ".

Въ области физики нельзя еще забыть приготовительныхъ работъ Ломоносова для изслѣдованія законовъ земнаго притяженія, магнитнаго отклоненія и метеорологическихъ явленій, а также его трудовъ по геологіи и физической географіи. Если и не по всѣмъ этимъ вопросамъ онъ достигъ равно положительныхъ и осязательныхъ результатовъ, то уже вѣрная постановка самыхъ вопросовъ, облегчая ихъ рѣшеніе, даетъ право на благодарность тѣхъ, кому она подготовила успѣхъ или открытіе. Не Ломоносовъ ли началъ тѣ наблюденія надъ маятникомъ, которыя привели къ блестящимъ опытамъ Фукò (Foucault). Не предупредилъ ли Ломоносовъ Соссюра и Делюка въ изслѣдованіи законовъ воздушныхъ теченій, на которыхъ построится — конечно, еще въ будущемъ — наука „легкихъ метеоровъ и воздушныхъ споровъ" — метеорологія? Не Ломоносову ли принадлежитъ первая мысль о заведеніи метеорологическихъ обсерваторій [1])? А какъ вѣрны были соображенія его въ этой области, яснѣе всего можно видѣть, если сравнить нѣсколько параграфовъ „о предсказаніи погоды, а особливо вѣтровъ", въ разсужденіи „о большей точности морскаго пути" [2]), съ послѣдними выводами науки, какъ они изложены, напримѣръ, въ сочиненіи Жамена „Les vents et la pluie" (1867 года). Не точнѣе ли Декарта, Галлея, Мерана, Бюффона опредѣлилъ Ломоносовъ, въ сочиненіи „о слояхъ земныхъ", происхожденіе материковъ и горъ дѣйствіемъ подземнаго огня, вопреки знаменитому въ его время Вернеру, считавшему воду главною причиной образованія материковъ? Въ ученіи о происхожденіи и сравнительной древности горъ, о вывороченныхъ отъ дѣйствія огня слояхъ и проч. не сказалъ ли Ломоносовъ того, что̀, сто лѣтъ спустя, наука завоевала въ трудахъ Эли-де-Бомона и Араго? Не Ломоносовъ ли положилъ основаніе вѣроятнѣйшему ученію о перемѣнахъ климатовъ на земной поверхности, о „морозномъ слоѣ атмосферы", и не сдѣлалъ ли онъ — конечно, болѣе геніальнымъ прозрѣніемъ, чѣмъ несомнѣнною аргументаціей — не сдѣлалъ ли онъ столько же глубокомысленнаго, сколько плодотворнаго указанія на измѣненіе великихъ частей земной поверхности дѣйствіемъ огня, также въ разсужденіи „о слояхъ земныхъ"? [3]) Задолго

[1]) *Журн. Мин. Народн. Просв.*, ч. CXXXIV, 889 и слѣд.

[2]) Соч., II, 245.

[3]) См. въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* (чч. XXV, XXXII, XXXIX, LIV и LV) нѣсколько статей по исторіи химіи, физики и физической географіи Пере-

до Риттера Ломоносовъ указалъ на соотвѣтствіе между очертаніями материковъ Стараго и Новаго свѣта, и на основаніи этихъ аналогій пришелъ даже къ оправдавшимся въ послѣдствіи предположеніямъ о направленіи неизвѣстныхъ еще тогда береговъ Сѣверной Америки [1]). Не считается ли и теперь вѣроятнымъ и не подверждается ли, не только соображеніями, но и нѣкоторыми наблюденіями и дѣйствительными указаніями, впервые высказанное Ломоносовымъ мнѣніе объ открытости Сѣвернаго океана отъ льдовъ въ высшихъ широтахъ? [2]). Не напоминаетъ ли А. Гумбольдта вся эта блестящая третья глава описанія сѣверныхъ путешествій [3]), основанная, правда, на соображеніяхъ и предположеніяхъ, но до сихъ поръ не опровергнутая въ главныхъ своихъ частяхъ, и напротивъ того, во многомъ и многомъ оправдавшаяся? Таковы, напримѣръ, объясненіе сѣверныхъ сіяній, теорія морскихъ теченій, образованія льдовъ и т. д.

Но всего болѣе въ области *механики* Ломоносовъ выказалъ неистощимую изобрѣтательность русскаго ума, дѣйствительно, необыкновенно способнаго къ механическимъ изобрѣтеніямъ, какъ свидѣтельствуетъ обиліе самоучекъ-механиковъ, часто съ печатью геніальности появляющихся въ разныхъ концахъ Россіи. Механическая изобрѣтательность Ломоносова была по преимуществу обращена на усовершенствованіе физическихъ инструментовъ, особенно необходимыхъ для оптики, искусства мореплаванія, отчасти метеорологіи и наконецъ для мозаическаго производства. Мы выше ужь имѣли случай перечислить изобрѣтенные или усовершенствованные Ломоносовымъ орудія и инструменты. Теперь считаемъ не безполезнымъ точнѣе указать совокупность его механическихъ работъ, которыя нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ дѣятельности его въ этой области.

I. По оптикѣ: Commentatio de instrumento caustico catoptrico-dioptrico (августъ 1741 года). — Nova methodus specula plana poliendi (21-го августа 1752 года). — Отрывокъ о зажигательныхъ стеклахъ [4]). — De speculo caustico Archimedis (1757 года) [5]). — Рѣчь объ усовершен-

---

вощикова и Хотинскаго. Тамъ есть замѣтки и о Ломоносовѣ, которыми мы воспользовались въ этой части нашего труда.

[1]) Описаніе сѣверныхъ путешествій, § 65 и слѣд.

[2]) Тамъ же, § 51 и слѣд.

[3]) «О возможности мореплаванія Сѣвернымъ океаномъ въ Остъ-Индію, признаваемой по натуральнымъ обстоятельствамъ».

[4]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 504.

[5]) Матеріалы *Билярскаго*, 334.

ствованіи зрительныхъ трубъ (29-го іюня 1762 года). — Descriptio tubi catadioptrici novae inventionis (1762 года) [1]). — Nova methodus observandi refractiones radiorum in omni genere pellucidorum corporum [2]). — Горизонтоскопъ, новой оптическій инструментъ [3]). — Tubus nyctopticus: machina condensandi luminis, ut ejus ope in tenebris quoque distincte conspici possint [4]). — Tubus bathoscopicus: „оптическій инструментъ, которымъ бы много глубже видѣть можно было дно въ рѣкахъ и въ морѣ“ [5]). — Quadrans Hallejanus novo motu [6]).

II. По метеорологіи: Machina aërodromica ad conditionem aëris superioris per machinas meteorologicas explorandam [7]). — Observatorium meteorologicum autographum [8]). — Delineatio machinulae cujusdam ad thermometra et sagittas electricas tollenda adaptatae [9]) (ср.: „Въ разныхъ государствахъ тѣ, которые мореплаваніемъ пользуются, должны учредить самопишущія метеорологическія обсерваторіи, къ коихъ расположенію и учрежденію съ разными новыми инструментами имѣю новую идею, особливаго требующую описанія“ (1759 года) [10]). — Новый морской барометръ [11]) (ср. „consilium de construendo barometro universali“) [12]). — Проектъ твердаго термометра [13]). — Способъ, „какъ мѣрять градусъ теплоты на днѣ морскомъ подъ льдомъ“ [14]). — Anemometrum, summam celeritatem cujusvis venti, et simul variationes directionis illius indicans [15]).

III. Для мореплаванія: Много инструментовъ описано въ „Разсужденіи о большей точности морскаго пути“ [16]).

---

[1]) Тамъ же, 563; ср. 547. Сл. *Ламанскій*, Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ, 152.

[2]) Рукопись № 58, л. 407; Матеріалы *Билярскаго*, 166.

[3]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 91 — 92.

[4]) Матеріалы *Билярскаго*, 307, 334, 346.

[5]) Тамъ же 389, 392; ср. Рукопись Ак. Н., № 58, л. 59.

[6]) Матеріалы *Билярскаго*, 377.

[7]) Тамъ же, 271.

[8]) Тамъ же, 780, ср. 204.

[9]) Тамъ же, 258, 259.

[10]) Соч. II, 245.

[11]) Тамъ же.

[12]) Матеріалы *Билярскаго*, 138.

[13]) Тамъ же, 314, 402.

[14]) Рукопись Ак. Н., № 58, л. 116.

[15]) Матеріалы *Билярскаго*, 117.

[16]) Соч. II, 189 — 250; ср. Матеріалы *Билярскаго*, 279, 377, 382; слич. ниже «Жезлъ морской».

IV. По физикѣ: Новые инструменты [1]). — Icon machinae ad observandas mutationes gravitatis universalis [2]). — По инвенціи Ломоносова сдѣлана стальная Папинова машина [3]). — De fonte saliente per vim mercurii prementis [4]).

V. Для мозаическаго производства: „Нѣкоторые инструменты, мною вновь изобрѣтенные для ускоренія работъ, а особливо станокъ для формовки стеклянныхъ четырегранныхъ брусковъ (призмъ) къ мозаикѣ и другія машины, которыхъ купить нельзя“ [5]).

Цѣлая масса оптическихъ изобрѣтеній, преимущественно въ приложеніи оптики къ мореплаванію, уцѣлѣла до насъ, хотя еще никому не извѣстна, въ рукописи Академіи Наукъ, № 58, гдѣ 25 листовъ, отъ 23-го до 48-го, заняты 165-ю „замѣтками химическими и (преимущественно) оптическими“, которыя должны были войдти въ книгу о долготѣ, подъ названіемъ „Жезлъ морской“ (virga nautica), и которыя относятся ко времени между 1759 и 1763 годами [6]). Принадлежащія сюда замѣтки очень разнообразны; онѣ относятся къ механикѣ, гидравликѣ, оптикѣ, астрономіи, географіи, мореплаванію, химіи, металлургіи, физикѣ (§§ 159). Здѣсь можно видѣть, правда, часто въ темныхъ только намекахъ, какъ много разнородныхъ думъ совмѣщалось одновременно въ творческой головѣ Ломоносова: „нордское путешествіе“ (§ 147), горная книга (§ 147), Полтавская баталія (§ 147), планъ С.-Петербурга и С.-Петербургской губерніи (§ 147), ода и фонтаны (§§ 147, 150), хорошіе стихи государынѣ (§ 147), мозаическіе портреты (§ 147), глобусъ (§§ 147, 150), иллюминаціи (§ 23), Ейлеръ (§§ 73, 147), Долондъ (§ 147), grammatica lapponica (§ 145) и русская исторія (§ 159). Тутъ можно найдти опредѣленіе пользы астрономіи для физики (§ 44) и для географіи (§ 119), опредѣленіе достоинства разныхъ научныхъ методовъ (метода самого Ломоносова — § 102), вычисленія математическія (§§ 88, 94, и проч.), наблюденія астрономическія (§§ 51, 63, 79, 80, 89, 93, 96, 97, 98, 101, 104, 105, 106, 109, 114, 125, 126, 160, 169), замѣтки объ обращеніи планетъ

---

[1]) Матеріалы *Билярскаго*, 163, 1751 года.

[2]) Тамъ же 176, 1752 года.

[3]) Тамъ же, 193, 1753 года.

[4]) Тамъ же, 334, 1757 года.

[5]) Тамъ же, 208; ср. 512.

[6]) Вѣроятно, сюда относится Lomonossovii scriptum de conventu publico habendo, quo dicitur (Lom.) se de inventis suis opticis et meteorologicis verba facturum (25-го апрѣля 1763 года, Матеріалы *Билярскаго*, 602).

(§§ 41, 47), таблица звѣздъ (§§ 11, 21), опыты химическіе (§§ 26, 28, 32, 48, 60, 61, 67, 70, 74, 113, 137, 143, 146, 147, 159, 168) и физическіе: о цвѣтѣ лучей (§§ 9, 24, 25, 46, 68, 71, 103, 118, 162, 163, 168), о Ньютоновой теоріи свѣта и цвѣтовъ (§§ 69, 73, 107), указанія на наблюденія надъ электричествомъ (§§ 86, 103) и маятникомъ (§§ 135, 159) и de pressione athmosphaerae in profundum telluris (§ 77); замѣтки микрологическія (§§ 85, 124), о laboratorium portatile (§ 75), navigation-cabotage (§ 134), о рисованіи машинъ съ помощію камеръ-обскуры (§§ 31, 147, 161), о Кіевской мусіи (§ 72), о горахъ на Венерѣ (§§ 40, 43), о поверхности луны (§ 59), о процѣживаніи воды (§§ 140, 141), о Рудицахъ (§ 36) и распредѣленіи урочныхъ работъ Колотошину, Кирюшкѣ, Игнату, Гришкѣ, Кузнецу и Андрею (§ 36). Тутъ можно видѣть также, на какіе предметы была обращена изобрѣтательность Ломоносова: морскіе часы (§§ 16, 39, 76, 83, 91, 117, 129, 131, 132, 133, 139), морской барометръ (§§ 110, 115, 127, 128, 130, 147, 159), манометръ (§ 107) и разные другіе инструменты, приспособленные къ нуждамъ мореплаванія (§§ 5, 52, 53, 65, 66, 82, 90, 95, 103, 108, 166); наконецъ, цѣлый рядъ собственно оптическихъ изобрѣтеній и усовершенствованій: улучшенное устройство Невтоніано-Григоріанскихъ катадіоптрическихъ трубъ, которыя въ этомъ новомъ видѣ имѣли называться tubus Nevtoniano-Gregoriano-Lomonossovianus (§ 103 (5) [1]); ср. §§ 1, 7, 8, 13, 14, 15, 18, 22, 26, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 45, 50, 54, 99, 100, 103 (1, 4, 14), 138, 147 (2, 7, 8, 9) 148, 164), зажигательныя стекла (§§ 6, 12, 103 (3), 147), микроскопы (§§ 2, 3, 4), macroscopium (§ 165), ночеглядъ, tubus nyctoscopicus (§§ 56, 87, 103, 147), bathoscopium (§ 103), holoscopium или cycloscopium (§ 103 (16), 165), polemoscopium или nyctoscopicum §§ 37, 103 (6), 147), tubus hemeroastroscopicus (§ 103 (12)) и photometricus (§§ 55. 58, 103 (8)), усовершенствованный квадрантъ (§§ 61, 103) и какой-то инструментъ подъ названіемъ: *virga nautica* (§ 120, 122), въ честь котораго и книга, для которой эти замѣтки должны были служить матеріаломъ, имѣла назваться „Жезлъ морской“, virga nautica.

„Жезлъ морской“ — пишетъ по этому поводу Ломоносовъ — „назвать книгу о долготѣ (§ 17)... книжка будетъ весьма невелика, въ 8°... Дедиковать морскимъ державамъ (§ 111). — При вступленіи къ новымъ обсерваціямъ написать, что̀ сдѣлали астрономы, и что̀ осталось сдѣлать. Aevum mundi. Скло-

[1]) Нумера во вторыхъ скобкахъ означаютъ отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ рукописи Ломоносова въ одномъ параграфѣ.

неніе эклиптики, и что̀ сдѣлала добра теорія въ практикѣ астрономической (§ 142) [1]). Книгу писать по латыни, а употребленіе инструмента и таблицъ на россійскомъ, латинскомъ, французскомъ, англійскомъ, испанскомъ, голландскомъ (§ 121). На нашемъ языкѣ напечатать и о плаваніи Сибирскимъ океаномъ, и о главныхъ мореплавателяхъ (§ 84). Въ книгѣ неотмѣнно надобны двѣ небесныхъ гемисферіи со звѣздами. Показанныя въ каталогѣ (звѣзды) означить серебромъ или золотомъ“ (§ 92).

Всматриваясь въ кругъ механическихъ изобрѣтеній и въ преобладающій характеръ научныхъ работъ Ломоносова въ послѣдній періодъ его жизни, нельзя не видѣть, что онъ съ особенною любовью вращался въ кругу изслѣдованій, имѣвшихъ цѣлію усовершенствованіе научныхъ пріемовъ и средствъ, необходимыхъ въ дѣлѣ *мореплаванія*. Уже въ 1754 году было задумано Ломоносовымъ какое-то разсужденіе „de methodo, cursum navis in mari exacte metiendi [2]), вѣроятно, то же, что̀ потомъ онъ называлъ разсужденіемъ „о лучшемъ и ученомъ мореплаваніи“ [3]), и что̀ наконецъ въ полной обработкѣ вышло въ 1759 году, подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о большей точности морскаго пути“ [4]). Ломоносовъ впрочемъ не остановился на этомъ: изобрѣтательный умъ его не переставалъ работать на этомъ полѣ; такъ, въ 1761 году въ протоколахъ Академіи Наукъ отмѣчено: „Lomonossovius exhibuit (неизвѣстную впрочемъ намъ) dissertationem, quae inscribitur: Methodus nova et certissima inveniendi et describendi lineam meridionalem“ [5]). Въ 1764 году тамъ же упоминается о какихъ-то meditationes de via navis certius determinanda, составляющихъ продолженіе изданнаго 1759 году разсужденія „о большей точности морскаго пути“ [6]); можетъ-быть, это и есть книга „Жезлъ морской“; но о ея содержаніи и даже существованіи намъ ничего болѣе неизвѣстно. Двѣ преимущественно цѣли имѣлъ Ломоносовъ въ виду при своихъ занятіяхъ морскимъ дѣломъ: 1) общую и 2) частную. Первая, которую онъ положительно высказалъ въ своемъ разсужденіи „о большей точности морскаго пути“, состояла въ томъ, чтобъ устранить бѣдствія мореплаванія, отъ неисправности его происходящія [7]). „Противъ толь великаго и страш-

---

[1]) Послѣднее, повидимому, то же самое, что̀ вошло въ сочиненіе «о слояхъ земныхъ», §§ 98, 164 — 167.

[3]) Матеріалы *Билярскаго*, 264.

[2]) Тамъ же, 314.

[4]) Соч., II, 189 и слѣд.

[5]) Матеріалы *Билярскаго*, 541 — 542.

[6]) Тамъ же, 790.

[7]) Соч., II, 190.

наго исполина, каковъ есть океанъ" — говоритъ Ломоносовъ — „всѣми подвигами и хитростями надлежитъ ополчаться [1])... Отъ единаго ученаго мореплаванія утѣшенія и помощи ожидать должно" [2]). Для этой цѣли Ломоносовъ предлагаетъ даже учрежденіе международной или всемірной мореплавательной академіи, которая состояла бъ изъ людей, „въ математикѣ, а особенно въ астрономіи, идрографіи и механикѣ искусныхъ", которые бъ „о томъ единственно старались, чтобы новыми полезными изобрѣтеніями безопасность мореплаванія умножить" [3]). Обязанность такой академіи должна состоять: 1) въ собраніи всего, что̀ писано о мореплаваніи, 2) въ установленіи общимъ совѣтомъ, что̀ и какъ впредь изслѣдовать должно, 3) въ ободреніи наградами знатныхъ мореплавательныхъ предпріятій, наконецъ 4) въ расположеніи путешествій ученыхъ мореплавателей [4]). Вторая частная цѣль, руководившая Ломоносова въ занятіяхъ мореплаваніемъ, была связана съ давнимъ его замысломъ, который онъ носилъ всю жизнь, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ, какъ „отецъ бралъ его еще ребенкомъ съ собою на рыбную ловлю въ Колу, въ Бѣлое и даже Сѣверное море, до 70°" [5]), до той весны 1765 года, когда изъ Колы же отплывалъ Чичаговъ „для поисковъ *сѣвернаго хода въ Остъ-Индію*". Мы знаемъ, что еще въ 1755 году Ломоносовъ написалъ, не дошедшее впрочемъ до насъ, „письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ океаномъ" [6]); можетъ-быть, это самое письмо и вошло потомъ (въ 1763 году) въ „Краткое описаніе разныхъ сѣверныхъ путешествій по Сѣвернымъ морямъ", гдѣ III-я глава именно озаглавливается: „о возможности мореплаванія Сибирскимъ океаномъ въ Остъ-Индію"; впрочемъ въ полной своей обработкѣ и въ цѣломъ эта глава, конечно, не могла явиться въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ: сюда вошли соображенія и изслѣдованія болѣе поздняго времени, напримѣръ, объ образованіи льдовъ на Сѣверномъ Океанѣ, и многое другое. Вообще, это геніальное сочиненіе еще ждетъ болѣе точной оцѣнки на основаніи сравненія его съ тѣми физическими и географическими пособіями, которыя Ломоносовъ могъ имѣть подъ рукою; но надобно сознаться, что оконча-

[1]) Тамъ же, 247.
[2]) Тамъ же, 225.
[3]) Тамъ же, 230.
[4]) Тамъ же, 231.
[5]) По словамъ Штелина, онъ самъ вспоминалъ объ этихъ поѣздкахъ. См. Сборникъ *Куника*, I, 390.
[6]) Матеріалы *Билярскаго*, 302.

тельное оправданіе или опроверженіе соображеній и предположеній Ломоносова еще кроется въ будущемъ.

Прежде чѣмъ заключимъ нашъ очеркъ ученой дѣятельности Ломоносова по естествовѣдѣнію, не можемъ не обратить вниманія на собственный взглядъ великаго ученаго на свои труды въ этой области; мы пользуемся для этого уцѣлѣвшею въ рукописи Академіи Наукъ [1]) собственноручною запискою Ломоносова, подъ заглавіемъ: „Conspectus potiorum theorematum, quibus scientiam naturalem locupletare allaboravit. D—nus M. Lomonossow“. По нашимъ соображеніямъ, этотъ конспектъ долженъ относиться къ іюлю 1764 года, и именно мы считаемъ его приложеніемъ къ письму Ломоносова къ И. И. Шувалову въ Парижъ, 11-го іюля 1764 [2]), съ просьбою рекомендовать его для избранія въ почетные члены Парижской академіи наукъ. Не знаемъ, посланъ ли былъ этотъ конспектъ по назначенію; чрезъ восемь мѣсяцевъ Ломоносовъ ужь умеръ, и избранія его въ члены Парижской академіи не послѣдовало. Но любопытно посмотрѣть, въ чемъ именно Ломоносовъ полагалъ свои ученыя заслуги? Въ девяти приведенныхъ здѣсь пунктахъ названы слѣдующіе труды съ отзывами, которые мы сообщаемъ въ переводѣ съ латинскаго, придерживаясь притомъ Ломоносовской терминологіи по части физическихъ наукъ.

„1) „De causa caloris et frigoris“, гдѣ доказывается, что сила и напряженіе теплоты зависитъ отъ болѣе или менѣе ускореннаго внутренняго коловратнаго движенія собственной тѣлъ матеріи, а холодъ происходитъ отъ болѣе медленнаго круговращенія частицъ. Это основаніе для объясненія явленій природы подверждено доводами à priori и à posteriori, и теперь можно имѣть ясную идею и геометрическое познаніе того, что составляетъ душу всѣхъ остальныхъ явленій; устранена смутная идея о какой-то скитающейся и бродячей, не подчиненной никакому закону, теплотворной матеріи.

„2) „Dissertatio de causa virtutis elasticæ in aëre“, гдѣ любители основательной натуральной науки найдутъ объясненіе этихъ явленій путемъ механическимъ, устраняя всякія предположенія о причинѣ упругости упругихъ частицъ; и всѣ отсюда выводы удивительно согласуются съ теоріей теплоты.

---

[1]) № 58, л. 457

[2]) Матеріалы *Билярскаго*, 643 — 644. Время написанія конспекта точно опредѣляется слѣдующими указаніями: Ломоносовъ называетъ себя consiliarius status (слѣдовательно, послѣ декабря 1763 года, когда онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники) и въ § 7 говоритъ, что со времени появленія «Разсужденія о большей точности морскаго пути» (май 1759 года) прошло «quinque et quod excurrit annos», слѣдовательно, послѣ мая 1764 года; наконецъ въ § 8 говорится «de barometro sigillato», съ чѣмъ должно сравнить упоминаніе въ Матеріалахъ *Билярскаго*, 643, относящихся къ 11-му іюня 1764 года. Слѣдовательно, конспектъ именно подходитъ къ іюлю 1764 года.

„3) „Solutionum theoria“, основанная на химическихъ опытахъ и началахъ физическихъ, представляющая первый примѣръ и образецъ для составленія истинной физической химіи, особенно потому, что объясненіе явленій основывается на твердыхъ механическихъ законахъ, а не на жалкомъ основаніи притяженія (misero attractionis subsidio) [1]).

„4) Физическимъ наукамъ не доставало ясныхъ основаній для объясненія явленій изъ царства ископаемыхъ (ex regno minerali). Всюду предполагали скрытыя свойства (qualitates occultæ), такъ какъ ученые металлурги не простирали своего знанія дальше практической химіи, пока славный (laudatus) профессоръ Ломоносовъ, кромѣ химіи, воруженный знаніемъ физики и геометріи, въ диссертаціи „de tincturis metallorum“ (*Nov. Comm.*, t. 2) и въ рѣчи „о происхожденіи металловъ отъ трясенія земли“ объяснилъ (минералогическія явленія), на сколько можно этимъ путемъ проникнуть въ подземные тайники природы.

„5) Въ рѣчи „о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ“, на основаніи открытаго, объясненнаго и доказаннаго нисхожденія верхней (холодной) атмосферы въ нижнюю, — найдено въ высшей степени удачное объясненіе внезапныхъ холодовъ, силъ громовыхъ, сѣверныхъ сіяній, украшенныхъ хвостами кометъ и т. д.

„6) Въ словѣ „о происхожденіи свѣта и цвѣтовъ“ разсмотрѣно, на сколько вѣрно и твердо поставлена теорія свѣта и цвѣтовъ несправенными Декартомъ и Маріоттомъ. Здѣсь же изложена новая частичная система и открыто неизвѣстное до сихъ поръ свойство элементарныхъ началъ, названное *совмѣщеніемъ* (congruentiæ nomine ornata), которая признается органомъ большей части дѣйствій природы, происходящихъ отъ малѣйшихъ частицъ; въ непродолжительномъ времени эта система будетъ доказана новыми доводами автора.

„7) Въ „разсужденіи о большей точности морскаго пути“ описанъ маятникъ (pendulus) и въ приложеніи приведенъ образчикъ наблюденій надъ его колебаніями. Безпрерывныя съ тѣхъ поръ, въ продолженіе болѣе чѣмъ пяти лѣтъ, наблюденія привели къ несомнѣнному открытію измѣненія центра тяжести, которыя найдены притомъ 1) періодическими, 2) замѣтно соотвѣтствующими лунному движенію и 3) представляющими періоды, всегда себѣ равные, независимо отъ времени года, отъ состоянія атмосферы, будетъ ли то *до* или *по* полудни, будетъ ли печка натоплена, или нѣтъ.

„8) Въ томъ же сочиненіи § (84?) описывается barometrum sigillatum, или если угодно, воздушный термометръ, amuntarianum (?).... Въ этомъ инструментѣ замѣчена та особенность, что высота ртути (хотя обыкновенное устьице трубки (apertura vasculi) совершенно герметически запаяно, и устранено всякое дѣйствіе измѣняющагося атмосфернаго давленія) по большей части соотвѣтствуетъ измѣненіямъ обыкновеннаго барометра, что очевиднѣйшимъ образомъ доказываетъ зависимость измѣненій высоты обыкновеннаго барометра не отъ одного различія атмосфернаго давленія. Это явленіе (съ barometro sigillato) не зависитъ отъ различія градусовъ теплоты, и слѣдовательно, отъ измѣненной силы упругости заключеннаго воздуха, потому что приложенный или совершенно соединенный термометръ показываетъ другое.

[1]) Сцѣпленія; ср. теорію Бошковича.

Всякій можетъ убѣдиться въ этомъ, герметически запаявъ открытое устьице барометра. Причина этого явленія имѣетъ необыкновенное значеніе для метеорологіи.

„9) Несомнѣнно доказавъ колебаніями маятника измѣненіе центра падающихъ тѣлъ, авторъ по необходимости заключилъ, что сама тяжесть тѣлъ тоже не постоянна. Для изслѣдованія этого, авторъ устроилъ машинку, придѣланную къ упругой винтообразной пружинкѣ, употребительной въ большихъ часахъ, которая, будучи свободна отъ трепія, чувствуетъ и ясно показываетъ на табличкѣ (scala) прибавленія $^1/_{11}$ тяжести, если привязано 26 унцій (machina, quae omni frictione remota $^1/_{11}$ gravi accessum, annexata 26 unciis sentit et distincte in scala monstrat“.

„Конспектъ“ на этомъ обрывается, но онъ, очевидно, не оконченъ, потому что въ § 5 сказано: «rationes aurorae borealis, de quo infra»,— а ниже ничего объ этомъ нѣтъ. Мы видимъ, что Ломоносовъ придавалъ особенное значеніе своимъ физическимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ и въ этомъ полагалъ свое право на званіе европейскаго ученаго. Онъ ничего не сказалъ о своихъ механическихъ изобрѣтеніяхъ, ничего о мозаическихъ, и вообще очень мало о химическихъ работахъ; можетъ-быть, о нихъ была рѣчь впереди, но возможно и то, что онъ не придавалъ имъ большаго научнаго значенія. Какъ бы то ни было, но мы согласны съ мнѣніемъ Ломоносова, что дѣйствительный центръ его ученой дѣятельности—та молекулярная теорія, которую онъ положилъ въ основаніе своихъ физическихъ и химическихъ сочиненій о теплотѣ, свѣтѣ, электричествѣ, и которая должна была округлиться въ полную систему натуральной философіи.

Заключая наше обозрѣніе ученой дѣятельности Ломоносова по естествовѣдѣнію, мы не можемъ вѣрнѣе опредѣлить его характеръ и заслуги въ этой области, какъ приведя слѣдующія слова Гумбольдта объ Араго: „Всегда онъ стремился къ одной цѣли—обобщать воззрѣнія, связывать явленія, долго казавшіяся одинокими, проникать мыслью въ самыя недоступныя области натуральной философіи. Онъ любилъ указывать единство причинъ въ явленіяхъ, съ виду столь различныхъ. Расширяя предѣлы научныхъ знаній, онъ обладалъ въ то же время удивительнымъ искусствомъ распространять добытыя знанія“ [1]).

Какъ жизненна и плодотворна была для Россіи дѣятельность Ломоносова въ этой области, какъ силенъ былъ данный имъ толчекъ, обратившій русскую любознательность на изученіе естественныхъ наукъ, можно видѣть изъ того, что въ XVIII вѣкѣ по слѣдамъ Ломоносова пошелъ цѣлый рядъ очень замѣчательныхъ русскихъ естествоиспытате-

[1]) Oeuvres completes d'Arago; t. I: Introduction per *A. Humboldt.*

лей. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ по отдѣлу историческихъ наукъ тянулась цѣпь нѣмецкихъ ученыхъ — Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Лербергъ, Кругъ, Кёлеръ, Френъ и т. д., — въ области физическихъ наукъ мы встрѣчаемъ много русскихъ именъ, нерѣдко получившихъ европейскую извѣстность: 1) по астрономіи, рядомъ съ Делилемъ, Гейнзіусомъ, Лекселемъ, Ганри и Шубертомъ, — Румовскій, Иноходцевъ, Вишневскій, Тархановъ; 2) по физикѣ и химіи — Петровъ, Захаровъ; 3) по натуральной исторіи — не менѣе Палласа и Гильденштедта славные Лепехинъ и Озерецковскій, далѣе Севастьяновъ, Зуевъ, Редовскій; 4) по минералогіи — Севергинъ; 5) по ботаникѣ — тотъ же Лепехинъ и Смѣловскій; 6) по анатоміи — Загорскій [1]).

Еще понынѣ забытыми покоются въ библіотекѣ Академіи Наукъ цѣлые томы неизвѣстнаго въ печати матеріала въ собственноручныхъ рукописяхъ Ломоносова. И нельзя не пожалѣть, что этотъ матеріалъ до сихъ поръ не привлекъ къ себѣ вниманія ни одного изъ нашихъ естествоиспытателей. Довольно еще распространено у насъ убѣжденіе, что безплодно ворочать подобный устарѣлый матеріалъ, что въ наукахъ положительныхъ можетъ останавливать на себѣ ученаго развѣ новый фактъ или новѣйшая теорія, построенная, какъ выводъ изъ всѣхъ предыдущихъ, послѣ чего послѣднія можно предать совершенному забвенію. Но намъ всегда думалось, что наука, изученная въ своемъ statu quo, въ „послѣднемъ ея словѣ“, есть фактъ слишкомъ отрывочный, непонятный, какъ отдѣльная фраза прерваннаго разговора, въ которомъ мы, какъ случайные свидѣтели, а не дѣйствительные участники, можемъ играть только роль страдательную. *Послѣднее слово науки*, ни съ чѣмъ не связанное въ прошломъ и никуда не тяготѣющее въ будущемъ, виситъ въ безвоздушномъ пространствѣ, какъ земля по понятіямъ, господствовавшимъ до Коперника и Ньютона. Будучи знакомы только съ современнымъ состояніемъ науки, а не съ ея исторіей, мы можемъ знать, пожалуй, научные факты, но не будемъ знать ихъ корней, обстановки, на которой они сложились, ихъ историческаго значенія, мы будемъ знать алгебраическія формулы, но не сумѣемъ составить изъ данныхъ условій уравненіе, чтобы найдти неизвѣстную величину. Безъ знанія исторіи науки, участвовать въ дальнѣйшихъ успѣхахъ ея — невозможно. *Научный методъ* — Архимедовъ рычагъ, а *исторія науки* — точка опоры для него. Древность искала этой опоры, но не нашла ея; новая наука искала и обрѣла. Но это только одна

[1]) См. Собраніе актовъ торжествен. засѣданія Имп. Ак. Наукъ, бывшаго по случаю празднованія 100-лѣтняго ея существованія, 29 декабря 1826 г. Спб. 1827.

сторона предмета. Точно ли послѣднее слово науки есть полное собраніе въ одинъ фокусъ всѣхъ данныхъ, выработанныхъ предыдущимъ ея развитіемъ? Не есть ли это скорѣе *выборъ* по требованію господствующей системы и согласно пониманію, часто условному и произвольному, ходячей теоріи? Не кроется ли тамъ данныхъ для множества другихъ системъ, потому что истины полныя и абсолютныя нечасто и нелегко даются человѣку? Не найдется ли въ этой послѣди пшеничныхъ зеренъ лучшаго свойства, которыя, будучи заботливо подобраны и посѣяны, дадутъ тяжелый колосъ? Мысль геніальнаго человѣка найдетъ воспріимчивую и производительную почву, и то, что̀ прежде считалось праздною утопіей, при новыхъ средствахъ науки можетъ оказаться приложимымъ и исполнимымъ.

Что касается Ломоносова, то помимо строго-научныхъ интересовъ, мы стоимъ къ нему въ нѣкоторыхъ нравственныхъ обязательствахъ. Въ немъ наша школа естествоиспытателей имѣла своего главу и учителя: ближайшее ознакомленіе съ нимъ должно имѣть то же возбуждающее, освѣжающее и отрезвляющее вліяніе на настоящее поколѣніе, какое его дѣятельность обнаружила на поколѣнія, непосредственно за нимъ слѣдовавшія.

II.

О филологическихъ трудахъ Ломоносова.

«Прѣжде оубѡ Словѣне не имѣхꙋ книгъ... Словенскы рѣчь безь оустроенна [бѣ]... Члколюбецъ Бгъ... всѧ къ разоумоу приводѧ..., помиловавь родъ члчь, посла̀ имь Кѡстанти́на фило́софа... и сътвори и́мъ писмена».

Этотъ отзывъ черноризца Храбра объ отцѣ славянской письменности въ полномъ почти объемѣ можетъ быть приложенъ къ Ломоносову. Въ то время, когда Ломоносовъ выступилъ на поприще учено-литературной дѣятельности, старославянскій языкъ употреблявшійся на Руси, какъ книжный, и почти въ чистомъ видѣ сохранившійся въ Остромировомъ Евангеліи, давно уже пошатнулся въ своемъ древнемъ строѣ и помутился въ составѣ притокомъ новыхъ элементовъ изъ славянскихъ нарѣчій, преимущественно же изъ русскаго народнаго языка: языкъ Острожской Библіи XVI вѣка стоитъ въ такомъ же отношеніи къ языку Остромирова кодекса XI вѣка, въ какомъ языкъ Пушкина находится къ языку Ломоносова. Параллельно съ языкомъ церковныхъ книгъ, по-

ученій, Патерика и Номоканоновъ, мы находимъ въ другихъ памятникахъ русской письменности — Русской Правдѣ и Словѣ о плъку Игоревѣ, въ судныхъ грамотахъ и Уложеніи, въ повѣсти о Горе-Злосчастіи и пѣсняхъ Джемсова сборника, въ сказкѣ объ Ершѣ Ершовичѣ и сборникѣ былинъ Кирши Данилова, — языкъ издревле отличный отъ языка церковной каѳедры, языкъ живой и текучій, измѣнчивый и вѣтвящійся, въ совершенной противоположности къ большей неподвижности и консерватизму языка книжнаго. Безустанно шла борьба между двумя стихіями русской духовной жизни: народные говоры постоянно пробивали себѣ путь въ книжно-церковную рѣчь; но она все еще сохраняла свой старый строй. Уже Посошковъ посягнулъ на права стараго книжнаго языка, сочиняя свои политико-экономическіе трактаты на языкѣ простонародномъ; а царственный его современникъ, ломая старую Русь, занесъ руку и на языкъ старины. Но организаторскій умъ и творческая рука Петра не въ силахъ были вывести новое зданіе изъ обломковъ стараго. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить себѣ языкъ, болѣе уродливый по смѣшенію формъ, по варваризмамъ или архаизмамъ, по отсутствію правилъ и вкуса въ выраженіи и расположеніи мыслей, чѣмъ тотъ, какимъ писаны регламенты, указы, трактаты и книги Петровскаго и Анненскаго временъ. Ломоносову привелось быть, хотя уже младшимъ, современникомъ этого, порожденнаго Петровскою реформою, переворота въ русскомъ литературномъ языкѣ, и онъ явился устроителемъ новыхъ отношеній и руководителемъ, почти полновластнымъ, совершавшагося явленія. Мы постараемся опредѣлить, на сколько сознательнымъ дѣятелемъ былъ Ломоносовъ въ этомъ случаѣ, и много ли положилъ онъ труда на выведеніе новаго зданія изъ развалинъ стараго; на сколько онъ былъ увлеченъ общимъ теченіемъ, и на сколько былъ справедливъ къ устраненному имъ старому книжному языку; въ какой степени, и въ какомъ смыслѣ Ломоносовъ заслуживаетъ названія филолога, и наконецъ, въ какомъ видѣ долженъ представляться намъ его трудъ, съ одной стороны, по соображенію средствъ и условій его времени, а съ другой — на разстояніи столѣтія, съ точки зрѣнія современныхъ филолого-лингвистическихъ началъ.

Уже во второй половинѣ XVII вѣка была сознана въ Московской Руси польза „грамматическаго ученія“. Грамматика Мелетія Смотрицкаго, изданная въ первый разъ въ 1619 году въ Эвю, близъ Вильны, была перепечатана въ 1648 году въ Москвѣ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, съ предисловіемъ о пользѣ грамматики. Въ исходѣ того же столѣтія извѣстный Юрій Крижаничъ писалъ:

„Языкъ нашь словенскій отъ иныхъ языковъ прехудо есть оскверненъ, смятенъ, извраченъ и мало не весь до конца изгубленъ. Зарадъ того всегда есмь охоту къ тому носилъ, дабы како языкъ истяжанъ, и ко коей совершености приведенъ быть могелъ. Да бысмо имали добру грамматику и лексиконъ; и по томъ да бысмо могли правильно писать и говорить: и да бысмо имали обиліе рѣчей“.... [1]).

Въ началѣ XVIII вѣка другой славный русскій писатель Посошковъ снова высказывалъ мнѣніе о пользѣ и необходимости русской грамматики. Разсуждая о мѣрахъ для распространенія образованія въ духовенствѣ, онъ говорилъ:

„Его императорскому величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ, чтобы принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобрать, чтобы всякія скрытности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе падежи и склоненія, и тако исправя оную, напечатать бы ихъ тысячъ пять-шесть или и десятокъ“ [2]).

Наконецъ, въ 1735 году, при С.-Петербургской Академіи Наукъ учреждено было Россійское собраніе, имѣвшее цѣлію радѣть *о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ*. Собраніе имѣло въ виду не только *чистый переводъ степенныхъ старыхъ и новыхъ авторовъ*, но и *грамматику добрую и исправную, согласную мудрыхъ употребленію*, и *дикціонарій полный и довольный*, наконецъ, *риторику и стихотворную науку* [3]).

Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ становится понятнымъ, почему Ломоносовъ, сознавъ въ себѣ призваніе и долгъ „показать Россіянамъ хотя нѣкоторый примѣръ ко всѣмъ ему знаемымъ наукамъ“, прежде всего началъ со словесныхъ наукъ. Къ 1739 году относится его „письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“; между 1743 и 1746 годами онъ составилъ „Риторику“, а нѣсколько позднѣе, въ 1751—1752 годахъ, прибавилъ къ ней „Ораторію“ и началъ книги „о стихотворствѣ вообще“ [4]). Кромѣ того, еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Ломоносовъ началъ собирать матеріалы для „русской грамматики“, которую первоначально онъ задумалъ въ очень обширныхъ размѣрахъ, и къ которой долженъ былъ примкнуть цѣлый рядъ „фи-

---

[1]) Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка, ч. II, 2.

[2]) Соч. Посошкова, I, 11.

[3]) Рѣчь Тредіаковскаго при открытіи Россійскаго собранія. Сборникъ *Кушика*, I, 10; ср. тамъ же, стр. XXXV—VI.

[4]) Три послѣднія сочиненія должны были составлять вмѣстѣ «Краткое руководство къ краснорѣчію».

лологическихъ изслѣдованій“, какъ это видно изъ сохранившагося плана ихъ [1]). „Ораторія“ и книга „о стихотворствѣ“ не сохранились; „филологическія изслѣдованія“, вѣроятно, не были и написаны; но размѣры, характеръ, а отчасти и судьбу послѣднихъ мы можемъ до нѣкоторой степени опредѣлить, руководствуясь черновыми матеріалами для „Грамматики“ Ломоносова, хранящимися въ собственноручномъ его рукописномъ сборникѣ въ русскомъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, подъ № 112.

Начинаемъ наше обозрѣніе съ „Грамматики“ и соприкосновенныхъ съ нею филологическихъ изслѣдованій Ломоносова, и потомъ разсмотримъ его „Риторику“ и „письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“.

Въ вышеупомянутой рукописи Ломоносова находятся слѣдующія замѣтки о предположеніяхъ его относительно грамматическихъ трудовъ:

„Хотя меня другія мои дѣла воспящаютъ отъ словесныхъ наукъ, однако видя, что никто не принимается, а многіе того...; (я самъ) не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать.... Убавить у другихъ трудовъ и показать возможность, и чтобъ то не потерялось, что я собралъ, и о томъ думалъ [2]).

„Ни на единомъ языкѣ совершенной грамматики никто не сдѣлалъ [3]).“

„Сію грамматику не выдаю я за полную, но только за опытъ: ибо еще никакой нѣтъ кромѣ „Словенской“ [4]) и маленькой въ „Лексиконѣ“ [5]), весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ неисправной“ [6]).

Таковы были основныя побужденія, руководившія Ломоносовымъ; а вотъ и тѣ предметы, которые должны были войдти въ кругъ его грамматическихъ работъ [7]). Въ самомъ началѣ „Грамматики“, вѣроятно въ предисловіи, Ломоносовъ, предполагалъ сказать нѣсколько словъ о пользѣ русской грамматики какъ для Русскихъ, такъ и для иностранцевъ и сообщить „для извѣстія учащимся Россіанамъ, что

---

[1]) Соч., I, 789.

[2]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 105.

[3]) Тамъ же, л. 83.

[4]) То-есть, Мелетія Смотрицкаго.

[5]) Ломоносовъ разумѣетъ здѣсь изданный Академіей Наукъ *Weisman's* Teutsch-Lateinisches und Russisches Lexicon (S.-Petersburg, 1731), при которомъ помѣщена краткая русская грамматика на нѣмецкомъ языкѣ, составленная студентомъ Адодуровымъ.

[6]) Рукопись Ак. Н., л. 105.

[7]) Располагаемъ это обозрѣніе, извлеченное изъ рукописи Ак. Н., № 112, согласно тому плану грамматики, который лишь неполнѣ осуществленъ въ грамматическомъ учебникѣ Ломоносова, изданномъ въ 1755 году.

хотя они знаютъ (языкъ) и безъ грамматики, однако главное понятіе и правописаніе“ (нужно изучить); „слѣдовательно“ — заключаетъ Ломоносовъ — „и они свою пользу имѣть могутъ, потому что хоть природное знаніе языка много можетъ, однако грамматика показываетъ путь доброй натурѣ“. Относительно же пользы своей „Грамматики“ для иностранцевъ Ломоносовъ замѣчаетъ: „Для иностранныхъ переведетъ, кто хочетъ, въ чемъ я спомогать не отрекусь и произшедшія погрѣшности исправить, недостатки пополнить и излишества откинуть“ [1]).

Затѣмъ должно было слѣдовать „вступленіе о грамматикѣ вообще“ [2]), и въ немъ предполагалось „смотрѣть, чтобы всѣ термины россійской грамматики были истолкованы“ [3]). Во вступленіи же предполагалось говорить о томъ, „какъ древніе народы изображали гіероглификами, Китайцы, послѣ Халден, Евреи и пр.“ [4]), о раздѣленіи письменъ [5]), о безгласныхъ, о двугласныхъ, „которыя раздѣлить на подлинныя и мнимыя“ или „перемѣнныя“ и о согласныхъ; тутъ же слѣдовало помѣстить „distributio literarum in palatinas, linguales, gutturales et per organa“ [6]).

Самая грамматика должна была начаться ученіемъ „о грамотѣ россійской“ [7]), или объ азбукѣ, то-есть, „о старой словенской азбукѣ и о происхожденіи письменъ“ и „о новой азбукѣ россійской и о раздѣленіи письменъ“ [8]). Далѣе должны были слѣдовать замѣчанія „о чтеніи и произношеніи“ [9]), „о произношеніи письменъ россійскихъ въ простыхъ разговорахъ и о произношеніи письменъ въ штилѣ“ [10]), „о произношеніи новыхъ гражданскихъ словъ каждаго особливо или въ нѣкоторыхъ сложеніяхъ“ [11]), „о нѣкоторыхъ особливыхъ произношеніяхъ, особливо для иностранныхъ“ [12]). При этомъ слѣдовало сказать, что „не во всякомъ языкѣ то же произношеніе: о коренныхъ жите-

---

[1]) Рукопись Ак. Н., лл. 10, 105 и 83.
[2]) Тамъ же, л. 11.
[3]) Тамъ же, л. 25.
[4]) Тамъ же, л. 105.
[5]) Тамъ же, лл. 82 и 5.
[6]) Тамъ же, лл. 25, 5, 82 и 105.
[7]) Тамъ же, лл. 7, 8, 11 и 115.
[8]) Тамъ же, лл. 82, 5 и 105.
[9]) Тамъ же, л. 5.
[10]) Тамъ же, л. 105.
[11]) Тамъ же, л. 8.
[12]) Тамъ же, л. 82.

ляхъ въ Колѣ“ (то-есть, вѣроятно, объ особенностяхъ ихъ выговора)[1]). Затѣмъ должны были слѣдовать замѣчанія „о складахъ и рѣченіяхъ“ [2]). Переходомъ къ правиламъ правописанія должны были служить указанія насчетъ препинаній строчныхъ и знаковъ подстрочныхъ сокращеній и титлъ и „наблюденія надъ удареніями и силою словъ, поставленными 1) надъ простыми первообразными, 2) надъ производными, 3) надъ сложными, 4) надъ производносложными, 5) по склоненіямъ и 6) по спряженіямъ“ [3]). Далѣе предполагалось говорить о правописаніи, для котораго „взять правила изъ русскихъ книгъ“; сказать „о скорописныхъ буквахъ и показать разныя ихъ фигуры“ [4]); указать „труднѣйшія погрѣшности въ *ѣ* и *о*, когда оно за *а* произносится“, внушить, „что *онъ* отъ *аза* неотмѣнно отличать надобно, какъ *ѣ* отъ *е*“, что для этой цѣли нужно „читать славянскія книги и по нимъ грамотѣ учиться“, и пр. [5]).

Въ ученіи о частяхъ слова предполагалось замѣтить, что „ἄρθρον въ нѣкоторыхъ греческихъ грамматикахъ почитается за девятую часть слова“; сказать объ имени, его родахъ, числахъ, падежахъ и склоненіяхъ, о степеняхъ сравненія, объ именахъ производныхъ и отечественныхъ, о женскихъ, отъ мужскихъ происходящихъ, объ увеличительныхъ и умалительныхъ и о числительныхъ [6]). За именами должны были слѣдовать глаголы [7]). Мѣстоименія предполагалось соединить съ именами, а причастія съ глаголами [8]). Въ концѣ этого отдѣла должно было сказать „о несклоняемыхъ частяхъ слова“, о нарѣчіяхъ и предлогахъ [9]). Главу „о сочиненіи словъ“ предполагалось раздѣлить на три части: „1) о сочиненіи имени и мѣстоименія, 2) о сочиненіи глагола и причастія и 3) о сочиненіи несклоняемыхъ частей слова“ [10]). Наконецъ, въ концѣ грамматики Ломоносовъ намѣревался „прописи положить“ и „приложить цыфири“ [11]).

Прежде, однако, чѣмъ говорить о томъ, какъ былъ исполненъ

---

[1]) Тамъ же, л. 105.
[2]) Тамъ же, лл. 105—106, 82 и 5.
[3]) Тамъ же, лл. 105, 82, 7, 11 и 115.
[4]) Тамъ же, лл. 7, 11, 105 — 108.
[5]) Тамъ же, л. 105.
[6]) Тамъ же, лл. 5, 113 и 8.
[7]) Тамъ же, л. 7.
[8]) Тамъ же, лл. 7 и 11.
[9]) Тамъ же, лл. 7, 11 и 115.
[10]) Тамъ же, л. 11.
[11]) Тамъ же, л. 105.

этотъ планъ, и какія Ломоносовъ хотѣлъ сдѣлать „присовокупленія“ къ грамматикѣ, мы должны представить нѣсколько замѣчаній о тѣхъ грамматическихъ сочиненіяхъ, которыми Ломоносовъ могъ пользоваться, какъ пособіями, при выполненіи своего труда, и которыя вообще предшествовали его труду въ развитіи русской грамматической науки.

„До Ломоносова“—говоритъ митрополитъ Евгеній—„были въ Россіи только славянскія грамматики Зизанія, Смотрицкаго и Максимова, изъ коихъ нельзя было извлечь правилъ для русскаго языка, имѣвшаго многія отличія и во время Ломоносова получившаго уже столько различныхъ оборотовъ выраженія и слога, что каждый по произволу выдумывалъ и употреблялъ ихъ. Между писателями завелись споры о правописаніи и грамматической аналогіи, такъ что трудно было всѣмъ угодить правилами. Сумароковъ болѣе прочихъ оспаривалъ „Грамматику“ Ломоносова и въ нѣкоторыхъ правилахъ успѣлъ склонить на свою сторону соотчичей. Но большая часть правилъ Ломоносова остались въ нашей грамматикѣ“ [1])

Въ этихъ словахъ Евгеній не упоминаетъ о вышеуказанной русской грамматикѣ Адодурова, которою Ломоносовъ несомнѣнно пользовался, что̀ видно какъ изъ приведенныхъ уже выше словъ самого Ломоносова, такъ и изъ сравненія его труда съ трудомъ Адодурова. Но главною подкладкой и у Ломоносова, и у Адодурова была все-таки грамматика Смотрицкаго, а потому и намъ необходимо къ ней обратиться. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Ломоносовъ въ двухъ мѣстахъ своей грамматики (§§ 58 и 73) упоминаетъ о „Словенской грамматикѣ“ Смотрицкаго,—въ первомъ случаѣ, когда измѣняетъ названіе сказательнаго падежа въ предложный, и во второмъ, когда говоритъ: „Въ «Словенскую грамматику» сочинитель многія ввелъ неисправности, послѣдуя греческому и латинскому свойству“. Кромѣ того, какъ указано выше, Смотрицкій и Адодуровъ упоминаются вмѣстѣ въ писанной Ломоносовымъ рукописи академической библіотеки, № 112.

Въ предисловіи къ грамматикѣ Смотрицкаго, по изданію 1721 года [2]), читаемъ: Мелетій Смотрицкій „грамматику славенскую сочини, избравъ изъ греческія и латинскія приличная ко преводу обоихъ діалектовъ правила, и своя многая приложивъ славенская, издаде на свѣтъ“. И дѣйствительно, Смотрицкій иногда рабски придерживался своего прототипа, „Греческой грамматики“ Ласкариса, въ расположеніи, терминахъ (парадигма, гетероклита и т. д.) и даже правилахъ, такъ, что даже основаніемъ стихотворнаго размѣра принимается у него долгота, и гласныя раздѣляются на *долгая* (и, ѣ, ѡ), *краткая* (ε, ο) и *дво-*

[1]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, II, 23.

[2]) Предисловіе, листъ 4. Всѣ нижеслѣдующія ссылки сдѣланы на это изданіе, вышедшее въ свѣтъ подъ надзоромъ Ѳ. Поликарпова.

временная (ѧ, ї, ѵ), „поелику намъ и греческаго раздѣленія силу, и славенскихъ... письменъ ко греческимъ пріискренность вѣдѣти, искусныхъ мужей... вѣзствомъ дадеся“ [1]). Въ славянскомъ языкѣ Смотрицкій видитъ почти что діалектъ греческаго языка и нерѣдко ссылается на правила послѣдняго [2]). Онъ не затрудняется даже выдумывать цѣлыя формы для аналогіи съ классическими языками, напримѣръ, *причастодѣтіе* = verbum participiale in *dum:* scribendum = γράπτεον = писательно; legendum = λέκτεον = читательно [3]); „искусна есть учителя, въ поученіи кратку быти“ [4]), и т. д. Изыскивая аналогію славянскаго языка съ классическими, Смотрицкій вздумалъ вставить славянскій глаголъ въ готовую схему греческой грамматики и нашелъ въ славянскомъ языкѣ и *plusquamperfectum* (мимошедшее), и *аористъ* (непредѣльное), и греческія наклоненія (изъявительное, сослагательное, подчинительное, молительное) и т. д. Подобныя ошибки Смотрицкаго объясняются лишь тѣмъ, что трудъ его былъ почти первый въ своемъ родѣ; тѣмъ необходимѣе принять во вниманіе слѣдующее оправданіе автора:

„О составленіи обоего спряженія временъ, въ настоящемъ ничтоже: многу на се поискованію, за славенска лексикона лишеніе, прежде сего изыскуему [5])... Но силѣ обаче нашего поискованія сухою стопою и намъ толико нуждну вещь прейти не достояше, увѣщеннымъ искуснѣйшихъ потщанію въ малѣ совершенно сію предложити хотящу“ [6]).

И тѣмъ легче можно въ данномъ случаѣ извинить Смотрицкаго, что и у Ломоносова, въ ученіи о глаголахъ, не мало сбивчивости и запутанности. Рядомъ съ этими недостатками можно указать у Смотрицкаго не мало и вѣрныхъ замѣчаній, и такъ-сказать, предчувствій. Онъ очень обстоятельно разсмотрѣлъ греческій ἄρθρον и нашелъ, что не зачѣмъ называть его особою частью рѣчи, когда онъ — то же, что̀ мѣстоименіе [7]). Онъ предчувствовалъ глагольные виды: 1) первообразный и совершенный: *чту, стою;* 2) производный — а) начинательный: *каменѣю,* б) учащательный: *читаю* [8]), хотя и не далъ дальнѣйшаго развитія этой плодотворной догадкѣ. Смотрицкій узналъ въ славянскомъ языкѣ супинъ, или по опредѣленію Востокова, достигательное

[1]) Тамъ же, л. 2, на оборотѣ.
[2]) Напримѣръ, тамъ же, л. 200 на оборотѣ, 206 и проч.
[3]) Тамъ же, л. 136, на оборотѣ.
[4]) Тамъ же, л. 225.
[5]) Тамъ же, л. 137.
[6]) Тамъ же, л. 169.
[7]) Тамъ же, лл. 206 — 208.
[8]) Тамъ же, л. 110 на оборотѣ.

наклоненіе [1]). Дѣепричастіе на *щи* Смотрицкій правильно считалъ причастіемъ женскаго рода [2]). Синтаксисъ изложенъ у Смотрицкаго сравнительно полнѣе, чѣмъ у Ломоносова. Наконецъ, Смотрицкому же принадлежитъ наша грамматическая терминологія, только въ незначительной степени измѣненная Ломоносовымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ уцѣлѣвшая, даже не смотря на преобразовательныя попытки послѣдняго; такъ, мы говоримъ *буквы* (по Смотрицкому), а не *письмена* (по Ломоносову), *слогъ*, а не *складъ*, *междометіе*, а не *междумстіе* и т. д. Наконецъ, мы сейчасъ увидимъ, что грамматика Смотрицкаго легла въ основаніе Ломоносовской; мы знаемъ, что ея авторитетъ продержался до самого Востокова, и еще Добровскій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подчинялся авторитету Смотрицкаго. Но всѣ эти достоинства не могутъ служить оправданіемъ чисто внѣшней и потому мертвенной формалистикѣ Смотрицкаго въ опредѣленіяхъ и раздѣленіяхъ и еще болѣе оправданіемъ его схоластической пространности въ изъясненіяхъ и крайней темнотѣ въ изложеніи. Поэтому-то, вѣроятно, Посошковъ и обращалъ къ грамматикѣ Смотрицкаго (перепечатанной Поликарповымъ) упрекъ въ непонятности. „На печатномъ дворѣ“ — говоритъ онъ — „командиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орѳографіи не можно растолковати и научитися, чтобы по ней правописаніе разумѣть“ [3]).

Что касается грамматики Адодурова, то она составлена довольно обстоятельно, но есть не болѣе, какъ извлеченіе изъ Смотрицкаго, съ переложеніемъ лишь формъ церковно-славянскаго языка на русскій; несамостоятельный характеръ ея прямо указанъ и составителемъ [4]). Въ ней довольно полно изложены склоненія, въ нѣкоторыхъ частяхъ даже подробнѣе, чѣмъ у Ломоносова (напримѣръ, склоненіе иностранныхъ словъ, и проч.); но за то глаголы изложены очень кратко и неполно; видно, что въ этомъ случаѣ составитель не удовлетворился системою Смотрицкаго, но своей не придумалъ, и потому счелъ болѣе благоразумнымъ вовсе обойдти представившіяся ему частности и затрудненія.

Обращаясь теперь къ Ломоносову, мы прежде всего укажемъ на черты сходства и различія его труда съ его пособіями какъ въ общемъ методѣ и пріемахъ, такъ и въ частныхъ опредѣленіяхъ и правилахъ. Расположеніе грамматикъ Ломоносова и Смотрицкаго (если исключить „первое наставленіе“ Ломоносова) одинаково; но въ отдѣльныхъ слу-

[1]) Тамъ же, л. 222.
[2]) Тамъ же, л. 106.
[3]) Соч., I, 11.
[4]) *Weisman's* Lexicon, 11.

чаяхъ заимствованія изъ Смотрицкаго являются у Ломоносова совершенно въ другомъ порядкѣ и едва узнаются въ новой обстановкѣ, что̀ даетъ поводъ предполагать, что и въ этомъ случаѣ Ломоносовъ прибѣгнулъ къ обычному своему пріему отдѣльныхъ выписокъ, и размѣщая ихъ, уже не стѣснялся прежнимъ ихъ расположеніемъ и группировкою. Многія частныя правила представляютъ нерѣдко буквальное повтореніе того, что̀ сказалъ Смотрицкій [1]). Иногда въ этомъ подражаніи Смотрицкому Ломоносовъ даже противорѣчитъ самъ себѣ; такъ, напримѣръ, въ § 432 онъ назначаетъ для мѣстоименій пять родовъ, но потомъ не указываетъ ни одного примѣра для „всякаго“ рода. Въ рукописи Академіи Наукъ, № 112, есть черновая глава о мѣстоименіи, нарѣчіи, предлогѣ и союзѣ, представляющая почти буквальную выписку изъ Смотрицкаго; но потомъ почему-то она была отвергнута Ломоносовымъ и не вошла въ грамматику. Можетъ-быть, онъ самъ не желалъ давать поводъ къ упрекамъ въ заимствованіяхъ, такъ что даже въ сходныхъ правилахъ какъ-будто намѣренно перемѣняетъ примѣры безъ особенной на то нужды [2]). Не этимъ ли отчасти руководился онъ, и измѣняя установленную Смотрицкимъ терминологію? Но за всѣмъ тѣмъ, между Ломоносовымъ и Смотрицкимъ остается огромное различіе не только въ выборѣ грамматическаго матеріала, но и въ способѣ имъ пользоваться, обработытать и систематизировать.

Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Шлецера, что „Ломоносовъ былъ чистый натуралистъ въ исторіи и языкѣ“. Но Шлецеръ говоритъ это въ видѣ упрека, прибавляя, что „Ломоносовъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что эти науки должны и могутъ быть изучаемы точно такъ, какъ всѣ другія [3]). Послѣднее мы разсмотримъ ниже; а первое, если оно справедливо, можетъ дѣлать только честь филологу XVIII вѣка, приложившему къ разработкѣ фактовъ языка методъ естественныхъ наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ филологическихъ рабо-

[1]) Ср. для примѣра § 539 Ломоносова съ л. 202 Смотрицкаго, § 545 съ л. 209, § 546 съ л. 227, § 547 съ л. 227, § 473 съ л. 197. Какъ у Ломоносова, такъ и у Смотрицкаго, и у сократившаго его Адодурова, находимъ пять склоненій; но они не совсѣмъ тождественны другъ съ другомъ: первое склоненіе Ломоносова соотвѣтствуетъ первому Смотрицкаго и Адодурова, второе Ломоносова — второму и четвертому Смотрицкаго и Адодурова, третье — второму, четвертое — третьему, пятое — пятому. У всѣхъ же троихъ одинаковое раздѣленіе спряженій на два порядка, смотря по окончанію 2-го лица настоящаго времени на *ешь* и *ишь* (Адодуровъ опредѣляетъ по окончанію неопредѣленнаго наклоненія на *ть* и *ить*).

[2]) Ср. §§ 290, 368, 587 и проч.

[3]) *Schlözer's* Oeffentl. und Privat-Leben, 253.

тахъ Ломоносовъ идетъ путемъ строго аналитическимъ, собирая, по возможности, всѣ факты, распредѣляя ихъ на группы и затѣмъ уже подводя заключительный выводъ, въ видѣ общаго итога фактовъ. Въ черновыхъ матеріалахъ для „Грамматики“ встрѣчаются цѣлые списки словъ: именъ — для опредѣленія родовъ по окончаніямъ и распредѣленія ихъ по склоненіямъ, — глаголовъ — чтобъ отмѣтить отношеніе формы настоящаго времени къ неопредѣленному наклоненію, и т. д. Для выведенія какого-нибудь частнаго правила, напримѣръ, объ именахъ, оканчивающихся въ родительномъ падежѣ на *а* или на *у*, исписаны цѣлые листы. Слѣдующія слова Ломоносова, въ § 238, нужно понимать буквально: „Для отечественныхъ именъ невозможно *собрать именъ всѣхъ мѣстъ* и привести подъ правила, того ради надлежитъ оставить общему всѣхъ учителю, повсядневному употребленію“. Въ своемъ стремленіи къ обобщеніямъ Ломоносовъ руководствовался вѣрнымъ тактомъ натуралиста, который только тогда увѣренъ въ твердости своего вывода, когда этотъ выводъ извлекается изъ всей наличной суммы фактовъ, и въ этомъ отношеніи намъ кажется очень знаменательнымъ даже тотъ фактъ, что если у Ломоносова послѣ правилъ исчисляются исключенія, то за ними не стоитъ соблазнительнаго „и проч.“, въ которомъ можетъ скрываться такъ много и подтверждающаго, но нерѣдко и противорѣчащаго или даже исключающаго правило. Слѣдя за механизмомъ работы Ломоносова, можно видѣть, что онъ въ самомъ дѣлѣ перебралъ всѣ матеріалы, какіе только были доступны при тогдашней бѣдности лексикологическихъ средствъ. Стремясь къ обобщеніямъ, Ломоносовъ однако вполнѣ свободенъ отъ упрека въ пристрастіи къ тѣмъ схематическимъ дѣленіямъ и формальнымъ опредѣленіямъ, которыми долго не переставали, да и теперь еще не перестали страдать наши догматическія грамматики, ведущія свое преданіе отъ Доната и потомъ поддерживаемыя авторитетомъ Готшеда, Аделунга, Гейнзіуса, Гейзе и проч. У Ломоносова нѣтъ даже терминовъ — *этимологія, синтаксисъ* и проч. Объясненіе грамматическихъ терминовъ и категорій вошло въ наставленіе первое — „о человѣческомъ словѣ вообще“, опирающееся на логическихъ основаніяхъ, которыя выдвигаются на первый планъ какъ въ изложеніи правилъ о знакахъ препинанія, такъ и въ ученіи о построеніи періодической рѣчи (§ 130—137). Вѣрный педагогическій тактъ Ломоносова можно видѣть и изъ того, что опредѣленіе грамматики является у него послѣднимъ выводомъ, окончательною формулой, а не исходною точкою, не первою посылкою, произвольною

и гадательною. Онъ ведетъ ученика отъ низшаго къ высшему, отъ наглядnаго къ отвлеченному, постепенно переходя отъ членораздѣльности и образованія звука до словообразованія и логическихъ категорій, выражающихся въ языкѣ, и уже въ концѣ, какъ-бы въ итогѣ всего, ставитъ опредѣленіе грамматики, какъ необходимый результатъ, а не случайный афоризмъ. За то какая разница между обобщеніями и опредѣленіями Ломоносова и Смотрицкаго! Вотъ, для примѣра, какъ оба они опредѣляютъ правила и требованія орѳографіи.

Смотрицкій:

„1) Належитъ вящшими писмены нишема быти начала стиховъ... 2) Да имже строчнѣ полагаемымъ быти подобаетъ, верху строкъ полагаема не бываютъ... 3) Блюсти... падежей... и временъ... окончения: ни о вмѣсто ѡ, ни въ противъ... 4) Тожде хранимо буди и въ согласныхъ нѣкоихъ: ниже ѳ вмѣсто хв... 5) Во греческихъ реченіихъ орѳографіи греческой, въ латинскихъ латинстѣй храпимѣй быти... 6) Именемъ, на чистое ный кончащымся, приличны быти два нн... причастіемъ же едино“ [1]).

Ломоносовъ:

„Въ правописаніи наблюдать надлежитъ: 1) чтобъ оно служило къ удобному чтенію каждому знающему россійской грамотѣ; 2) чтобы не отходило далече отъ главныхъ россійскихъ діалектовъ, которые три суть: московскій, сѣверный, украинскій; 3) чтобы не удалялось отъ чистаго выговору; 4) чтобы не закрывались совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій“ (§ 112).

Такимъ образомъ, согласно требованіямъ Ломоносова, правописаніе, соображаясь съ этимологическимъ составомъ словъ и исторіей языка, должно примѣняться къ живому говору, чтобы не стать археологическимъ памятникомъ и не представлять затрудненій въ практическомъ употребленіи. Въ этомъ опредѣленіи все обнято и исчерпано; кромѣ того, части подраздѣленія, какъ виды одного рода, соотвѣтствуютъ себѣ взаимно по степени отдаленія отъ общаго родоваго понятія. Этого-то именно и не достаетъ въ опредѣленіи Смотрицкаго: третій и четвертый пункты его тождественны; шестой является только частнымъ развитіемъ третьяго; второй или относится къ чистописанію, или входитъ какъ часть къ третьему пункту. Опредѣленіе Ломоносова полно, законченно и округлено, опредѣленіе же Смотрицкаго захватываетъ то слишкомъ много, то очень мало, всегда случайно и произвольно, а потому недолговѣчно.

Принявъ за норму языка „разсудительное его употребленіе“ (§ 86), Ломоносовъ принимаетъ грамматическую форму, какъ существующій фактъ, который грамматика можетъ объяснить, но не можетъ измѣ-

[1]) Грамматика Смотрицкаго, лл. 8—9.

нять по требованіямъ теоріи или какихъ-нибудь аналогій, тѣмъ менѣе ковать новыя формы и слова. Не столь остороженъ въ своемъ обращеніи съ языкомъ Смотрицкій: какъ мы видѣли выше, онъ не затрудняется сочинять формы новыя, совершенно не существующія въ языкѣ. На него потому и направлены слѣдующія слова Ломоносова: „Погрѣшаютъ многіе: дѣлая грамматики, понуждаютъ на другіе языки — graecizantes“ [1]). „Въ Словенскую грамматику сочинитель многія ввелъ... неисправности, послѣдуя греческому и латинскому свойству“ („Грамматика“, § 73). Но совершенно въ обратномъ отношеніи стоятъ Ломоносовъ и Смотрицкій по отношенію къ грамматическимъ авторитетамъ. Въ этомъ случаѣ видно различіе двухъ эпохъ: Смотрицкій является еще рабомъ средневѣковой схоластики, между тѣмъ какъ въ Ломоносовѣ видѣнъ ужь ученикъ Вольфа, человѣкъ XVIII столѣтія, славившій Декарта за ниспроверженіе людскихъ идоловъ и за выходъ на путь вольнаго философствованія [2]). Съ замѣтною робостію Смотрицкій говоритъ о несуществованіи въ славянскомъ языкѣ того, что̀ у Грековъ называется ἄρθρον. Онъ не смѣетъ выбросить изъ русской азбуки буквъ ѕ, ѳ, ѯ, ѱ, ѳ, хотя самъ сознаетъ, что они „отъ Грековъ привзяты: славенску языку и кромѣ сихъ состояти могущу“ [3]); онъ видитъ, что „ѿ нѣсть писмя, ниже двогласное, но слогъ“; и однако потому только, что эти буквы „отъ древнихъ оставлены, по нуждѣ и мы оставихомъ“ [4]). Въ правописаніи онъ полагаетъ, что греческія и латинскія писмена и по славянски должны сохранять свою орѳографію. Совершенно иначе отнесся къ этому Ломоносовъ. Дѣлая нѣкоторыя уступки вкоренившемуся обычаю и преданію старины, онъ впрочемъ мало стѣснялся неразумнымъ загроможденіемъ русскаго алфавита нужными только для иностранныхъ словъ буквами, которыя лишь пестрятъ нашу азбуку. Ломоносовъ не стѣснился сказать, что бо̀льшая часть „надстрочныхъ знаковъ принята отъ Грековъ безъ нужды“ (§ 111); не стѣснился выбросить изъ алфавита десять лишнихъ буквъ. Что̀ же было для него мѣриломъ правильности той или другой формы или оборота? Ничто иное, какъ внутреннее чутье языка, знакомаго ему такъ глубоко и непосредственно: тамъ находилъ онъ матеріалы для своихъ изслѣдованій, основанія для правилъ и подтвержденіе догадокъ. Мы не должны потому удивляться,

[1]) Рукопись Акад. Н., № 112, лл. 105 и 106.

[2]) См. предисловіе къ переводу «Вольфіанской экспериментальной физики».

[3]) Грамматика Смотрицкаго, л. 5.

[4]) Тамъ же, на оборотѣ.

что опровергая неправильную форму, онъ считаетъ ненужнымъ прибѣгать къ ссылкамъ и цитатамъ. Вмѣсто всѣхъ доказательствъ, у него одно основаніе: *Слуху противно* (§ 510); *весьма дико и слуху несносно* (§ 444); *сіе употребленіе не весьма правильно* (§ 445); *весьма странно* (§ 126); *странно и дико сіе кажется* (§ 127); *весьма развратно* (§ 557); *весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое россійское сочиненіе* (§ 532).

Обращаясь теперь къ самому содержанію „Грамматики“ Ломоносова, мы прежде всего останавливаемся на первомъ наставленіи — „о человѣческомъ словѣ вообще“. Судя по содержанію этого разсужденія, мы расположены видѣть въ немъ вліяніе французскихъ „всеобщихъ грамматикъ“, одна изъ которыхъ повидимому названа между списками книгъ Ломоносова [1]). Но мы не смѣемъ сказать на этотъ разъ ничего опредѣленнаго, потому что не имѣли возможности произвести болѣе точнаго сравненія. Не знаемъ, оттуда ли взялъ Ломоносовъ раздѣленіе частей рѣчи на *знаменательныя* и *служебныя*, или онъ самъ угадкою дошелъ до того, что̀ сто лѣтъ спустя завоевала наука въ лицѣ Якова Гримма. Не можемъ однако не замѣтить, что Ломоносовъ не представилъ еще ясно и твердо различія частей рѣчи знаменательныхъ и служебныхъ, хоть и подходилъ къ нему довольно близко. То называетъ онъ знаменательными или главными только *имя* и *глаголъ* (§§ 40 и 45), считая остальныя шесть частей рѣчи служебными (§ 45), то говоритъ: „слово человѣческое имѣетъ осмь частей знаменательныхъ“ (§ 46). Мы склонны впрочемъ считать это обмолвкою, такъ какъ въ общемъ раздѣленіи грамматики Ломоносовъ, изложивъ ученіе объ имени и глаголѣ, озаглавливаетъ пятое наставленіе: „о вспомогательныхъ и служебныхъ частяхъ слова“, то-есть, о мѣстоименіи, причастіи, нарѣчіи, предлогѣ, союзѣ и междометіи [2]).

„Наставленіе второе — о чтеніи и правописаніи россійскомъ“ обдумано Ломоносовымъ совершенно самостоятельно, какъ видно, между прочимъ, и изъ его черновыхъ грамматическихъ матеріаловъ. Мы уже видѣли основанія, положенныя Ломоносовымъ въ свое ученіе о русской орѳографіи; прибавимъ только, что его правописаніе стоитъ на срединѣ между этимологическимъ и фонетическимъ и ярко обличаетъ вѣрный его тактъ. Полагая, что никакіе „теоретическіе доводы не довольны“, что „какъ во всей грамматикѣ, такъ и въ... (пра-

[1]) Именно — «Grammaire générale et raisonnée, contenante les fondements de l'art de parler». Ср. Сборникъ *Куника*, I, 131.

[2]) Ср. также 4-ю главу VI-го наставленія.

вописаніи) одному употребленію повиноваться должно“ [1]); дѣлая нѣкоторыя уступки выговору, исключая, напримѣръ, букву *щ* (которая впрочемъ имѣетъ такое же историческое право на мѣсто въ русской азбукѣ, какъ и *ѣ*, оставленная Ломоносовымъ по требованіямъ парѣчій русскаго языка), исключая *ѳиту*, впрочемъ безъ достаточнаго основанія (ибо на вопросъ Сумарокова о причинѣ предпочтенія *ф* Ломоносовъ могъ только сказать: „эта литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно, бодрѣе“) [2]); заодно съ Сумароковымъ отвергая *э*, какъ лишнюю въ русской азбукѣ [3]); предлагая писать: *воскресенїе, истребляю* (§ 127), къ ужасу Сумарокова, который не хочетъ помириться съ безобразнымъ *рассмотрѣть* [4]); словомъ, дѣлая уступки выговору, Ломоносовъ однако далекъ отъ слабости къ фонетическому правописанію, которой, напримѣръ, поддался Караджичъ въ своей системѣ сербскаго правописанія. Напротивъ, Ломоносовъ предостерегаетъ отъ *слежка* (отъ *легокъ*), *слатка* (отъ *сладокъ*, § 128), *фтекаю, опхожу, оддыхаю*, „что весьма странно и противно способности легкаго чтенія и распознанія сложенныхъ отъ простыхъ“ (§ 126). Онъ понималъ, что только этимологія, хранящая исторію, а слѣдовательно, и древнее единство развѣтвляющихся съ теченіемъ времени нарѣчій, можетъ дать твердое основаніе для орѳографическаго единства цѣлаго племени; что *ѣ* (вмѣсто *е*) связываетъ Кіевъ съ Москвой, и что принятіе за норму Московскаго *аканья* отщепило бы отъ орѳографическаго единства Россіи весь *окающій* сѣверъ и сѣверовостокъ. Что при установленіи правописанія Ломоносовъ имѣлъ въ виду и исторію языка, видно между прочимъ изъ слѣдующихъ словъ его:

„Употребленіе буквъ *е* и *я* въ прилагательныхъ множественнаго числа всѣхъ родовъ въ великороссійскомъ языкѣ отъ начала историческихъ и другихъ писателей московскихъ, а особливо отъ временъ великаго государя царя Іоанна Васильевича и до нынѣшняго времени непрерывно было.... и нынѣ отъ знающихъ писателей содержится“ (§ 119).

„....Что явствуетъ во всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ, отъ Великороссіянъ сочиненныхъ, каковы суть уложенія, указныя книги и другія печатныя и письменныя права и указы“ [5]).

Но тутъ же Ломоносовъ принимаетъ въ разчетъ и требованія фонетическія, даже болѣе — чисто музыкальныя:

---

[1]) *Пекарскій*, Дополн. извѣстія, 117.

[2]) Соч. Сумарокова, X, 10.

[3]) Тамъ же, 44: «Противнѣйшая и мнѣ, и г. Ломоносову литера *э* не достойна, чтобъ объ ней и говорить».

[4]) Тамъ же, 13.

[5]) *Пекарскій*, Доп. изв., 117.

„Чтожъ до слуху надлежитъ, въ томъ увѣряютъ музыканты, которые въ протяжныхъ распѣвахъ не даромъ букву *и* обходятъ, не протягивая на ней долгихъ выходовъ, но выбирая къ тому *а* или *е*. Сверхъ того свойство нашего россійскаго языка убѣгаетъ отъ скучной буквы *и*, которая отъ окончанія неопредѣленныхъ глаголовъ и отъ втораго лица единственнаго числа давно оставлена, и вмѣсто *писати, пишеши, напишеши* употребляемъ *писать, пишешь, напишешь*. Также и во множественномъ числѣ многихъ существительныхъ вмѣсто *и* выговариваютъ и пишутъ *а: облака, луга, берега, бока, рога*, вмѣсто *облаки, луги, береги, боки* и проч.“. (§ 119).

До какой степени жизненнымъ вопросомъ было во время Ломоносова правописаніе, видно изъ того, что по этому предмету шли пренія и писались полемическія статьи, даже стихотворенія, подобно тому какъ, напримѣръ, въ Чехіи, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка. Тредіаковскій написалъ цѣлую диссертацію „объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ, мужескаго рода, множественнаго числа и о двухъ нѣкоторыхъ разностяхъ, до правописанія принадлежащихъ“ [1]); въ отвѣтъ на нее Ломоносовъ составилъ „примѣчанія о множественномъ окончаніи прилагательныхъ именъ“ [2]) и тѣ же возраженія повторилъ еще разъ въ сатирическомъ стихотвореніи: „Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся“ [3]). Другой образчикъ очень остроумной юмористической статьи по орѳографіи представляетъ написанный Ломоносовымъ „Судъ россійскихъ письменъ, передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ“ [4]). Буквы являются здѣсь драчливыми и завистливыми челобитчиками, а грамматика скучнымъ и педантическимъ докладчикомъ; она владѣетъ искусствомъ „объ одной запятой написать великую книгу“; разумъ— верховный судія, обычай — его товарищъ; буквы хвалятся одна своимъ пригожимъ видомъ, другая пріятнымъ голосомъ, иная патро-

[1]) Тамъ же, 102—116.

[2]) Тамъ же, 116—119. Ср. матеріалы *Билярскаго*, 83, подъ 18 апрѣля 1746 г.

[3]) *Библіографическія Записки* 1859 г., № 17, ст. 518 и 519. Приписываемъ эти стихи Ломоносову (вопреки мнѣнію г. Аѳанасьева, который считаетъ ихъ принадлежащими Сумарокову) на томъ основаніи, что въ нихъ почти буквально повторяется сказанное въ § 119 «Грамматики» Ломоносова. Впрочемъ, и Сумароковъ въ этомъ случаѣ согласенъ съ Ломоносовымъ противъ Тредіаковскаго (Соч. Сумарокова, X, 98).

[4]) *Москвитянинъ* 1852 г., № 10. Эта піеса представляетъ нѣчто въ родѣ извѣстной въ западной литературѣ «Bellum grammaticale inter nomen et verbum; Reges de principatu in oratione inter se contendentes» (ante seculum adornatum et nunc denuo recognitum. Tiguri. 1649). Мы читали это произведеніе въ приложеніи къ книгѣ: Idea philosophiae universalis seu metaphisica, auctore Petro a sancto Josepho Fuliensi. Coloniae Agrippinae. 1655.

нами, и почти всѣ старинною своею фамиліей: *а* споритъ съ *о*, *ѣ* съ *е*; согласныя не довольны первенствомъ гласныхъ; *ф* жалуется на *θ*, *к* обижается на *г*, *ы* не довольна *и*, *с* споритъ съ *з*. Третье грамматическое стихотвореньe Ломоносова въ сатирическомъ тонѣ называется „о сомнительномъ произношеніи буквы *г* въ россійскомъ языкѣ“ [1]); здѣсь Ломоносовъ щеголяетъ легкостію подбора словъ, изъ которыхъ въ каждомъ есть буква *г*. Вѣроятно, Ломоносовъ имѣлъ въ виду показать, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ надобности, да и не возможно различить, „гдѣ быть *г* (*h*), и гдѣ состоять глаголю“ (*г*) [2]). Стихотвореніе направлено, быть можетъ, противъ слѣдующаго замѣчанія въ грамматикѣ Адодурова: „По русски нельзя выразить различія *G* и *H*, что̀ было бы очень полезно, такъ какъ очень многія, выговариваемыя ртомъ слова не могутъ быть выражены обыкновенными русскими буквами. Хорошо, еслибъ утвердилось начавшееся различеніе *H* чрезъ *Г*, а *G* чрезъ *Г*“ [3]).

„Наставленіе третье — объ именѣ“ не отличается большою полнотою. Выше было указано отношеніе системы склоненій Ломоносова къ системѣ Смотрицкаго и Адодурова. Неполнота „Грамматики“ Ломоносова въ этой части видна изъ того, напримѣръ, что у него нѣтъ даже упоминанія объ именахъ прилагательныхъ усѣченныхъ, которыя у Адодурова разсматриваются довольно подробно [4]). Весь трудъ Ломоносова въ этой части сосредоточенъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ: 1) объ опредѣленіи окончаній родительнаго падежа множественнаго числа перваго склоненія; 2) объ окончаніяхъ родительнаго падежа единственнаго числа 2-го склоненія на *а* и *у*; 3) объ окончаніяхъ предложнаго падежа 2-го на *ѣ* и *у*; 4) о выпаденіи въ косвенныхъ падежахъ бѣглаго *е* (*ѣ*); 5) о существительныхъ, склоняющихся по 5-му склоненію (*подъячей*, и проч.); 6) о степеняхъ сравненія; 7) объ образованіи именъ притяжательныхъ отечественныхъ; 8) объ образованіи именъ женскаго рода отъ мужескихъ; 9) объ увеличительныхъ и уменьшительныхъ именахъ.

Надъ „четвертымъ наставленіемъ — о глаголѣ“ Ломоносовъ много работалъ, стараясь опредѣлить то отношеніе окончаній формъ настоящаго времени и неопредѣленнаго наклоненія, то измѣненія глаголовъ во временахъ прошедшихъ, то наконецъ оттѣненіе смысла гла-

[1]) Тамъ же, 28.

[2]) *Москвитянинъ* 1854 г., № I и II, 4.

[3]) Ср. въ «Грамматикѣ», § 102.

[4]) *Weisman's* Lexicon, 3—4.

головъ въ сложеніи съ разными предлогами. Ломоносовъ не воспользовался въ этой статьѣ плодотворными предчувствіями Смотрицкаго о видахъ глаголовъ, и потому для устроенія достаточно обширной рамки, въ которую вошли бы видовые оттѣнки глагольныхъ формъ, онъ долженъ былъ допустить десять временъ, съ которыми трудно было сладить даже его тонкому и систематическому уму. Не надобно впрочемъ думать, будто бы Ломоносовъ a priori принялъ готовую схему иностранныхъ грамматикъ и вставилъ въ нее факты русскаго языка, какъ это сдѣлалъ Смотрицкій. Напротивъ того, изъ черновыхъ бумагъ Ломоносова видно, что число временъ колебалось въ его понятіи между восемью и десятью (вмѣсто шести временъ Смотрицкаго и трехъ Адодурова), и онъ принялъ десять временъ, конечно, не для внѣшнихъ аналогій или для хвастливаго соперничества съ обиліемъ временъ во французскомъ или нѣмецкомъ спряженіяхъ, а для избѣжанія натяжекъ и слишкомъ значительныхъ изъятій или исключеній. Оттого у Ломоносова нѣтъ неправильныхъ глаголовъ, а есть только *неполные*, „которыхъ въ россійскомъ языкѣ великое множество, такъ что весьма немного найдется полныхъ“ (§ 425; § ср. 358). Впрочемъ и эта, наименѣе удавшаяся, часть „Грамматики“ Ломоносова не лишена важныхъ и плодотворныхъ замѣчаній, напримѣръ, о точнѣйшемъ разграниченіи по значенію глаголовъ возвратныхъ и страдательныхъ (§ 363), о значеніи глаголовъ съ предложными приставками (§§ 403 и слѣд.), о глаголахъ скораго дѣйствія (§ 427, по даннымъ народнаго языка), и т. д.

„Наставленіе пятое — о вспомогательныхъ или служебныхъ частяхъ слова“ составлено менѣе всего самостоятельно; въ главныхъ чертахъ оно повторяетъ то, что ужь есть у Смотрицкаго и Адодурова; нѣтъ только личныхъ мѣстоименій: они отнесены къ указательнымъ. Отмѣтимъ еще замѣчанія объ отнесеніи причастныхъ формъ на *щій, мый* и *нный* къ стилистикѣ (§§ 440 и слѣд.).

Наконецъ синтаксисъ, „наставленіе шестое — о сочиненіи частей слова“, изложенъ не съ достаточною отчетливостію и послѣдовательностію. Неизвѣстно, напримѣръ, почему нѣкоторыя правила согласованія вошли въ особую главу „о сочиненіи частей слова вообще“, и почему другія сюда не вошли. Въ главѣ „о глаголахъ“ важны замѣчанія о разныхъ оттѣнкахъ въ значеніи формъ глагола *быть (было, бывало,* § 529) и о значеніи неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ въ связи съ разными приставками: *ли, не* и проч. Съ замѣчательною полнотою разсмотрѣно управленіе предлоговъ, при чемъ указаны формы языка народнаго, даже пѣсеннаго (§§ 536, 560).

Оставляемъ теперь на время „Грамматику“ Ломоносова и обратимся къ важному и любопытному, но совершенно темному и загадочному до сихъ поръ вопросу объ извѣстномъ его „планѣ для филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики надлежащихъ“ [1]). Есть ли этотъ планъ—оглавленіе написанныхъ, но потерянныхъ для насъ трудовъ, или только программа желательныхъ работъ, или наконецъ, просто бѣглая замѣтка о филологическихъ работахъ, задуманныхъ по широкому плану, оставшемуся не выполненнымъ, да и едва-ли и выполнимому при тогдашнихъ научныхъ средствахъ? Въ пользу перваго говоритъ то обстоятельство, что мы положительно знаемъ о существованіи, къ сожалѣнію, потеряннаго для насъ „письма Ломоносова о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ“ [2]) и имѣемъ уцѣлѣвшее его разсужденіе „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ [3]). Можно бы предполагать, что и остальныя десять заглавій въ вышеупомянутомъ „планѣ“ указываютъ на дѣйствительно существовавшіе труды Ломоносова, о которыхъ ничего намъ не извѣстно лишь потому, что они затерялись, какъ и многія другія его сочиненія. Какъ бы то ни было, „планъ“ стоитъ до сихъ поръ загадочнымъ вопросомъ, и потому мы считаемъ своею обязанностью представить, на основаніи какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ матеріаловъ, возможно полный подборъ всего, что можетъ служить къ объясненію этого, можетъ-быть, самаго темнаго и важнаго вопроса въ разсмотрѣніи филологической дѣятельности Ломоносова. Замѣтимъ при этомъ, что разсмотрѣніе „плана“ мы располагаемъ въ слѣдующемъ порядкѣ [4]): 1) о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ, 2) о сродныхъ языкахъ россійскому, 3) (5) о преимуществахъ россійскаго языка, 4) (7) о красотѣ россійскаго языка, 5) (6) о чистотѣ россійскаго языка, 6) (3) о славянскомъ церковномъ языкѣ, 7) (10) о чтеніи книгъ старинныхъ, 8) (4) о простонародныхъ словахъ, 9) о новыхъ россійскихъ реченіяхъ, 10) (8) о синонимахъ, 11) о лексиконѣ и 12) о переводахъ.

Шлецеръ, сравнивая свои филологическіе труды съ трудами Ломоносова, говоритъ:

„Я зналъ кое-что изъ всеобщей грамматики; я имѣлъ уже время срав-

---

[1]) Соч., I, 789.

[2]) Тамъ же, 733. Ср. Матеріалы *Билярскаго,* 303, подъ 1755 годомъ.

[3]) Соч., I, 527—535. Ср. №№ 1 и 10 плана.

[4]) Въ скобкахъ обозначены нумера того порядка заглавій, въ которомъ они помѣщены въ Соч. Ломоносова, I, 789. Причины измѣненій нашихъ видны будутъ изъ послѣдующаго изложенія.

нить русскій языкъ въ словахъ и формахъ со многими родственными нарѣчіями: Ломоносовъ не мечталъ ни о томъ, ни о другомъ [1])... Ломоносовъ во всю свою жизнь такъ же мало слышалъ о научномъ словопроизводствѣ (von gelehrten Etimologosiren), какъ матросъ о логарнемахъ“ [2]).

Отзывъ этотъ не менѣе несправедливъ и бездоказателенъ, какъ и увѣренія Шлецера въ томъ, что Ломоносовъ не слыхалъ и о византійскихъ историкахъ [3]). Послѣднее достаточно опровергаютъ однѣ цитаты въ „Исторіи Россійской“ Ломоносова. Менѣе извѣстны филологическіе, или если угодно, лингвистическіе труды и замыслы Ломоносова; но по ближайшемъ разсмотрѣніи, они должны будутъ упрочить за великимъ русскимъ ученымъ почетное мѣсто въ исторіи сравнительнаго языкознанія.

Ломоносовъ не увлекался повсемѣстною въ его время страстью къ смѣлому производству словъ по случайнымъ созвучіямъ, отъ котораго не уберегся и самъ Шлецеръ, сближавшій слова *князь* съ *Knecht*, *дьва* и *Tiffe*, *бояринъ* и *баранъ* [4]). Оставимъ въ сторонѣ Тредіаковскаго, производившаго *Скивы* отъ *скитаться*, *Кельты* отъ *желты*, *Сарматы* отъ *за Ра мати* и *Британія* отъ *братства*. Не станемъ безпокоить и Сумарокова, увѣрявшаго, что слово *исторія* происходитъ отъ русскаго слова *изстари*, *поэтъ* отъ *поетъ* (пѣти), *Уранось* отъ *горнее* и *Изида* отъ *низъ*. Все это извинительно для русскихъ филологовъ, если почти одновременно съ ними ученѣйшій Байеръ производилъ *Москву* отъ *мужика*, а Шлецеръ сближаетъ *короля* съ *Kerl* [5]). Даже въ началѣ XIX вѣка нашъ Шишковъ доказывалъ, что *Gatte* происходитъ отъ *хотѣть*, *Zinn* отъ *синь*, *ночь* отъ *нѣтъ очей*, а *гардеробъ* отъ *городить рубъ* [6]). Исходною точкою для всѣхъ такихъ производствъ принималось апріорическое мнѣніе о коренномъ единствѣ всѣхъ языковъ. На формы не обращалось вниманія; искали сходныхъ созвучій. Шлецеръ стоитъ уже на научной почвѣ, очищая корень отъ приставокъ и суффиксовъ и сравнивая его съ родственными корнями. Ломоносовъ, по выраженію Шлецера, „истинный натуралистъ въ филологіи“, идетъ еще дальше: путемъ сравненія словъ изъ *родственныхъ* языковъ онъ добирается до открытія законовъ ихъ из-

---

[1]) Oeffentl. und Privat-Leben 168.
[2]) Тамъ же, 254.
[3]) Тамъ же, 206 и 220.
[4]) Соч. Ломоносова, I, 762—763.
[5]) Тамъ же.
[6]) *Буслаевъ*, О преподав. отеч. языка, 459.

мѣненія діалектическаго и историческаго. До насъ уцѣлѣли только незначительные черновые отрывки его письма „о сходствѣ или перемѣнахъ языковъ“ или „разсужденія о европейскихъ языкахъ, о сходствѣ ихъ и о разности“ [1]); но и по этимъ отрывкамъ можно возстановить его руководящую мысль и пріемы, а также отчасти и достигнутые имъ результаты. Ломоносовъ раздѣляетъ языки на *сродственные* и *несродственные* [2]). Къ первымъ принадлежатъ языки: русскій, греческій, латинскій и нѣмецкій [3]); ко вторымъ — финскій, мексиканскій, готтентотскій и китайскій [4]). Происходятъ языки отъ одного корня, но „разнятся свойствами не меньше, какъ словами [5]). Только не вдругъ перемѣняются языки... Это происходитъ въ значительную долготу времени“, предъ которой однако нечего останавливаться, „ибо предъ Богомъ тысячи лѣтъ, яко день одинъ. Польскій и россійскій языкъ коль давно раздѣлились! Подумайте, когда курляндскій! Подумайте, когда латинскій, греческій, нѣмецкій, россійскій! О, глубокая древность!“ [6]). Еще, можетъ-быть, не предугадывая того, что̀ мы называемъ *организмомъ* языка, по которому лингвистика переходитъ въ область наукъ естественныхъ, Ломоносовъ не смотрѣлъ однако на языкъ, какъ на механическій снарядъ, сочиненный по взаимному соглашенію людей. По его понятію, языкъ рождается вмѣстѣ съ мыслію, измѣняется по извѣстнымъ законамъ, *живетъ*, развивается и *умираетъ* вмѣстѣ съ народомъ. Ломоносовъ говоритъ:

„Какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено и одними *простыми рѣченіями* довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по мало умножилось, что̀ происходило *произвожденіемъ* и *сложеніемъ*. Произвожденіе состоитъ въ наращеніи складовъ, напримѣръ: отъ имени *гора* произошли имена *горница, гористъ, горный;* отъ *руки — рукавица, руковядка, ручка, ручной*. Сложеніе бываетъ отъ совокупленія двухъ или многихъ рѣченій во едино: *порука* изъ имени *рука* и предлога *по; рукомойникъ* отъ *рука* и *мою*. Сіе разсуждай и о глаголахъ: *распространяю* состоитъ изъ предлоговъ *разъ, про,* и имени *страна*“ [7]).

---

[1]) Рукопись Ак. Н., № 112, лл. 7 и 53.

[2]) Тамъ же, л. 50.

[3]) Въ другомъ мѣстѣ (рукопись Ак. Н., № 112, л. 53), рядомъ съ латинскимъ, греческимъ, россійскимъ и нѣмецкимъ языками поставляется еще *курляндскій;* вѣроятно Ломоносовъ разумѣлъ литовскій и латышскій языки.

[4]) Рукопись Ак. Н., № 112 л. 50.

[5]) Тамъ же, л. 18.

[6]) Тамъ же, л. 53.

[7]) Грамматика § 51. Здѣсь можно указать, что Ломоносовъ имѣлъ мысль

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ факторовъ измѣняемости языка, Ломоносовъ находитъ еще три: 1) *произношеніе* („Греки нынѣшніе и старые η, β, γ, υ инако произносили“); 2) *удареніе*, и 3) *склоненіе* и *спряженіе* [1]). Сверхъ того Ломоносовъ пересмотрѣлъ фигуры *стихотворческія* и *грамматическія* латинскихъ грамматикъ [2]), и прилагая ихъ къ опредѣленію перемѣны словъ въ языкахъ родственныхъ, выбралъ четыре изъ нихъ: 1) *прибавленіе* (prothesis), 2) *убавленіе* (aphaeresis), 3) *премѣненіе* (мягкихъ звуковъ на твердые), 4) *преложеніе* (methatesis), дѣйствіе которыхъ *напереди, въ срединѣ и назади* словъ [3]), видоизмѣняя ихъ, составляетъ причину фонетическаго различія родственныхъ языковъ [4]).

Всѣ эти замѣчанія не потеряли своего научнаго достоинства и черезъ сто лѣтъ; тѣмъ болѣе замѣчательны они для своего времени. Вѣрный филологическій тактъ Ломоносова видѣнъ изъ того, что приступая къ сравненію языковъ со стороны лексикологической, онъ прежде всего обратился къ именамъ числительнымъ [5]). Съ цѣлію сравнить сходныя слова, Ломоносовъ прошелъ даже греческій словарь до буквы *N*, отмѣчая слова, напоминавшія ему сродный русскій корень. Его побудило къ этому замѣчаніе, что „нѣкоторыя слова есть, которыя весьма общи, какъ *saccus*, *базаръ*, *лева*, *нова*, *вино*“ [6]). Замѣчательно, что когда, лѣтъ 60 спустя, Карамзинъ, въ своей „Исторіи“ [7]), указывалъ родственные со славянскимъ языки, то онъ также между прочимъ приложилъ табличку числительныхъ и привелъ около тридцати словъ, названныхъ у Ломоносова, въ такомъ родѣ: ἄγκυρα = якорь; ἀρόω = орать; βουλή = воля; βοῦς = быкъ; βρέμω = гремлю, fremo; βῶλος = поле; γιγνώσκω = знаю; γυνή = жена; μόρμηξ = муравей, formica; νύξ = ночь, nox, nacht; οἶνος = вино, vinum, wein; παρά = пере, per, ver;

отмѣтить «первообразныя россійскія слова», чтобъ опредѣлить затѣмъ законы ихъ *сложенія* (рукопись Ак. Н., № 112, л. 7). Вообще въ его планъ входило разсужденіе о *сложныхъ словахъ* (тамъ же, лл. 16, 133) или *именахъ* (тамъ же, л. 8). Собирались даже примѣры сложеній (тамъ же, лл. 16, 133), но дальнѣйшаго употребленія изъ нихъ не видно.

[1]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 52.

[2]) Тамъ же, л. 53.

[3]) Ср. Гриммовы Anlaut, Inlaut и Auslaut.

[4]) Рукопись Ак. Н., № 112, лл. 52 — 54.

[5]) Тамъ же, л. 50. Вѣроятно, подражая примѣру Ломоносова, дѣлаетъ подобную же сравнительную таблицу числительныхъ Сумароковъ (Соч., I, 111).

[6]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 9.

[7]) Т. I, примѣчаніе 246.

πίκρος = прикрой и т. д. [1]). Ломоносовъ дѣлалъ даже попытки находить въ разнозвучныхъ словахъ единство уже не корней, а тѣхъ впечатлѣній, дѣйствіе которыхъ выражается въ образованіи словъ. Такъ, въ „Риторикѣ“ его читаемъ:

„Ежели греческое слово θεός происходитъ отъ θεῖν (бѣжать), россійское Богъ отъ *бѣгъ*, нѣмецкое *Gott* отъ *geht* (идетъ), то можно съ вѣроятностію заключить, что древніе Греки, Славяне и Нѣмцы почитали богами тѣ вещи, которыя постоянное теченіе имѣютъ, то есть, солнце, луну, звѣзды или великія рѣки“ (§ 83).

Если частности здѣсь не вѣрны, то ученый пріемъ замѣчателенъ.

Итакъ, мы видимъ, имѣлъ ли Ломоносовъ понятіе объ ученомъ словопроизводствѣ, и мечталъ ли онъ о сравненіи русскаго языка съ родственными ему нарѣчіями. Раньше Шлецера говорилъ онъ Русскимъ о семьѣ славянскихъ языковъ и народовъ: „Языки отъ славянскаго произошли: 1) россійскій, 2) польскій, 3) болгарскій, 4) сербскій, 5) чешскій, 6) словацкій, 7) вендскій“ [2]). Ломоносовъ предугадывалъ дѣленіе славянскихъ нарѣчій на юго-восточную и сѣверо-западную вѣтви; такъ, онъ говорилъ, напримѣръ, что православные народы славянскаго поколѣнія, живущіе за Дунаемъ, говорятъ языкомъ, который довольно вразумителенъ для Русскихъ и гораздо сходнѣе съ русскимъ языкомъ, нежели, напримѣръ, польскій [3]). Изъ собственныхъ словъ Ломоносова мы знаемъ, что онъ разумѣлъ „языкъ польскій и другіе съ россійскимъ сродные языки“ [4]); съ первымъ онъ могъ познакомиться въ свою бытность въ Кіевѣ. Кромѣ того Ломоносовъ владѣлъ англійскимъ языкомъ, любилъ италіанскій, находя даже, что онъ „много подобенъ россійскому“ [5]), учился испанскому [6]), и по всей вѣроятности, былъ знакомъ съ финскимъ [7]). Но если въ области сравнительнаго языкознанія Ломоносовъ не положилъ новыхъ основаній, не составилъ эры, то въ болѣе тѣсномъ кругу — въ опредѣленіи элементовъ и формъ языка русскаго, имя Ломоносова до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равнаго. Никто еще не владѣлъ въ такой мѣрѣ непосредственнымъ знаніемъ русскаго народнаго языка: на ряду съ нимъ

---

[1]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 51.

[2]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 9; ср. Соч., III, 81 и слѣд.

[3]) Соч., I, 532.

[4]) Матеріалы *Билярскаго*, 703.

[5]) Рукопись Ак. Н., л. 7.

[6]) Матеріалы *Билярскаго*, 742.

[7]) Въ «Исторіи Россійской», въ главѣ о Чуди (Соч., III, 112 и слѣд.) онъ часто ссылается на языкъ финскій.

въ этомъ отношеніи можно поставить развѣ только Карамзина да Пушкина: первый внесъ въ свою „Исторію“ много филологическаго изученія [1]), а второй глубоко проникнулъ чувствомъ въ духъ языка подъ напѣвы своей няни Арины Родіоновны. Ломоносовъ имѣлъ право сказать о себѣ, что онъ „съ малолѣтства спозналъ общій и россійскій, и славянскій языки, а достигши совершеннаго возраста, съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ древнимъ славяно-моравскимъ языкомъ сочиненныя и въ церкви употребительныя книги. Сверхъ того довольно знаетъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ, между духовенствомъ и между простымъ народомъ“ [2]). Потому-то голосъ Ломоносова и былъ такъ авторитетенъ въ этой области, и мы съ особеннымъ вниманіемъ должны разсмотрѣть его взгляды на русскій языкъ и на взаимное отношеніе входящихъ въ него элементовъ.

Прежде всего посмотримъ, какое понятіе Ломоносовъ имѣлъ „о преимуществахъ и красотѣ россійскаго языка“. Ужь у Татищева [3]) и Тредіаковскаго [4]) находимъ мы похвалы русскому языку. Но никто изъ русскихъ писателей XVIII вѣка не высказывался объ этомъ съ такимъ воодушевленіемъ, какъ Ломоносовъ. Такъ, уже въ 1739 году онъ писалъ:

„Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ“ [5]).

Въ 1755 году, въ „приношеніи“ къ „Грамматикѣ“ Ломоносовъ прямо ставитъ русскій языкъ выше всѣхъ другихъ:

„Въ немъ (можно найдти) великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность италіанскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка.... Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи“ [6]).

---

[1]) *Буслаевъ*, О преподаваніи отечественнаго языка, стр. 430, 434 и пр.

[2]) Матеріалы *Билярскаго*, 703.

[3]) Исторія Россійская, I, 493.

[4]) Сборникъ *Куника*, I, 13.

[5]) Соч. I, 542.

[6]) Тамъ же, III, 249 — 250.

Порошинъ былъ правъ, говоря объ этомъ „приношеніи“, что оно „весьма хорошо сложено и можетъ подать высокое мнѣніе о языкѣ россійскомъ и разжечь любовь къ россійскимъ музамъ“ [1]).

Имѣя такое высокое мнѣніе о достоинствахъ роднаго языка, Ломоносовъ прилагалъ большія заботы „о чистотѣ россійскаго языка“. Онъ былъ пуристомъ въ языкѣ, точно такъ же, какъ и всѣ болѣе разумные изъ его предшественниковъ, современниковъ и потомковъ. Уже Крижаничъ находилъ, что „совѣтно бы было во всемъ царству преповѣдать (запретить) иноязычныя рѣчи въ приказахъ, въ челобитьихъ, въ шерегахъ“: вмѣсто *рейтара* писать *коньникъ; солдатъ — пѣшецъ; маіоръ — первый сотникъ; капитанъ — главарь; витязь — ратникъ* [2]) и т. д. При Петрѣ Великомъ русскій языкъ запестрѣлъ варваризмами, въ которыхъ повинно само правительство, нерѣдко къ своимъ указамъ и регламентамъ прилагавшее особые словоуказатели, ибо безъ нихъ указы не могли быть понятны. Такъ напримѣръ, въ приложеніи къ „Уставу воинскому“ объясняются слова: *корволантъ* (легкій корпусъ), *квалитеты, ауторитетъ* (власть), *апшидъ* (отпускъ) и т. д. Крайность должна была возбудить реакцію, силу которой можно видѣть изъ того, что на сторону ея сталъ даже Тредіаковскій. Существуетъ цѣлая статья его „Слово о премудрости, благоразуміи и добродѣтели“, написанная, повидимому, съ спеціальной цѣлію представить образчикъ перевода на русскій языкъ философскихъ понятій въ родѣ слѣдующихъ: existentia—бытность, бытіе; substantia—существо; idea—понятіе; theoreticus — умозрительный; practicus — дѣятельный; subjectum — подлежащее; absolutum — самостоятельное; harmonia praestabilita — согласіе предуставленное; impressio — впечатлѣніе, и т. д. Вообще, надобно замѣтить, что переводъ Тредіаковскаго довольно удаченъ и во многихъ случаяхъ утвердился въ русской философской терминологіи. Сумароковъ тоже отстаивалъ чистоту языка въ стихахъ и прозѣ. Въ баснѣ „Порча языка“ онъ говоритъ:

„Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся
„И не вводи въ него
„Чужаго ничего,
„Но собственной своей красою украшайся“ [3]).

Въ сатирѣ его „о французскомъ языкѣ“ читаемъ:

---

[1]) Записки Порошина, 98.
[2]) Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка, I, 92.
[3]) Соч., VII, 163.

„Прекрасенъ нашъ языкъ единой старинои....
„И мода странъ чужихъ Россіи не законъ“ [1]).

Въ числѣ прозаическихъ статей Сумарокова есть замѣтки „объ истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“. Тутъ онъ прямо говоритъ: „Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка“ [2]). Это направлено противъ распространившейся въ царствованіе Елисаветы французоманіи, о которой Болтинъ замѣчаетъ:

„Въ царствованіе императрицы Елисаветы введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что̀ называется французскимъ; но... чуждыя тѣ слова *въ писаніе не были введены,* понеже употребляли ихъ по большей части люди *безграмотные*....“.

Самъ Шуваловъ не неповиненъ во французоманіи и высоко цѣнилъ похвалу Вольтера его совершенному знанію французскаго языка. Но Ломоносову дружба съ Шуваловымъ не помѣшала быть строгимъ пуристомъ словъ и формъ русскаго языка. Въ статьѣ „о чистотѣ россійскаго языка“ [3]) онъ предполагалъ говорить объ употребленіи иностранныхъ словъ [4]), называя введеніе ихъ въ русскій языкъ *злоупотребленіемъ* [5]). Ломоносовъ отмѣтилъ семь путей, которыми проникали въ нашъ языкъ варваризмы въ словахъ и выраженіяхъ: „1) съ первыми тремя князьями; 2) съ православною греческою вѣрою; 3) отъ владѣнія татарскаго; 4) отъ купечества съ Персами, Китайцами, Англичанами, Голландцами и пр.; 5) отъ введенія наукъ въ Россію въ царствованіе Петра Великаго; 6) чрезъ сообщество съ Поляками; 7) отъ пограничныхъ въ разныхъ мѣстахъ народовъ“ [6]). Къ первому разряду Ломоносовъ, неизвѣстно почему, причисляетъ слово *берлога* [7]), ко второму — *попъ, пономарь, риза.* Онъ предполагалъ особо писать „о превращеніяхъ греческихъ словъ на русскія“ [8]), и вообще замѣчаетъ, что „съ греческаго языка имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и словенскихъ, которыя для переводу книгъ сперва за нужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что будто-бы

---

[1]) Тамъ же, 369 — 370.
[2]) Соч., IX, 244.
[3]) *Пекарскій,* Дополн. изв., 90. Ср. Соч., I, 789.
[4]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 7.
[5]) Тамъ же, л. 18. Ср. въ «Риторикѣ» Ломоносова § 165.
[6]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 8.
[7]) Тамъ же.
[8]) Тамъ же, л. 12.

они сперва въ россійскомъ языкѣ родились“ [1]). Къ словамъ третьяго разряда, *татарскимъ*, Ломоносовъ причисляетъ слова: *караулъ*, *базаръ*, и пр. [2]). Пятый разрядъ составляютъ: а) галлицизмы: *чрезъ* вмѣсто *отъ* съ родительнымъ падежемъ [3]), *имѣю честь* [4]); b) германизмы: *винтъ*, *шурупъ*, *чижикъ* (Zeisig) и названіе нѣкоторыхъ другихъ птицъ, *конь* (Gaul), *находятся*, *въ пять часовъ*, *свѣжіе солдаты*, *свѣжій хлѣбъ* [5]). Шестой разрядъ — заимствованія изъ польскаго: „Новыя превосходныя, съ приложеніемъ *наи: наилучшій*, *наичистѣйшій*, россійскому слуху не пріятны“ („Грамматика“, § 216).

Мы не говоримъ здѣсь о томъ, что̀ сдѣлалъ Ломоносовъ для выработки русской терминологіи наукъ естественныхъ и словесныхъ. Его переводъ „Физики“ Вольфа и астрономической статьи Гейзіуса (1744 года), учебникъ металлургіи, съ прибавленіями, „Описаніе сѣверныхъ путешествій“ стоятъ многихъ спеціальныхъ словарей и статей по терминологіи. Въ параллель съ указанными выше попытками Тредіаковскаго и Сумарокова къ очищенію русскаго языка можно найдти и у Ломоносова подобныя замѣтки съ переложеніемъ иностранныхъ терминовъ: theoria — размышленіе; praxis — дѣйствіе; theoreticus — мысленный (у Тредіаковскаго болѣе удачно—*умозрительный)*; practicus — дѣйственный (у Тредіаковскаго *дѣятельный)*; phanaticus (phantasticus?) — мечтательный; imaginatio — мечтаніе (у Тредіаковскаго — *образованіе)*; *belles lettres*—словесныя науки [6]). Затѣмъ есть у Ломоносова и переводъ какъ будто *ботаническихъ* терминовъ: planta — изращеніе, arbor — дерево и т. д. [7]). Очевидно, что въ этомъ случаѣ Ломоносовъ дѣйствовалъ совершенно наперекоръ стремленію, можетъ-быть, невольному и въ свое время необходимому, Петра, наводнившаго русскій даже офиціальный языкъ множествомъ варваризмовъ. Но замѣчательно, что во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова ни разу не встрѣ-

---

[1]) Тамъ же, л. 4. Ср. въ разсужденіи «о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ» (Соч., I, 528).

[2]) Такъ, въ «Грамматикѣ», § 188, сказано: «Вычитаются нѣкоторыя *татарскія* и другія иностранныя (слова): на *караулъ*, на *базаръ*, на *пикетъ*, въ *кармазинъ*».

[3]) «Предлогъ *чрезъ* хотя въ недавнихъ временахъ введенъ былъ вмѣсто *отъ*, однако намъ то не свойственное и со французскаго языка принужденное употребленіе» («Грамматика», § 509).

[4]) Рукопись Ак. Н. № 112, л. 18.

[5]) Тамъ же, лл. 19, 14, 18.

[6]) Тамъ же, л. 22.

[7]) Тамъ же, л. 149.

чается упрека Петру за его преувеличенное пристрастіе къ иноземной стихіи въ языкѣ, наукѣ и администраціи, не встрѣчается не потому, чтобы Ломоносовъ это одобрялъ или не замѣчалъ, а потому что по взгляду Ломоносова, слово одновременно понятію, лексикологическое богатство языка развивается вмѣстѣ съ развитіемъ народа („Грамматика", § 51), и притомъ внутреннимъ ростомъ или внѣшнимъ наносомъ, смотря потому, развилось ли понятіе органическимъ процессомъ жизни, или навязано извнѣ путемъ заимствованія. Но такъ какъ образованность народовъ очень часто двигается и направляется толчками извнѣ, то по мнѣнію Ломоносова, и заимствованія въ языкѣ — дѣло не личнаго произвола, а почти исторической необходимости; конечно, народъ, усвоивая со временемъ принесенную къ нему изчужа мысль, облекаетъ ее въ своеобразную форму, творитъ для нея слово; но это не всегда случается: остается много формъ чуждыхъ, которыя однако „чрезъ долготу времени... входятъ въ обычай..., и то, что̀ предкамъ было невразумительно, потомъ становится пріятно и полезно" [1]). Потому-то Ломоносовъ, вмѣсто безполезныхъ, часто несправедливыхъ, упрековъ одному лицу за то, въ чемъ повиненъ весь народъ, предпочиталъ, популяризуя понятія, облекать ихъ въ народную форму, создавая, сообразно съ духомъ народнаго языка, новыя слова, которыя и вошли въ русскую науку и литературу какъ-бы въ доказательство того, что Ломоносовъ, дѣйствительно, „умѣлъ въ свойство русскаго языка". Но онъ свободенъ и отъ упрековъ въ неумѣренномъ пуризмѣ, свойственномъ тѣмъ писателямъ, которые, изгоняя все, принятое изчужа, хотябъ оно совершенно сжилось съ народомъ, вошло въ домашній бытъ и семью, не останавливаются предъ искусственнымъ словокованіемъ и самовольно сочиняютъ условный языкъ, невсегда понятный даже самимъ творцамъ его. У Ломоносова найдутся и иностранныя слова, потому что онъ не задавался отвлеченными принципами, а примѣнялся къ требованіямъ жизни, къ обыденному употребленію: оттого его реформа не страдаетъ тою книжною искусственностію, которою можно характеризовать, напримѣръ, теперешній чешскій литературный языкъ. Съ другой стороны, создавая изъ русскаго языка органъ науки и литературы, Ломоносовъ долженъ былъ искать для него почвы исторической; онъ хотѣлъ найдти звено, которое хотя внѣшнимъ образомъ связало бы новозараждающуюся литературу съ древне-русскою письменностію, довольно богатою и разнообразною,

[1]) Соч., I, 528.

цѣнимую имъ тѣмъ болѣе, что она поглотила въ себя, хотя въ незначительной степени, элементы литературы классической, чрезъ посредство отцевъ церкви и византійскихъ хронографовъ. Эту историческую почву и связующее звено Ломоносовъ находилъ въ языкѣ *церковно-славянскомъ*. Такъ какъ вопросъ о сущности языка Ломоносова сводится къ опредѣленію отношенія составныхъ его элементовъ — языковъ *церковно-славянскаго* и *простонароднаго русскаго*, то намъ необходимо разсмотрѣть и собственный взглядъ Ломоносова на этотъ предметъ, въ связи со взглядами его предшественниковъ и современниковъ.

Сохранилось отъ первой половины XVI вѣка любопытное мнѣніе одного русскаго писателя объ отношеніи книжной рѣчи къ народной. Разумѣемъ инока Зиновія Отенскаго, одного изъ учениковъ Максима Грека и автора полемической противъ еретиковъ книги „Показаніе истины“. „Я думаю“,—писалъ этотъ ученый монахъ,—„что это лукавое умышленіе христоборцевъ или людей грубыхъ смысломъ—возводитъ въ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей, тогда какъ по моему приличнѣе книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными обезчещивать“ [1]). Изъ этихъ словъ видно, что уже въ XVI вѣкѣ высказывалось у насъ мнѣніе о превосходствѣ книжнаго языка надъ народнымъ. Этотъ взглядъ раздѣлялъ и Смотрицкій, считавшій свой славянскій языкъ не только церковнымъ, но и литературнымъ органомъ, нормальнымъ русскимъ языкомъ, до котораго долженъ возвышаться языкъ народный. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ: „Времена преходящее, прешедшее, мимошедшее и непредѣлное, наклоненія сего изъявительнаго *россійска иногда языка навыкомъ* дѣйствительнѣ и страдательнѣ произносима быти обрѣтаемъ..., яко: челъ есмь... чли суть. Обаче нынѣ не употребляется, *славенску на лучшее Божіею помощію произходящу*“ [2]). Нерѣдко говоритъ Смотрицкій о діалектѣ малороссійскомъ [3]), но кажется, онъ смѣшивалъ его съ польскимъ, называя малороссійскими слова: *ижъ, абовѣмъ, гдыжъ, якъ бардзо* [4]) и приводя даже слѣдующую фразу, будто-бы на малороссійскомъ нарѣчіи: „Тамуй языкъ свой отъ злого, и уста твои нехай не мовятъ зрады“ [5]).

[1]) *Галаховъ*, Исторія Русской Словесности, I, 128.

[2]) Грамматика Смотрицкаго, л. 118.

[3]) Тамъ же, л. 85.

[4]) Тамъ же, л. 190.

[5]) Тамъ же, л. 221, то-есть:

Tamuj język twój od złego, i usta twoje niechaj nie mówią zdrady.

Такъ было до времени Петра. При немъ произошла значительная перемѣна: не одни бояре и боярыни, но и буквы — говоря языкомъ Ломоносова — сбросили съ себя свои широкія шубы, какія они носятъ въ славянскихъ книгахъ, и нарядились въ лѣтнее платье, какъ они являются въ гражданской печати [1]). Измѣненіе не ограничилось азбукою: преобразовательное движеніе обняло весь строй языка, и самъ царь одинъ изъ первыхъ сталъ писать уже по-русски, вмѣсто отвергнутаго книжнаго славянскаго. Оттого-то Тредіаковскій и имѣлъ право сказать, что совершеннѣйшій сталъ „въ Петровы лѣта языкъ, нежели въ прежде его бывшія“ [2]). Но теоретическое отдѣленіе языка русскаго отъ церковно-славянскаго совершилось еще раньше Петра. Еще въ концѣ XVII вѣка Генрихъ-Вильгельмъ Лудольфъ свидѣтельствовалъ, что у Русскихъ считается правиломъ: говорить по-русски, а писать по-славянски, и издалъ (въ Оксфордѣ) первую грамматику русскаго разговорнаго языка [3]).

Въ грамматикѣ Адодурова (1731 года) говорится между прочимъ, что „нынѣ всякій славянизмъ, особливо въ склоненіяхъ, изгоняется изъ русскаго языка“ [4]). Почти въ то же время (1730 г.) вышла „Ѣзда въ островъ любви“ Тредіаковскаго, который „оную не славянскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то-есть, каковымъ мы межь собою говоримъ“. Главная причина этому заключалась въ томъ, что „языкъ славянскій — по объясненію Тредіаковскаго нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми“ [5]). Хотя Тредіаковскій проситъ прощенія за эту дерзость, но самая попытка писать разговорнымъ языкомъ показываетъ существованіе новыхъ взглядовъ и потребностей. Тотъ же Тредіаковскій, можетъ-быть, первый изъ литераторовъ (въ 1751 году), рѣшился, хотя тоже съ оговорками и извиненіями, привести нѣсколько стиховъ изъ народныхъ пѣсенъ, и на основаніи ихъ дѣлать теоретическіе выводы и извлекать изъ нихъ правила русскаго стихосложенія. „Прошу читателя — говоритъ онъ — „не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ, но коренныхъ стиховъ: дѣлаю я сіе токмо

[1]) Судъ россійскихъ письменъ въ *Москвитянинѣ* 1852 г., № 10, стр. 2.
[2]) Сборникъ *Куника*, I, 13.
[3]) *Уч. Записки II-го Отдѣленія Акад. Наукъ*, III, отд. I, стр. XIV.
[4]) *Weissman's* Lexicon, 26.
[5]) Соч. Тредіаковскаго, III, 649—650.

въ показаніе примѣра“ [1]). Какъ глубоки были предразсудки противъ „подлыхъ стихотворцевъ и матерій“, видно изъ того, что и извиненіе не избавило Тредіаковскаго отъ нареканій, и онъ жаловался, что „суетно строптивые люди зазираютъ неосновательно, ежели кто народную старинную пѣсню приведетъ токмо во свидѣтельство на письмѣ, хотя и съ извиненіемъ въ необходимости, о первоначальномъ нашемъ стихосложеніи“ [2]). Какой же языкъ признаетъ Тредіаковскій нормою русской литературой рѣчи? Языкъ *двора*, благоразумнѣйшихъ *министровъ* и премудрѣйшихъ *священноначальниковъ* и знатнѣйшаго *дворянства* [3]). Въ этомъ случаѣ Тредіаковскій является вѣрнымъ ученикомъ современныхъ ему Французовъ, принимавшихъ языкъ Версаля нормою французскаго языка. Тѣмъ страннѣе для насъ, послѣ всего вышеизложеннаго, слышать изъ устъ Тредіаковскаго слѣдующее (въ одномъ изъ его сатирическихъ стихотвореній, обращенномъ къ Сумарокову, но относящемся собственно къ Ломоносову):

„У Нѣмцевъ то не такъ, ни у Французовъ тожь,
„Имъ нравенъ тотъ языкъ, кой съ общимъ самымъ схожъ,
„Но нашей чистотѣ вся мѣра есть словенскій,
„Не щегольковъ, ниже и грубый деревенскій“.

Языкъ разговорный Тредіаковскій называетъ въ этомъ стихотвореніи „ямщичьимъ здоромъ или мужицкимъ бредомъ“, а образцомъ рѣчи ставитъ языкъ славянскій:

„Не *голосъ* чтется тамъ, но сладостнѣйшій *гласъ;*
„Читаютъ *око* всѣ, хоть говорятъ всѣ *глазъ;*
„Не *лобъ* тамъ, но *чело;* не *щеки,* но *ланиты;*
„Не *губы* и не ротъ, *уста* тамъ багряниты;
„Не *нынь* тамъ и не *валъ,* но *нынь* и *волна:*
„Священна книга вся сихъ нѣжностей полна“.

О защитникѣ же разговорнаго языка Тредіаковскій говоритъ здѣсь, что онъ

„Священныхъ книгъ отнюдь, какъ видно, не читаетъ;
„За образецъ ему въ письмѣ народный рядъ,
„На площади беретъ прегнусно свой нарядъ,
„Не зная, что писать у насъ, на свѣтѣ, есть иное,
„А просто говорить по дружески,—другое“ [4]).

---

[1]) Тамъ же, I, 194.
[2]) Тамъ же, 761.
[3]) Сборникъ *Куника,* I, 14.
[4]) *Библіографическія Записки* 1859 г., ст. 518—519.

Но непослѣдовательность Тредіаковскаго не должна удивлять насъ. Литературныя понятія въ его время еще не установились, и противники, часто сами того не замѣчая, мѣнялись лагерями, не переставая перестрѣливаться. Такъ и Сумароковъ въ одномъ случаѣ (въ статьѣ своей „о правописаніи“) сожалѣетъ, что русскій языкъ постепенно теряетъ прекрасныя формы языка славянскаго, въ родѣ *видѣхъ, видѣ* [1]), въ другомъ (въ той же статьѣ) бранитъ Ломоносова за то, что онъ ввелъ въ свою „Грамматику“ много провинціализмовъ [2]), и въ третьемъ наконецъ (въ „отвѣтѣ на критику“ Тредіаковскаго) доказываетъ преимущества *опять* предъ *паки*, представляя слѣдующіе, напримѣръ, доводы:

„Прилично ли положить въ ротъ дѣвицѣ семнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ *паки?* А *опять*—слово совершенно употребительное, и ежели не писать *опять* за *паки*, такъ и *который, которая, которое* надобно отставить и вмѣсто того употреблять, къ превеликому себѣ посмѣшеству, не употребительныя нынѣ слова *иже, яже* и *еже*, которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ и очень будутъ дурны не только въ любовныхъ, но и въ геройскихъ разговорахъ“ [3]).

Сумароковъ „общее употребленіе за уставъ себѣ почитаетъ“, а „Тредіаковскій“ — по мнѣнію Сумарокова — „сдѣлалъ себѣ правила, отмѣнныя отъ всего общества, и только самъ имъ слѣдуетъ“ [4]). Мы остановились на этомъ отчасти и потому, что существуетъ мнѣніе, что Сумароковъ былъ противникомъ народнаго языка, а Тредіаковскій — его поборникомъ [5]).

Какое же положеніе занялъ въ этомъ спорѣ Ломоносовъ? Прежде всего, вопреки Тредіаковскому, онъ положительно отдѣлилъ славянскій языкъ отъ древне русскаго и называлъ послѣдній, въ противоположность церковному, „гражданскимъ“, сохранившимся „въ печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ, Великороссіянами сочиненныхъ, каковы суть Уложеніе, указныя книги и другія печатныя и письменныя права и указы“ [6]). При другомъ случаѣ Ломоносовъ говоритъ еще опредѣленнѣе:

„Онъ (то-есть, Шлецеръ) по истинѣ не знаетъ, сколько рѣчи, въ россій-

---

[1]) Соч. Сумарокова, X, 23.
[2]) Тамъ же, 7; ср. 38.
[3]) Тамъ же, 198.
[4]) Тамъ же.
[5]) *Буслаевъ*, О преподаваніи отеч. яз., 358.
[6]) *Пекарскій*, Доп. Изв., 117.

скихъ лѣтописяхъ находящіяся, разнятся отъ древняго моравскаго языка, на который переведено прежде Священное Писаніе; ибо тогда россійскій діалектъ былъ другой, какъ видно изъ древнихъ рѣченій въ Несторѣ, каковы находятся въ договорахъ первыхъ россійскихъ князей съ царями греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, „Правда Русская“ называемые; также прочія историческія книги, въ которыхъ употребительныя рѣчи въ Библіи и въ другихъ церковныхъ книгахъ, конхъ премного, по большей части не находятся, иностраннымъ мало знаемы“ [1]).

Итакъ, по понятію Ломоносова, древнерусскій языкъ былъ очень различенъ отъ церковно-славянскаго. Далѣе Ломоносовъ полагалъ, что „славянскій языкъ отъ великороссійскаго ничѣмъ столько не разнится, какъ окончаніями рѣченій. Напримѣръ, по славянски, единственные прилагательные мужескіе именительные падежи кончатся на *ый* и *ій*, (*богатый, старшій, синій*), а по великороссійски кончатся на *ой* и *ей* (*богатой, старшей, синей*); по славянски — *сыновдмъ, дълдмъ, рꙋцѣ, мене, пихомъ, кланяхуся*, по великороссійски—*сыновьямъ, дѣламъ, руки, меня*, (мы) *пили*, (они) *кланялись*“ [2]). Въ „Грамматикѣ“ Ломоносова отмѣчены нѣкоторые славянизмы въ формахъ и сочиненіи словъ, въ противоположность соотвѣтствующимъ русизмамъ: говорится, напримѣръ, что въ русскомъ языкѣ только тѣ глаголы могутъ имѣть причастіе на *щій* и *мый*, которые были въ употребленіи и у Славянъ (§§ 343, 442, 444, 453); и наоборотъ, что дѣепричастіе на *ючи* употребительнѣе „у точныхъ россійскихъ глаголовъ“, а дѣепричастіе на *я*—у глаголовъ, происходящихъ изъ славянскаго языка (§ 356). Кромѣ того Ломоносовъ полагаетъ, что причастіе, съ окончаніемъ *щійся*, болѣе употребительно въ глаголахъ славянскихъ (§ 450), а усѣченное, съ окончаніемъ на *нъ*, въ россійскихъ (§ 448). Есть у него еще замѣчаніе, что „славянскія рѣченія больше позволяютъ употребленіе возвратныхъ (глаголовъ) вмѣсто страдательныхъ“ (§ 512); высказывается сожалѣніе о томъ, что „изъ обычая и употребленія вышла форма дательнаго самостоятельнаго“ (§ 533), и приводится въ видѣ славянизма форма родительнаго восклицательнаго: *о, чуднаго промысла!* (§ 570). Но по мнѣнію Ломоносова [3]), „разность славянскаго языка съ россійскимъ“ не ограничивается грамматическими формами и различіями фонетическими; она отражается и въ лексикологическомъ составѣ обоихъ языковъ. Ломоносовъ имѣлъ даже въ виду „отмѣтить старыя слова россійскія церковныя“ въ противоположность „новымъ или

[1]) Матеріалы *Билярскаго*, 704.

[2]) *Пекарскій*, Доп. изв., 116.

[3]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 23.

гражданскимъ словамъ россійскимъ“ [1]): отъ преобладающаго участія тѣхъ или другихъ происходитъ, по его мнѣнію, стилистическое различіе въ русской рѣчи. Болѣе опредѣлительно эта мысль развита въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ“. Изъ этой статьи Ломоносова видно, что въ особенномъ отношеніи русскаго языка къ церковно-славянскому онъ полагаетъ великое преимущество русскаго языка предъ языками родственными: вслѣдствіе того русскій языкъ становится наслѣдникомъ богатства классическаго языка Гомера, Пиндара и Златоуста; тамъ же можетъ почерпнуть онъ необходимую гибкость выраженія и обиліе словъ и оборотовъ. Ломоносовъ справедливо полагаетъ, что переводы — лучшая школа языка, въ которой крѣпнетъ его синтаксисъ и развивается этимологія. Замѣчательно, что въ послѣдствіи Болтинъ употребилъ тотъ же пріемъ для доказательства высокаго достоинства церковно-славянскаго языка:

„Еслибъ онъ былъ бѣденъ, то бы не могли быть переведены съ греческаго языка на славянскій столько твореній знаменитѣйшихъ отцевъ Восточныя церкви, изъ коихъ вся *красота, пышность, чистота и великолѣпіе* еллинскаго витійства, и безъ заимства словъ чуждыхъ, перенесены въ языкъ славянскій, и на ономъ поднесь чтутся не съ меньшею ясностію, услажденіемъ и удивленіемъ, яко и на греческомъ“ [2]).

Ломоносовъ считаетъ церковный языкъ какъ-бы уравнительнымъ маятникомъ, который своимъ вліяніемъ сближаетъ расходящіяся діалектическія формы и задерживаетъ слишкомъ быструю измѣнчивость языка живаго: благодаря этому обстоятельству языки Славянъ православныхъ сохраняютъ наибольшую близость между собою и древній видъ: современному Русскому понятенъ языкъ „Русской Правды“ и Нестора [3]). Какъ языкъ церкви и органъ богатой литературы, съ выработанными и установившимися формами, церковно-славянскій языкъ представляется Ломоносову выше едва зарождающагося новаго литературнаго русскаго языка. Правда, что и древнерусскій языкъ имѣлъ нѣкоторую литературную обработку, но она ограничивалась лѣтописями и юридическими памятниками, не возвышаясь до изложенія наукъ отвлеченныхъ, гдѣ церковный языкъ перебилъ ему дорогу. Но такъ какъ, по взгляду Ломоносова, слово и мысль не раздѣльны, то и самыя слова церковно-славянскія получали нѣкоторое освященіе и высоту [4]).

---

[1]) Тамъ же, л. 8.

[2]) Примѣчаніе на исторію Леклерка, II, 29.

[3]) Соч., I, 532.

[4]) Тамъ же, 533.

Понятно поэтому, что когда Ломоносовъ обратился къ Аристотелевскому и Квинтиліановскому различенію *трехъ* родовъ слога („трехъ штилей"), то онъ воспользовался этимъ исключительнымъ положеніемъ русскаго языка, въ которомъ онъ видѣлъ большое его преимущество, и на немъ основалъ свое стилистическое ученіе. Уже съ этою мыслію писалъ Ломоносовъ свою „Грамматику", и въ ней можно собрать черты, которыя совершенно приближаются къ его разсужденію „о пользѣ книгъ церковныхъ". Послѣднее же представляетъ, безъ сомнѣнія, трактатъ на тему „плана" — „о чтеніи книгъ старинныхъ" [1]) или упомянутое въ рукописи Академіи Наукъ, № 112, разсужденіе „о штилѣ и употребленіи словъ и склоненій" [2]). Трудно сказать, сразу ли принялъ Ломоносовъ ученіе о трехъ штиляхъ: повидимому, онъ колебался между историческимъ раздѣленіемъ русскаго языка на старинный и новѣйшій, съ одной стороны, и раздѣленіемъ по характеру излагаемаго содержанія, съ другой. По крайней мѣрѣ, нѣкоторый намекъ на это даютъ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: „О старинныхъ штиляхъ; штиль риторическій, піитическій, историческій, дидактическій и простой" [3]). Принимая же въ послѣдствіи три штиля, Ломоносовъ повторялъ только старое ученіе Кіевскихъ риторовъ о трехъ *родахъ глаголанія: смиренномъ*, который учитъ читателя, *среднемъ*, который увеселяетъ его, и *высокомъ*, который возбуждаетъ его [4]). Ново у Ломоносова то, что онъ принялъ славянскій языкъ за стихію, своимъ участіемъ или отсутствіемъ различающую три штиля — *высокій, средній* и *низкій*. („Штиль высокій" — говоритъ онъ — „къ славянскому клонится"; см. „Грамматику", § 190). При этомъ принимаются въ разчетъ не одни слова, но и формы. Разсужденіе „о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ" указываетъ на формы причастныя и дѣепричастныя [5]). То же говорится и въ „Грамматикѣ" (§§ 215, 346 и 444). Кромѣ того, въ „Грамматикѣ" и въ рукописи Академіи Наукъ, № 112, находятся еще слѣдующія замѣчанія о выраженіяхъ, приличныхъ разнымъ штилямъ. „Въ штилѣ высокомъ" предложный падежъ предпочтительнѣе оканчивать на *ѣ*, а не на *у* (§ 190). Въ „важныхъ матеріяхъ" говорится *первый-*

[1]) Тамъ же, 789.

[2]) Л. 11. Ср. тамъ же, л. 7: «о церковно-славянскомъ языкѣ и о нашемъ, что̀ оттуда брать и какъ».

[3]) Тамъ же, лл. 8 и 9.

[4]) Риторика конца XVII вѣка (послѣ 1696 года), рукопись Имп. Публичной Библіотеки, № 1663.

[5]) Соч., I, 531.

надесять, вторыйнадесять и проч., а не *одинадцатый, двьнадцатый* (§ 259). *Ее* въ просторѣчіи, *ея* въ штилѣ употреблять пристойнѣе (§ 436). *Сей* употребляется въ простыхъ разговорахъ только въ косвенныхъ падежахъ въ знаменованіи только времени и мѣста: *на сихъ дняхъ, на семъ мѣстѣ* [1]). *Есть* (связка) рѣдко изображается, особенно въ обыкновенномъ штилѣ и въ разговорахъ („Грамматика", § 518). Въ высокихъ стихахъ можно принять дательный самостоятельный (§ 533). Опущеніе личныхъ мѣстоименій „къ украшенію и важности служитъ" (§ 537).

Хотя все это ученіе изложено догматически, и не видно причинъ, почему штилей именно три, а не два или четыре, но мы готовы найдти оправданіе тому значенію въ русскомъ языкѣ стихіи церковно-славянской, которое приписываетъ ей Ломоносовъ, имѣя въ виду, что именно здѣсь онъ находитъ противовѣсъ вліяніямъ языковъ иностранныхъ: „Этимъ отвратятся дикія и странныя нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ" [2]). Архаизмъ, по его понятію, возвращаетъ только потерянное богатство; варваризмы же навязываютъ духу языка чуждое; при живой связи слова съ мыслію и языка съ народомъ, какъ это представлялъ себѣ Ломоносовъ, „съ паденіемъ языка, безъ искусныхъ въ немъ писателей, затмится слава всего народа" [3]). Такимъ образомъ варваризмы были для Ломоносова свидѣтелями народнаго рабства, а архаизмы могли связать настоящее съ прошедшимъ и породнить поколѣнія, раздѣленныя многими вѣками. Наконецъ, церковно-славянскій языкъ представлялся Ломоносову тою этимологическою подкладкою, которая даетъ устой и основаніе грамматическимъ правиламъ: начертаніе слова въ языкѣ церковно-славянскомъ положено Ломоносовымъ въ основаніе русской орѳографіи, потому что только тамъ находятъ свое единство діалектическія различія, такъ что безъ знанія церковно-славянскаго языка нельзя научиться даже правильному употребленію *ъ* и *о* (вмѣсто *о* и *е*) [4]). Ломоносовъ прямо утверждаетъ, что „тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ" („Грамматика", § 115), а потому настойчиво совѣтуетъ „прилежно учиться россійской грамотѣ и читать книги церковныя, безъ чего и во всемъ россійскомъ словѣ никто

---

[1]) Рукопись Ак. Н., л. 112, л. 8.
[2]) Соч., I, 533.
[3]) Тамъ же, I, 534.
[4]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 105.

твердъ и силенъ быть не можетъ" (тамъ же, § 116; ср. § 343). Въ разсужденіи „о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ" также сказано:

„Всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отчего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка, купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова, нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется, и россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ" [1]).

И въ „Риторикѣ" (§ 165) Ломоносовъ говоритъ: „Что до чтенія книгъ надлежитъ, то предъ прочими совѣтую держаться книгъ церковныхъ (для изобилія реченій, не для чистоты, отъ, которыхъ чувствую себѣ немалую пользу".

Ясно однако, что по понятіямъ Ломоносова, церковно-славянскій языкъ въ образованіи русскаго литературнаго языка можетъ имѣть участіе только *вспомогательное*. Но гдѣ же, въ такомъ случаѣ, главный матеріалъ, изъ котораго долженъ быть созданъ русскій литературный языкъ? По мнѣнію Ломоносова, такая роль должна принадлежать языку русскому народному. Онъ носитъ у Ломоносова разныя названія и опредѣленія, а именно: 1) *подлыя* слова [2]), 2) слова *простонародныя* [3]), 3) слова *новыя* или *гражданскія* [4]), 4) слова *обыкновенныя россійскія* (въ противоположность славянскимъ; см. въ „Грамматикѣ", § 453), 5) *простые разговоры* (§ 343), 6) *простой россійскій языкъ* (§ 427), 7) *просторѣчіе* (§ 560). Подъ просторѣчіемъ, или разговорнымъ языкомъ, Ломоносовъ понималъ языкъ не одного какого сословія или одной мѣстности, не двора (какъ Тредіаковскій) и не

[1]) Соч., I, 532, 533.

[2]) Соч., I, 533; ср. въ «Грамматикѣ», § 343.

[3]) Соч., I, 789.

[4]) Тамъ же.

Москвы (какъ Сумароковъ), а русскій языкъ во всемъ его діалектическомъ разнообразіи, которое онъ подводилъ къ тремъ групамъ, признавая въ немъ „діалекты 1) Московскій, 2) сѣверный или поморскій и 3) украинскій или малороссійскій“ [1]). Одно изъ трехъ этихъ нарѣчій было природнымъ языкомъ Ломоносова; съ другимъ онъ ознакомился въ пятилѣтнюю свою бытность въ Москвѣ; третье слышалъ въ Кіевѣ, гдѣ провелъ болѣе полугода; поэтому мы можемъ вѣрить словамъ Ломоносова, что онъ „довольно зналъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней имперіи“ [2]) и могъ говорить о нихъ, какъ знатокъ.

„Московскій діалектъ“—по словамъ Ломоносова—„главный и при дворѣ и дворянствѣ употребительный, а особливо въ городахъ, близь Москвы лежащихъ... Поморскій нѣсколько склоненъ ближе къ старому славянскому и великую часть Россіи занялъ... Малороссійскій больше всѣхъ отличенъ и смѣшенъ съ польскимъ“ [3]).

Въ возраженіи Тредіаковскому объ окончаніяхъ прилагательныхъ Ломоносовъ тоже говоритъ о малороссійскомъ нарѣчіи, что „хотя сей діалектъ съ нашимъ очень сходенъ, однако его удареніе, произношеніе и окончаніе реченій отъ сосѣдства съ Поляками и отъ долговременной бытности подъ ихъ властію много отмѣнились, или прямо сказать, попортились“ [4]). Изъ болѣе частныхъ діалектическихъ отличій Ломоносовъ отмѣтилъ только, что „Московскіе уроженцы часто ошибочно пишутъ *а* вмѣсто *о*“ („Грамматика“, § 115), а „Малороссіяне и въ просторѣчіи явственно различаютъ *е* отъ *ѣ*“ (§ 118). Кромѣ того, въ „Грамматикѣ“ своей Ломоносовъ отмѣтилъ слѣдующіе провинціализмы: 1) произношеніе *ъ* за *ь* въ 3-емъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени: *твердитъ* = *твердитъ* (§ 120); 2) усѣченное повелительное для выраженія скораго дѣйствія: *брякъ, хватъ, совъ* (§ 427); 3) повтореніе предлоговъ „въ простыхъ пѣсняхъ“: *на горы на высокой; по морю по синему* (§ 560); 4) употребленіе междометій съ падежами—дательнымъ: *исполать молодцу!* (§ 567) и звательнымъ: *цыцъ ты! не лай!* (§ 568); 5) употребленіе *сй* вмѣсто *ій* въ окончаніяхъ прилагательныхъ (§§ 161 и др.) и 6) окончаніе сравнительной степени на *яе: блёкляе, свѣтляе,* (§ 218). Послѣдніе два провинціализма принадлежатъ поморскому нарѣчію. За эти провинціализмы главнымъ образомъ Сумароковъ и назвалъ „Грамматику“ Ломоносова Холмо-

[1]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 8; «Грамматика», § 112.
[2]) Матеріалы *Билярскаю,* 703.
[3]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 8.
[4]) *Пекарскій,* Доп. изв., 117.

горскою, а не Московскою: „Онъ“ — говоритъ Сумароковъ — „Московское нарѣчіе въ Холмогорское превратилъ, (отъ чего) вошло въ нее (въ „Грамматику“) много порчи языка; напримѣръ, вмѣсто *лутчій, лутчей* [1])... Г. Ломоносовъ въ нѣкоторыхъ... словахъ ввелъ провинціальное произношеніе...; что̀ г. Ломоносову, яко провинціальному уроженцу, простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ“ [2]). Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ Ломоносовъ оказывалъ нѣкоторое пристрастіе къ языку своей родины; можетъ-быть, не безъ умысла въ одномъ изъ плановъ для филологическихъ розысканій прежде всего онъ поставилъ: „діалектъ сѣверный“, потомъ „штиль“ и т. д. Онъ называлъ свой діалектъ ближайшимъ къ старому языку, но неизвѣстно, какой думалъ онъ сдѣлать изъ этого выводъ. Онъ не настаивалъ на провинціальныхъ формахъ; поставляя, напримѣръ, рядомъ формы сравнительной степени на *яе* и *ъе*, онъ прибавляетъ, что послѣднее „равное или лучшее достоинство имѣетъ“ („Грамматика“, § 218), хотя въ своихъ сочиненіяхъ онъ, очевидно, склоняется къ первому. Въ одной замѣткѣ онъ высказываетъ даже предпочтеніе къ Московскому нарѣчію: „Московское нарѣчіе не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы *о* безъ ударенія, какъ *а*, много пріятнѣе“ (§ 115). Заимствуя формы изъ другихъ нарѣчій, Ломоносовъ хотѣлъ только показать, что нарѣчіе Московское не есть норма русскаго языка, что въ образованіи его должны принять участіе и другіе мѣстные діалекты, подчиняясь въ спорныхъ вопросахъ авторитету, равно для всѣхъ обязательному, языка церковнославянскаго. Въ этомъ отношеніи стремленія Ломоносова не совсѣмъ еще исполнились, и русскій литературный языкъ, даже послѣ Пушкина, все еще ниже народнаго по отношенію къ лексикологическому богатству и грамматической гибкости.

Трудно сказать, что̀ разумѣлъ Ломоносовъ подъ выраженіемъ „плана“ — „о новыхъ россійскихъ рѣченіяхъ“ [3]); въ рукописи Академіи Наукъ, № 112, встрѣчаются два выраженія, подобныя вышеприведен-

---

[1]) Соч. Сумарокова, X, 38.

[2]) Тамъ же, 7. Не совсѣмъ вѣрно замѣчаніе г. Буслаева (О препод. отеч. языка, 358), будто Сумароковъ поноситъ Ломоносова именно за то, что онъ обратилъ вниманіе на языкъ народный. Сумароковъ принималъ Московское нарѣчіе нормою русскаго языка и укоряетъ Ломоносова только въ «холмогоризмахъ». Впрочемъ, выше мы видѣли уже взглядъ Сумарокова на народный языкъ.

[3]) Соч., I, 789.

ному: „о новыхъ или гражданскихъ словахъ русскихъ“ [1]) и „о нѣкоторыхъ свойственныхъ россійскихъ пословіяхъ“ [2]). Не предполагалъ ли онъ подъ этимъ заглавіемъ говорить о словахъ языка народнаго или о новообразуемой русской научной терминологіи? Или можетъ-быть, подъ „россійскими пословіями“ онъ разумѣлъ особенности народной фразеологіи, для которой въ сейчасъ указанной рукописи разсѣяно много черноваго матеріала [3]).

Не менѣе загадочно и то, что̀ думалъ сказать Ломоносовъ въ статьѣ „о переводахъ“ [4]). Можетъ-быть, для этого отдѣла своихъ филологическихъ изслѣдованій онъ собиралъ матеріалы, которые отчасти уже разсмотрѣны нами выше подъ рубрикой „о чистотѣ русскаго языка“. Въ Академической рукописи, № 112, листъ 2-й представляетъ какъ-будто опытъ перевода перешедшихъ въ русскій языкъ иностранныхъ словъ: *теорія*, *практика*, *фанатикъ*, *иллюзіи магическія*, и т. д. Не для этой ли цѣли дѣлалъ Ломоносовъ попытки переложенія латинской миѳологіи на языкъ русскихъ народныхъ повѣрій въ родѣ слѣдующаго: Юпитеръ — Перунъ, Церера — Полудница, Юнона — Коляда, Нептунъ — Царь морской, Венера — Лада [5]).

Для изслѣдователя народной миѳологіи могутъ имѣть интересъ нѣсколько замѣтокъ Ломоносова, предназначившихся, вѣроятно, для разсужденія „о синонимахъ“. Въ одной изъ нихъ прiискано до пятнад-

---

[1]) Л. 8.

[2]) Л. 105.

[3]) Лл. 7, 12, 20, 23, 46, 112, 149.

[4]) Соч., I, 789.

[5]) Рукопись Ак. Н., № 112, л. 149. Эти сближенія вошли отчасти въ изложеніе русской исторіи, въ главу «о княженіи Владиміровомъ прежде крещенія» (соч. III, 194—197). Въ старинномъ чешскомъ глоссаріѣ «Mater verborum» также есть попытка переводить имена классическихъ боговъ на славянскій языкъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ Ломоносовъ сошелся съ авторомъ глоссарія, какъ напримѣръ: Lada — Venus, Perun — Jupiter. Другія слова переведены различно: Полудница, у Ломоносова — Церера, въ глоссаріѣ — Driades, а Церера названа здѣсь Siva = Жива (ср. *Буслаева*, О преподаваніи отечественнаго языка, 441). Замѣчательно, что у Ломоносова между миѳическими существами Шиликунъ и Яга-баба помѣщено слово *Здунай*, которое упомянуто и въ исторіи, но въ смыслѣ историческаго свидѣтельства о древности поселенія Славянъ на Дунаѣ и о боготвореніи ими рѣкъ (Соч. III, 196). Тредіаковскій тоже говоритъ, что «понынѣ еще можно слышать въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ подлаго народа слова: *здунпай*, *найна*, *здуни*», но онъ называетъ ихъ «ничего не значущими» и сопоставляетъ съ употреблявшимися въ церковномъ пѣніи «незнаменительными словами»: *ай*, *иснай*, *аии*, *ну*, *упаии* (Соч. Тредіаковскаго, I, 759).

цати синонимовъ для понятія *чары* [1]), въ другой — до двадцати синонимовъ злаго духа въ разныхъ видахъ: *лѣшій, полудница* и т. д. [2]). При этомъ Ломоносовъ предполагалъ „вспамятовать всѣ ихъ дѣйствія“, въ родѣ того, что „у лѣшихъ лѣвая пола на верху, тѣни нѣтъ“, что „въ омутахъ, водоворотахъ и пустыхъ домахъ живутъ черти“. А можетъ-быть, и это матеріалъ для исторіи языческихъ вѣрованій русскихъ Славянъ, такъ какъ и въ этой замѣткѣ повторена высказанная въ „Россійской исторіи“ мысль [3]), что „нашъ народъ у Дуная живалъ и рѣку за бога почиталъ“. Кромѣ того, въ той же Академической рукописи, № 112, подысканы еще синонимы слѣдующихъ словъ: *муринъ, вольность, печаль, заливъ, ветхій, жертва, пища, проворный, чертъ, миръ, трясавица (погода), злодѣй, утлый, удалось, стараюсь, иду, тусклый, мзда, буря, послухъ, никакъ, земскій дворъ, угомонно, чать будетъ* [4]). Встрѣчаются попытки различить значенія того же слова: *благій* и *благой, лѣта* и *лѣта, время* (tempus и fortuna) [5]). Попадаются также списки названій разныхъ цвѣтовъ [6]), списки оттѣняющихъ понятіе эпитетовъ [7]), наконецъ списки словъ и выраженій, отмѣченныхъ нарочно при чтеніи то псалтири *(богодухновенный, стужаю, гробъ отверстъ гортань ихъ* и т. д. [8]), то какой-то русской книги *(благодарить, благодаренъ* и т. д.) [9]), то наконецъ какъ будто народной былины или пѣсни; въ этомъ послѣднемъ спискѣ встрѣчаются между прочимъ слѣдующія слова и обороты рѣчи: *звончаты гусли, насадъ понизовный, свѣтлица, не думалъ не гадалъ, на что̀ прельстилась, возкручинился, зародился, вросъ, учащивай, животъ надрываетъ* [10]). Можетъ-быть, все это матеріалы для русскаго *лексикона*, о недостаткѣ котораго сожалѣлъ Ломоносовъ и даже задумывалъ „проэктъ положить, какъ сочинять лексиконъ“ [11]). Самъ онъ, конечно, не имѣлъ досуга взяться за такое кропотливое дѣло, но нѣкоторое время онъ

---

[1]) Рукопись Ак. Н., л. 19.
[2]) Тамъ же, л. 15.
[3]) Соч., III, 196.
[4]) Лл. 14 — 16, 19 — 22.
[5]) Лл. 15, 20, 21, 23.
[6]) Л. 89.
[7]) Л. 21.
[8]) Л. 57.
[9]) Л 133.
[10]) Л. 23.
[11]) Л. 105.

помогалъ одному изъ переводчиковъ Академіи Наукъ, Кондратовичу, при сочиненіи имъ „Россійскаго лексикона“, пока не разочаровался въ своихъ надеждахъ на этого трудолюбиваго, но бездарнаго писателя.

Въ „планѣ для филологическихъ изслѣдованій“ Ломоносова не вошло заглавіе: „о выданныхъ по сіе число книгахъ“; но оно встрѣчается въ рукописи Академіи Наукъ, № 112 [1]), безъ дальнѣйшихъ впрочемъ подробностей, такъ что остается неизвѣстнымъ, что̀ Ломоносовъ предполагалъ помѣстить подъ этимъ заглавіемъ; можетъ-быть, сюда должны были войдти тѣ замѣтки, что̀ встрѣчаются въ Академической рукописи, № 112, подъ заглавіями: „о нынѣшнемъ состояніи словесныхъ наукъ въ Россіи“ или „о новыхъ сочиненіяхъ россійскихъ“ [2]). Вообще можно сказать, что сохранившаяся черновая рукопись Ломоносова свидѣтельствуетъ объ обширныхъ предпріятіяхъ его въ области русской филологіи, и остается только жалѣть, что лишь немногое изъ этихъ задуманныхъ работъ было имъ осуществлено.

Обращаемся къ разсмотрѣнію трудовъ Ломоносова по *теоріи прозы и поэзіи*, на сколько они сохранились.

„Риторика“ Ломоносова высоко цѣнилась современниками. Существуетъ благосклонный о ней отзывъ даже В. Н. Татищева. Говоря въ своей „Россійской исторіи“ о русскомъ языкѣ, Татищевъ прибавляетъ, что высокое его достоинство „нѣкоторые члены русской академіи изданіемъ изрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная „Риторика“ и другое“ [3]). Самый вѣрный отзывъ о „Риторикѣ“ Ломоносова сдѣланъ митрополитомъ Евгеніемъ:

„Сія книга была первою на россійскомъ языкѣ о сей наукѣ, ибо въ школахъ дотолѣ преподавали оную только на латинскомъ. Правда, Ломоносова „Риторика“ собрана изъ тѣхъ же классическихъ книгъ, и напаче изъ латинской Кауссиновой большой и Помеевой „Риторики“, и вся составлена только изъ общихъ правилъ съ подведеніемъ только нѣкоторыхъ россійскихъ примѣровъ подлинниками и переводами — изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей. Но сіи-то примѣры были новостію для желавшихъ знать красоту россійскаго слога. Ломоносовъ не только съ разборчивымъ вкусомъ выбралъ примѣры изъ русскихъ писателей, но и чужестранныхъ переводилъ съ мастерскимъ искусствомъ“ [4]).

---

[1]) Л. 7.

[2]) Этотъ отрывокъ изданъ г. Пекарскимъ въ Дополн. извѣстіяхъ къ біографіи Ломоносова, 90 — 91.

[3]) Ист. Росс., I, 493.

[4]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, II, 20.

Этотъ общій отзывъ требуетъ только незначительныхъ измѣненій, чтобы сдѣлаться прочнымъ достояніемъ науки. Дальнѣйшее наше изложеніе частію подтвердитъ, частію пополнитъ его.

Митрополитъ Евгеній былъ совершенно правъ, сказавши, что „Риторика“ Ломоносова не есть трудъ самостоятельный. Оригиналъ правилъ и примѣровъ, принятыхъ имъ въ свой курсъ, можно найдти всего болѣе въ огромной, хотя и нескладной „Риторикѣ“ Кауссина и отчасти въ „Риторикѣ“ Помея [1]); глава о возбужденіи страстей, хотя по словамъ Ломоносова, и основана на философскомъ ученіи о нравахъ, но большею частію заимствована изъ книги Готшеда: „Ausführliche Redekunst“, въ которой впрочемъ этотъ вопросъ изложенъ тоже не самостоятельно, а по Кауссину, съ примѣненіемъ къ Аристотелю; понятія логическія — „о сопряженіи простыхъ идей“ (§§ 46 и слѣд.) и „объ изобрѣтеніи доводовъ“ (§ 93) — взяты Ломоносовымъ у Вольфа; въ общемъ же расположеніи онъ слѣдовалъ русскимъ школьнымъ риторикамъ, изъ которыхъ одна, извѣстная въ рукописи конца XVII вѣка (послѣ 1696 года), хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, подъ № 1663, особенно поражаетъ своимъ сходствомъ съ учебникомъ Ломоносова. Такимъ образомъ „Риторика“ Ломоносова напоминаетъ мозаическую картину: съ разныхъ сторонъ подбиралъ онъ уже раскрашенные камешки, но ему принадлежитъ ихъ группировка, совершенно оригинальная, или по крайней мѣрѣ, очень отличная отъ расположенія тѣхъ же матеріаловъ въ источникахъ.

Кауссинъ начинаетъ свою „Риторику“, подобно Ломоносову, общими замѣчаніями о краснорѣчіи и въ III-й главѣ трактуетъ „de adminiculis ad comparandam eloquentiam — ingenio, doctrina, imitatione“, о чемъ и Ломоносовъ говоритъ во вступленіи. Далѣе у Кауссина, какъ и Ломоносова, слѣдуютъ главы объ изобрѣтеніи, объ украшеніи и о расположеніи — de inventione (c. IV), de elocutione (c. VII), и de distributione (c. VI); но онѣ отличаются отъ Ломоносовскихъ расположеніемъ и объемомъ. Amplificatio (c. V) у Кауссина отдѣлено отъ inventionis (c. IV). Глава de affectibus (c. VIII) у Ломоносова вошла въ ученіе объ изобрѣтеніи. Наконецъ, у Кауссина осталась, отвергнутая Ломоносовымъ, глава de pronunciatione (c. IX), излагающая совершенно внѣшнія правила о жестикуляціи, выраженіи лица и т. д. Остальныя семь главъ Кауссина (cc. X—XVI) о краснорѣчіи судебномъ

---

[1]) Подлинный текстъ многихъ примѣровъ собраны въ изданіи сочиненій Ломоносова, сдѣланныхъ Дамасскинымъ (1778 г.).

гражданскомъ и церковномъ должны были у Ломоносова войдти въ особый учебникъ „Ораторію“. Еще менѣе удовлетворился Ломоносовъ расположеніемъ риторики Помея. Она притомъ не отличается ни полнотою, ни стройностію. Въ началѣ ея помѣщены progymnasmata aphtonis — ученіе о хріѣ, и только во второй части находится собственно опредѣленіе риторики. Здѣсь собственно три части — inventio, elocutio и amplificatio; но онѣ не вполнѣ соотвѣтствуютъ составу „Риторики“ Ломоносова: третья часть риторики Помея заключается у Ломоносова въ первой. Того, что у Кауссина названо dispositio, у Помея совсѣмъ не существуетъ. Оканчивается его „Риторика“ также произвольно, какъ и начата, разсужденіемъ de panegyricis. Наиболѣе напоминаетъ „Риторику“ Ломоносова своимъ содержаніемъ и расположеніемъ названная уже русская „Риторика, словенски — краснорѣчіе“ [1]). Тутъ, какъ и у Ломоносова, три главныя части — изобрѣтеніе, красноглаголаніе (оно поставлено третьимъ) и расположеніе. Въ началѣ, какъ и у Ломоносова, поставлено ученіе о естествѣ, или объ условіяхъ риторической мудрости, которыхъ признается, согласно съ Ломоносовымъ, четыре: 1) природное дарованіе, 2) наука, 3) частое употребленіе и 4) подражаніе. Въ главѣ объ изобрѣтеніи помѣщено ученіе о мѣстахъ, о расположеніи по силлогизму и т. д.; въ главѣ о красноглаголаніи говорится о тропахъ и фигурахъ словъ и реченій; то и другое какъ у Ломоносова. Въ заключеніи говорится о трехъ родахъ глаголанія (у Ломоносова *штили),* и наконецъ — чего у Ломоносова уже нѣтъ — о разставленіи точекъ и произвѣщеніи. Изложеніе этой рукописной риторики стройно и цѣльно; есть въ ней замѣтки, еще болѣе сближающія взглядъ автора съ Ломоносовскимъ, въ родѣ слѣдующей: „Риторика — рука великаго ума, яже состоится паче вещьми и разумы, неже словцами“.

Принимая эту именно систему изложенія, Ломоносовъ, вѣроятно, руководствовался воспоминаніями школы; факты учебниковъ скоро вывѣтриваются, но схема твердо напечатлѣвается въ умѣ, и новоприобрѣтенныя данныя уже помѣщаются въ данномъ распорядкѣ. По отношенію къ работѣ Ломоносова это было тѣмъ легче, что при собираніи матеріаловъ для риторики, онъ, повидимому, прибѣгъ къ обычному своему механическому пріему выписокъ, которыя у него въ новой обстановкѣ получили значеніе, далеко отличное отъ первоначальнаго: одни и тѣ же примѣры послужили подтвержденіемъ различныхъ пра-

[1]) Рукопись Имп. Публ. Библіотеки, № 1663.

вилъ. Что касается способа переводовъ, то они всегда у Ломоносова необыкновенно точны и близки къ подлиннику, такъ что у него всегда можно отличить переводъ прямо съ подлинника и переводъ съ чужаго перевода; такъ, напримѣръ, видно, что въ § 113 переведено съ греческаго при помощи нѣмецкаго перевода, а въ § 114 переведено съ латинскаго подлинника, но при соображеніи съ нѣмецкимъ переводомъ того же мѣста у Готшеда. Съ греческаго подлинника, кажется, нѣтъ переводовъ, по крайней мѣрѣ, переводы изъ Иліады (§ 114) и пр. на столько далеки отъ подлинника, что ихъ нельзя считать сдѣланными прямо съ него. Переводя съ буквальною точностію, безъ всякихъ измѣненій и добавленій, Ломоносовъ считалъ себя однако въ правѣ дѣлать выборъ примѣровъ, сокращалъ ихъ и иногда даже составлялъ одинъ изъ двухъ чужихъ; такъ по крайней мѣрѣ, въ § 58 описаніе пѣнія соловья составлено изъ двухъ описаній—Геснера и Плинія; замѣчателенъ пріемъ Ломоносова въ переводѣ отрывка изъ Энеиды, въ § 214:

„Изъ коей вы земли, и коего народа,
„И съ миромъ ли вы къ намъ, или пришли съ войною".

Этотъ переводъ живо напоминаетъ извѣстные обороты рѣчи въ русскихъ былинахъ.

Въ выборѣ примѣровъ Ломоносовъ предпочиталъ мѣста изъ древнихъ или новыхъ классиковъ и отцевъ церкви образцамъ, нарочно сочиненнымъ риторами. Онъ прямо говоритъ:

„Хотя у древнихъ учителей краснорѣчія о хріи правилъ не находимъ, однако не мало есть оныя примѣровъ въ ихъ сочиненіяхъ. Правда, что онѣ по большей части не полны и не порядочны, однако мнѣ разсудилось, что для образца лучше предложить оныя, нежели по предписаннымъ отъ Автонія софисты правиламъ строго отъ новыхъ авторовъ сочиненные, изъ которыхъ почти ни единой путной видать мнѣ не случалось" (§ 260).

Кромѣ классическихъ писателей, примѣры витійства, по мнѣнію Ломоносова, можно найдти „въ славянскихъ церковныхъ книгахъ" (§ 147). Попадаются также у него примѣры изъ народныхъ пословицъ „*И всякъ спляшетъ, да не такъ, какъ скоморохъ. Молебенъ пѣть, да пользы нѣтъ. Либо полонъ дворъ, либо корень вонъ*" (§ 192). Наконецъ, между примѣрами множество такихъ, при которыхъ не указано, кому они принадлежатъ. Мы склонны приписать ихъ самому Ломоносову, какъ напримѣръ, ему же принадлежатъ не вошедшіе въ собраніе его сочиненій стихи, сочиненные въ Петергофѣ 1759 года (§ 270), три басни въ концѣ риторики: „Волкъ въ пастушьемъ платьѣ" (§ 306), „Ссорливая жена" (§ 307) и „Старикъ и оселъ" (§ 308). Также точно

считаемъ мы оригинальными стихи въ § 62: „Ужь солнышко спустилось“, и четверостишіе въ § 140: „Не всякъ ли говоритъ“. Наконецъ, по собственному указанію Ломоносова, имъ сочинены два примѣра: 1) примѣръ полной и правильной хріи на тему Віантовой рѣчи (§ 264), и 2) примѣръ расположенія по силлогизму на тему: о разумности устройства міра (§ 271). Но мы не рѣшаемся сказать того же о другихъ примѣрахъ, которыхъ источникъ не указанъ и не найденъ; иначе мы должны бы признать оригинальными примѣръ о пѣніи соловья (§ 58) или эпиграмму: „Въ тополовой тѣни“ (§ 141), тогда какъ первый принадлежитъ Геснеру и Плинію, а вторая — Марціалу. Вѣроятно, подготовительныя выписки дѣлались Ломоносовымъ безъ отмѣтки источниковъ и въ такомъ видѣ вошли въ „Риторику“: въ § 66 стихотвореніе „о веснѣ послѣ зимы“, очевидно, заимствовано изъ классической литературы, но при немъ не сдѣлано никакой цитаты, — это однако не ручается еще за оригинальность стиховъ. Въ отношеніи теоретической части „Риторики“, мы должны замѣтить, что если бы считать оригинальнымъ все то, источникъ чего еще не отысканъ, то сравнительно наиболѣе оригинальною частью должно бы назвать главу „о изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей“, слѣдующую за ней главу „о вымыслахъ“ и послѣднія главы „о расположеніи по хріи, силлогизму и разговору“ и „о расположеніи описаній и періодовъ“. Напротивъ того, всего менѣе оригинальными должно считать главы о тропахъ и фигурахъ. Несомнѣнно нужно приписать Ломоносову много частныхъ замѣтокъ, которыми онъ сопровождалъ правила и цѣлыя главы, выражая гдѣ-нибудь въ заключеніи свой скептическій взглядъ на практическое значеніе этихъ же правилъ или повторяя настойчивыя убѣжденія не довѣряться теоріи, а больше учиться изъ опыта, не насиловать мысли механическою формальностію изложенія и не увлекаться пристрастіемъ къ риторической фигуральности и игрушкамъ. Приведемъ образцы подобныхъ замѣтокъ:

„При всѣхъ риторическихъ правилахъ примѣры великое онымъ подаютъ изъясненіе (§ 289).... Сіи правила объ украшеніи описаній предложены больше для того, чтобы всякъ, читая историческія и другія описаніями и повѣствованіями богатыя книги, примѣчалъ въ нихъ то, что ихъ особливо украшаетъ. Кто сіе наблюдать будетъ, тотъ много найдетъ, чего ни въ какихъ риторическихъ правилахъ нѣтъ, и для того правила для себя по найденнымъ примѣрамъ составить или одни примѣры въ свою пользу употреблять можетъ“ (§ 314).

За главой о сопряженіи идей находимъ слѣдующее заключеніе:

„При сопряженіи простыхъ идей не должно себя излишне принуждать,

чтобъ они токмо по предложеннымъ (§ 27) правиламъ сопряжены были; надлежитъ стараться, чтобъ изъ соединенія оныхъ происходили натуральныя и съ разумомъ согласныя мысли, а не принужденныя или ложныя и вздорныя“ (§ 46).

Вслѣдъ за ученіемъ о распространеніи сказано:

„Распространенія искусному слуху скучны и несносны и развѣ тѣмъ только показаться могутъ, которые любятъ, чтобъ имъ объ одномъ десятью сказывали“ (§ 51).

Въ главѣ о пополненіи періодовъ съ нѣкоторою злостью замѣчено:

„Надлежитъ поступать осторожно, чтобы не родились подлыя и смѣшныя въ реченіяхъ игрушки, что нерѣдко случается въ именахъ, чрезъ преложеніе письменъ произведенныхъ, которыя анаграммами называются“ (§ 60).

Предлагая правила объ изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей, Ломоносовъ сдѣлалъ оговорку:

„Сіе показываемъ не съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ учащіеся мѣры не знали и послѣдовали бы нынѣшнимъ италіанскимъ авторамъ, которые, силясь писать всегда витіевато и не пропустить ни единой строки безъ острой мысли, нерѣдко завираются“ (§ 130; ср. §§ 146 и 180).

Наконецъ, въ „Риторикѣ“ попадаются замѣтки о предметахъ, собственно выходящихъ изъ круга излагаемыхъ свѣдѣній, напримѣръ, замѣтка о номиналистахъ и реалистахъ (§ 32); но онѣ нашли себѣ мѣсто здѣсь только при взглядѣ Ломоносова на риторику, какъ на энциклопедію необходимыхъ знаній. Опредѣленіе родовъ словесности (§ 151) тоже отчасти заходитъ въ область піитики. Въ этомъ же параграфѣ интересенъ, взглядъ Ломоносова на народныя сказки, какъ на смѣхотворный и иногда безнравственный вымыселъ, при чемъ названа „сказка о Бовѣ“.

Въ подтвержденіе уже изложеннаго взгляда Ломоносова на значеніе для русскаго языка церковно-славянскихъ книгъ и въ доказательство того, что этотъ взглядъ былъ выработанъ Ломоносовымъ еще задолго до того времени, когда онъ написалъ разсужденіе „о пользѣ книгъ церковныхъ“ (около 1755 г.), также можно найдти нѣкоторыя указанія въ „Риторикѣ“, написанной между 1744 — 1746 годами. Въ § 165, говоря о чистотѣ штиля и рекомендуя для этой цѣли чтеніе книгъ, Ломоносовъ замѣчаетъ: „Предъ прочими совѣтую держаться книгъ церковныхъ, отъ которыхъ чувствую себѣ немалую пользу“. Въ другомъ мѣстѣ (§ 147) читаемъ:

„Для подражанія въ витіеватомъ родѣ слова тѣмъ, которые другихъ языковъ не разумѣютъ, довольно можно сыскать примѣровъ въ славянскихъ церковныхъ книгахъ и въ писаніяхъ отеческихъ, съ греческаго языка переведенныхъ, а особливо въ прекрасныхъ стихахъ и канонахъ преподобнаго

Іоанна Дамаскина и святаго Андрея Критскаго, также и въ словахъ святаго Григорія Назіанзина, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переводъ съ греческаго не теменъ".

Какъ-бы отраженіемъ взгляда Ломоносова на отличіе штилей черезъ присутствіе или отсутствіе украшеній, представляются слѣдующія замѣчанія:

„При распространеніи слова... употреблять слова избранныя и убѣгать весьма подлыхъ (§ 72). Вмѣшеніе и соединеніе фигуръ, равно какъ и троповъ, должны имѣть свою мѣру... Въ подлыхъ матеріяхъ частое оныхъ употребленіе не прилично" (§ 248).

Въ подраженіе латинскимъ риторикамъ Ломоносовъ помѣстилъ у себя странное, нѣсколько мистическое, и конечно, совершенно произвольное ученіе о значеніи въ корняхъ и словообразованіи того или другаго членораздѣльнаго звука:

„Въ россійскомъ языкѣ, какъ кажется, частое употребленіе письмени *а* способствовать можетъ къ изображенію великолѣпія, великаго пространства, глубины и вышины, также и внезапнаго страха" и т. д. (§ 172). „Изъ согласныхъ письменъ твердыя *к, п, т,* и мягкія *б, г, д*,... могутъ только служить въ томъ, чтобъ изобразить живѣе дѣйствія тупыя, лѣнивыя и глухой звукъ имѣющія, каковъ есть стукъ строющихся городовъ, домовъ, отъ конскаго топоту и отъ крику нѣкоторыхъ животныхъ" и т. д. (§ 173).

Но Ломоносовъ и самъ сознавалъ произвольность, а потому и необязательность этихъ правилъ, такъ что тотъ же § 173 онъ заключаетъ: „Сихъ правилъ строго держаться не должно, но лучше послѣдовать самимъ идеямъ и стараться оныя изображать ясно".

Странно подумать, но по всему видно, что въ Ломоносовѣ закрадывалось подчасъ сомнѣніе насчетъ практической пригодности этихъ правилъ (§ 60). Онъ предполагалъ возможность такого взгляда и отчасти оправдывалъ его. Часто повторялъ онъ напоминанія не злоупотреблять пособіемъ риторики. Такой взглядъ на безплодность риторики даже для церковнаго краснорѣчія существовалъ уже тогда въ обществѣ и въ опроверженіе его самъ Ломоносовъ долженъ былъ написать эпиграмму: „Къ Пахомію" [1]); но странно, что и въ этомъ случаѣ онъ не нашелъ ничего сказать собственно за риторику. Вмѣсто того онъ сейчасъ же переходитъ вообще къ наукамъ и доказываетъ примѣромъ отцевъ церкви, что проповѣднику необходимо читать „для упражненія въ штилѣ" Гомера, Пиндара, Демосѳена, необходимо изучать Бога въ природѣ, и въ историческихъ сказаніяхъ народовъ почерпать примѣры для убѣжденія и подтвержденія. Итакъ, по мнѣнію Ло-

[1]) Соч., I, 279.

моносова, одна риторика не имѣетъ смысла: она предполагаетъ изученіе исторіи, природы и поэзіи, потому что „ежели кто имѣетъ большее познаніе настоящихъ и прешедшихъ вещей, то-есть, чѣмъ искуснѣе въ наукахъ, у того большее есть изобиліе матеріи къ краснорѣчію“ („Риторика“, предисловіе, § 7). Этимъ объясняются обиліе и выборъ примѣровъ въ „Риторикѣ“ Ломоносова. Въ ней встрѣчаются примѣры изъ слѣдующихъ авторовъ: Гомера, Геродота, Демосѳена, Анакреона, Віанта, Аристида, Лукіана, Еліана, Филострата, Василія Селевкійскаго, Ѳеофилакта, Димитрія Фалерійскаго, Іоанна Златоуста, Кедрина, Цицерона, Виргилія, Горація, Овидія, Марціала, Теренція, Персія, Ювенала, Тацита, Плинія, Квинта Курція, Сенеки, Амміана, Веллея Патеркула, Калфурнія, Клавдіана, Тертулліана, Лактанція, Игнатія, св. Амвросія, Еразма Ротердамскаго, Камоенса, Маффеи, Мозгейма, Флешье, наконецъ примѣры изъ Помея, Кауссина, Вольфа; есть также указанія на псалмы (§ 269) и много цитатъ изъ сочиненій самаго автора „Риторики“ [1]).

---

[1]) Цитаты въ «Риторикѣ» изъ сочиненій самаго Ломоносова исчислены г. Буслаевымъ въ сочиненіи «О преподаваніи отечественнаго языка» (стр. 272 и слѣд.); но это перечисленіе требуетъ небольшаго пополненія (по отдѣлу одъ похвальныхъ), которое и предлагаемъ:

Ода	V:	пропущено	указаніе на	строфу	2-ую,	стихи	1—3	«Риторика», § 217.
»	VIII:	»	»	»	11-ую,	»	1—2	» § 321.
»	»	»	»	»	13-ую,	»	1—6	» § 324.
»	»	»	»	»	20-ую,	»	1—4	» § 312.
»	IX:	»	»	»	17-ую,	»	1—7	» § 320.

Въ одѣ VIII-й строфа 23-я заимствована изъ Цицерона (pro Archia poeta, c. VII), а въ «Риторикѣ» (§ 211) находимъ подражаніе этому мѣсту Цицерона въ прозѣ. Текстъ одъ въ «Риторикѣ» во многихъ случаяхъ значительно разнится отъ текста ихъ въ собраніи сочиненій, и еще сомнительно, который изъ нихъ ближе къ первоначальному. «Риторика» вышла въ 1746 г., а первое изданіе сочиненій Ломоносова — въ 1751 году. Дѣло можетъ рѣшить сравненіе обоихъ текстовъ съ первоначальными изданіями (editio princeps) отдѣльныхъ одъ. Это имѣетъ значеніе не только стилистическое, но и такъ-сказать, психологическое, потому что и мысли нерѣдко въ послѣдствіи получали другой оттѣнокъ (ср. въ «Риторикѣ» §§ 137, 153). Не менѣе различается также текстъ 1-го и 2-го изданій «Риторики» (1748 и 1759 гг.). Кромѣ измѣненій въ языкѣ и правописаніи, во второмъ изданіи нерѣдко замѣнены и примѣры. Такъ, въ § 270 по первому изданію, примѣръ изъ оды о сѣверномъ сіяніи, а по второму новосочиненные въ Петергофѣ стихи. — Кстати замѣтимъ здѣсь, что и въ «Грамматикѣ» Ломоносова (§ 563) также приведенъ примѣръ изъ 16-й строфы VIII-й похвальной оды (стихи 1 и 2).

Кромѣ того, въ „Риторикѣ“ (§ 43) есть примѣръ изъ „Программы при началѣ публичнаго чтенія на россійскомъ языкѣ физики“ [1]) и нѣсколько названныхъ нами выше отрывковъ изъ неизвѣстныхъ намъ стихотвореній Ломоносова, идиллическихъ и героическихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, и даже одинъ примѣръ, содержаніе котораго заимствовано изъ области естественныхъ наукъ (§ 271), и который напоминаетъ отчасти извѣстное слово Іоанна Златоуста — „изъ устройства человѣческаго тѣла доказательства Божіей премудрости“. Ломоносовъ силлогистически развиваетъ раціональное ученіе о Богѣ въ природѣ или о разумѣ въ естественныхъ явленіяхъ.

Къ „Риторикѣ“ своей Ломоносовъ приготовлялъ какое-то „прибавленіе“, въ которомъ предполагалъ говорить объ умѣренности при употребленіи троповъ, фигуръ и вообще риторическихъ украшеній (см. § 248), то-есть, вѣроятно, предполагалъ развить ту же мысль, которая, какъ мы замѣтили, невольно пробивается во всемъ руководствѣ, — не увлекаться риторическою изысканностію слога и не жертвовать содержаніемъ формѣ. Не извѣстно, было ли „прибавленіе“ только задумано, или и написано: въ послѣднемъ случаѣ оно раздѣлило судьбу многихъ другихъ потерянныхъ сочиненій Ломоносова. Такъ, напримѣръ, въ предисловіи къ „Риторикѣ“ (§ 10) Ломоносовъ обѣщаетъ въ дополненіе къ ней написать „Ораторію“ и „Поэзію“, чтобы такимъ образомъ обнять теорію словесности во всей ея полнотѣ. Въ „Ораторіи“ предполагалось изложить „наставленіе къ сочиненію рѣчей въ прозѣ“ и присовокупить къ нему „примѣры прозаичные изъ славныхъ авторовъ“ (предисловіе, § 10); туда же должно было войдти ученіе „о частяхъ великаго прозаическаго слова“ (§ 253); однимъ словомъ, „Ораторія“ должна была соотвѣтствовать второй части Кауссиновой „Риторики“ — „de eloquentia epidictica, civili et sacra“, или тому, что, напримѣръ, въ риторикѣ Лихудовъ (1698 г.) названо „о пяти видахъ глаголанія“ (то-есть, похвальномъ, краснительномъ, торжественномъ, похвалительномъ и показательномъ), а въ риторикѣ Ѳеофана Прокоповича называется „о родѣ рѣчей“, 1) судебныхъ и совѣщательныхъ, 2) доказательныхъ и 3) о священномъ краснорѣчіи [2]). Положительно извѣстно, что въ 1752 г. Ломоносовъ „Ораторіи“, второй части краснорѣчія, сочинилъ 10 листовъ [3]); но до сихъ поръ они не нашлись, какъ

---

[1]) Соч., I, 809.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1856 г., т. XC, ст. *Филонова*, стр. 30 и слѣд.

[3]) Соч., I, 730.

не нашлось и написанное имъ въ 1751 году „начало третьей книги краснорѣчія — о стихотворствѣ вообще“ [1]).

Конечно, понятія Ломоносова о поэзіи были не многимъ выше, чѣмъ понятія его современниковъ. Въ опредѣленіи поэзіи Ломоносовъ недалеко ушелъ отъ Готшеда, говоря, что она отличается отъ прозы только „отмѣннымъ сложеніемъ и штилемъ“, а „въ разсужденіи общества матеріи весьма съ оною сходствуетъ; ибо объ одной вещи можно писать прозой и стихами“ („Риторика“, предисловіе, § 9). Но все-таки піитика Ломоносова могла бъ имѣть для насъ историческое значеніе, какъ комментарій къ его литературнымъ произведеніямъ, на которыхъ печать времени положила такъ много условнаго. За недостаткомъ же этой піитики, мы должны довольствоваться нѣсколькими отрывочными замѣчаніями въ „Риторикѣ“, выходящими изъ ея области и касающимися формъ поэтическихъ: тамъ есть, напримѣръ, замѣтки о вымыслахъ поэтическихъ, то-есть, о творчествѣ (§ 148, ср. § 287); упомпнаются театральныя поэмы (§ 276), комедіи и трагедіи (§ 278), эклоги, идилліи (§ 277), драмы (§ 286), эпическія или героическія поэмы (§§ 286 и 295), басни и притчи (§§ 151 и 309). Но все это такъ отрывочно, что по этимъ упоминаніямъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго понятія о взглядѣ Ломоносова на роды и виды поэзіи. Только первую, такъ-сказать, главу піитики Ломоносова, или ученіе о русской версификаціи, мы можемъ изложить довольно полно — по уцѣлѣвшему „письму о правилахъ россійскаго стихотворства“ (1739 г.) [2]). „Письмо“ это обращено къ Россійскому собранію, учрежденному при Академіи Наукъ въ 1735 году [3]), а не къ Тредіаковскому, какъ думалъ послѣдній [4]). И изъ самаго содержанія письма видно, что оно обращено не къ Тредіаковскому, потому что все направлено противъ него, и притомъ довольно рѣзко, почти насмѣшливо. По нашему мнѣнію, письмо Ломоносова надобно считать не иначе, какъ критикою на „Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“ Тредіаковскаго (1735 г.), хотя послѣдній и не поименованъ Ломоносовымъ.

Въ вопросѣ о томъ, кому нужно приписать открытіе тоническаго

---

[1]) Соч., I, 729.

[2]) Тамъ же, 536—548.

[3]) Сборникъ *Куника*, I, 7.

[4]) Ломоносовъ «предъявлялъ словесно канцеляріи, что сіе письмо не къ одному Тредіаковскому, но ко всему собранію отъ него было писано». См. Матеріалы *Билярскаго*, 149.

размѣра и введеніе его въ русскую литературу, Ломоносову или Тредіаковскому, могутъ рѣшить дѣло два соображенія: 1) Ломоносовъ ужь имѣлъ подъ руками „Способъ“ Тредіаковскаго, появившійся за четыре года до написанія Ломоносовымъ „письма“; слѣдовательно, теоретически изобрѣтеніе тоническаго размѣра принадлежитъ Тредіаковскому, а Ломоносовъ только усовершенствовалъ его. Но 2) „Способъ“ Тредіаковскаго никого не убѣдилъ, ни даже его самого, и уже послѣ его изданія, самъ авторъ снова обратился было къ стиху силлабическому; слѣдовательно, хотя Ломоносовъ выступалъ вторымъ съ тѣмъ же предложеніемъ, но оно не могло не представляться новымъ, потому что до того никто не обращалъ вниманія на мысль Тредіаковскаго. Съ другой стороны, общество — не школа, и даже вѣрная теорія не имѣетъ въ его глазахъ цѣны и значенія, пока она не оправдана дѣломъ, практикою. Посмотримъ же, въ чемъ соглашался Ломоносовъ съ Тредіаковскимъ, и что онъ измѣнялъ въ его „Способѣ“.

Ломоносовъ говоритъ, что „россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству“; равнымъ образомъ и въ мнѣніи Тредіаковскаго „достаточнымъ основаніемъ“ для подтвержденія или опроверженія правила служитъ выраженіе, что „свойство нашего языка того не терпитъ“ [1]), хотя конечно, Тредіаковскій, по собственному его сознанію, не всегда умѣлъ „въ свойство нашего природнаго языка умѣтить“ [2]). Что наблюденіе надъ свойствами русскаго народнаго языка привело Тредіаковскаго къ мысли о тоническомъ размѣрѣ, видно изъ его же собственныхъ словъ:

„Думали, что я сіе новое стихосложеніе взялъ съ французскаго.... Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо, по истинѣ всю я силу взялъ сего новаго стихотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго; и буде желается знать, то мнѣ надлежитъ объявить, что поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела.... Подлинно, почти всѣ звапія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи, но самое дѣло у самой нашей природной, пандревнѣйшей оной простыхъ людей поэзіи. Итакъ, всякъ разсудитъ, что я французской версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всѣми тысячью рублей“ [3]).

Конечно, это не мѣшало Тредіаковскому находить, что французская поэзія „вся та жь, что и наша, кромѣ нѣкоторыхъ не малыхъ

[1]) Сборникъ *Куника*, I, 21.
[2]) Тамъ же, 1.
[3]) Тамъ же, 36.

околичностей“ [1]), и полагать отчасти французскую версификацію за образецъ для русской, начиная отъ искусства Французовъ въ „прочитаніи стиховъ“ [2]) и кончая пресѣченіемъ (цезурой) и рѣмою [3]). Дѣло представлялось пока очень смутно, и потому противорѣчія были неизбѣжны.

Далѣе у Ломоносова читаемъ: „Въ россійскомъ языкѣ тѣ только слова долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочія — коротки; сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ“ [4]). Это высказано и Тредіаковскимъ: „Долгота и краткость слоговъ въ новомъ россійскомъ стихосложеніи не такая разумѣется, какова у Грековъ и Латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется, но токмо тоническая, то-есть, въ единомъ удареніи голоса состоящая“ [5]). У Тредіаковскаго, есть слѣдующее обращеніе къ Смотрицкому:

„Авторъ „Славянскія грамматики“..., желая наше сложеніе стиховъ подобнымъ учинить греческому и латинскому, такъ свою просодію количественную смѣшно написалъ, что сколько разъ за оную не примешься, никогда не можешь удержаться, чтобы не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокритомъ“ [6]).

Равнымъ образомъ и Ломоносовъ осуждаетъ Смотрицкаго за то, что онъ хотѣлъ составить славянскую просодію по образцу греческой.

Ломоносовъ не одобряетъ стиховъ, „въ которыхъ всѣ односложныя слова за долгія почитаются“ [7]) и вслѣдъ за тѣмъ прямо указываетъ на первый корольларій пятаго опредѣленія, „въ которомъ сіе правило счастливо предложено“ и т. д. Это уже прямое указаніе на „Способъ“ Тредіаковскаго [8]), который гласитъ, что „всѣ реченія односложныя не могутъ быть, какъ только долгія“. Слѣдующіе затѣмъ у Ломоносова стихи, приведенные въ примѣръ неудачной версификаціи, взяты изъ первой элегіи Тредіаковскаго въ томъ же „Способѣ“ [9]).

Далѣе Ломоносовъ говоритъ: „Не знаю, чего бы ради.... гекзаметры и всѣ другіе стихи.... такъ запереть, чтобъ они ни больше, ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли“ [10]). Это возра-

---

[1]) Тамъ же, 24.
[2]) Тамъ же, 26.
[3]) Тамъ же, 36.
[4]) Соч., I, 537 — 538.
[5]) Сборникъ *Куника*, I, 23.
[6]) Тамъ же, 21.
[7]) Соч., I, 539.
[8]) Сборникъ *Куника*, I, 23.
[9]) Тамъ же, 49.
[10]) Соч., I, 541.

женіе на категорически заявленное мнѣніе Тредіаковскаго, что „гексаметръ нашъ не можетъ имѣть ни больше, ни меньше тринадцати слоговъ“ [1]), мнѣніе, котораго Тредіаковскій долго и упорно держался, опираясь на авторитетъ классиковъ и риторовъ. Высказанная Ломоносовымъ неблагосклонность къ Французамъ, которыхъ онъ называетъ „нѣжными господами“, которые „во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ“, и версификацію которыхъ онъ сравниваетъ съ горбатою и кривоногою плясуньей, — эта неблагосклонность могла проявиться у него отчасти какъ реакція преувеличенному благоговѣнію предъ Французами Тредіаковскаго, а отчасти, можетъ-быть, по пристрастію Ломоносова къ нѣмецкой наукѣ и поэзіи, которыя онъ научился уважать въ школѣ, поставляя ихъ на одну доску съ наукой и поэзіей Грековъ и Римлянъ [2]). Далѣе Ломоносовъ полагалъ, что „цезуру въ серединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ „употреблять и оставлять можно“, и что „тому въ своихъ стихахъ оную всегда оставить позволено, кто однимъ духомъ тринадцати слоговъ прочитать не можетъ“ [3]). Это ироническое замѣчаніе на мысль Тредіаковскаго, что „стихъ героическій долженствуетъ раздѣленъ быть на два полстишія, изъ которыхъ бы первое состояло изъ семи слоговъ, а другое изъ шести.... понеже мѣра духа человѣческаго требуетъ того“ [4]).

Тредіаковскій предпочитаетъ стихъ хорепческій, называя весьма худымъ тотъ, „который весь ямбы составляютъ“ [5]); Ломоносовъ напротивъ того находитъ, что „чистые ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять, однако, подымаяся тихо въ верхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ“ [6]). Лѣтъ пять спустя, изъза этого же спорнаго вопроса о превосходствѣ ямба предъ хореемъ произошло нѣчто въ родѣ поэтическаго турнира Ломоносова и Сумарокова съ Тредіаковскимъ. Но Тредіаковскій приступалъ къ состязанію со взглядами, уже значительно измѣненными, въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилъ въ 1735 — 1739 годахъ. Въ 1744 году онъ уже не называлъ ямба подлымъ, а только находилъ, что „ни которая изъ стихъ стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣж-

[1]) Сборникъ *Куника*, I, 35.
[2]) Соч., I, 540.
[3]) Тамъ же, 544.
[4]) Сборникъ *Куника*, I, 25 — 26.
[5]) Тамъ же, 25.
[6]) Соч., I, 544.

постп", но что „все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя стихотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе" [1]). При этомъ въ доказательство, что подъемъ снизу вверхъ не всегда значитъ высоту, Тредіаковскій приводитъ „Иліаду" и „Энеиду", писанныя не анапестомъ, а дактилемъ [2]). Сумароковъ придерживался взгляда Ломоносова, что въ ямбѣ есть „высокость, благородство и живность", а въ хореѣ только „нѣжность", для выраженія „любовническаго воздыханія" [3]). Для рѣшенія спора положено было, чтобы каждый изъ спорившихъ сочинилъ парафрастическую оду на тему 143-го псалма. Первая, ямбическая, принадлежитъ Сумарокову [4]), вторая, хореическая, — Тредіаковскому [5]), третья, ямбическая, — Ломоносову [6]). Въ одахъ оказалась „чувствительная разность жара и изображеній, а удивительное согласіе разума" [7]), однако не трудно различить, что̀ кому принадлежитъ, и нельзя сказать, чтобы хорей одержалъ побѣду надъ ямбомъ. Довольно замѣтить, что при второмъ изданіи „Способа" Тредіаковскій совершенно выбросилъ порицательный отзывъ о ямбѣ, признаваясь (въ предисловіи), что симъ (и сочетаніемъ стиховъ) прежній „Способъ" былъ недостаточенъ [8]).

Не меньше оживленныхъ споровъ и толковъ породило разнорѣчіе между Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ насчетъ умѣстности въ русскомъ стихосложеніи мужской рѳмы. Тредіаковскій, можетъ-быть, примѣняясь къ стихосложенію польскому, и во всякомъ случаѣ, совершенно не обращая вниманія на свойства русскаго языка, произнесъ слѣдующій догматическій приговоръ:

„Извѣстно есть всѣмъ нашимъ стихотворцамъ, что сіе согласіе (то-есть, рѳма, „согласіе конечныхъ между собою въ стихѣ слоговъ") всегда лучше сходится на предпочасмомъ слогѣ, то-есть, на слогѣ, который предъ самымъ послѣднимъ, хотя пѣкогда, и то въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ (но что̀ рѣже, то лучше), и на кончаемомъ, то-есть, на самомъ послѣднемъ то бываетъ" [9]).

Ломоносовъ возражалъ противъ такого намѣреннаго стѣсненія рус-

---

[1]) Сборникъ *Куника*, II, 421.
[2]) Тамъ же, 422.
[3]) Тамъ же, 423.
[4]) Тамъ же, 426 — 427.
[5]) Тамъ же, 428 — 431.
[6]) Тамъ же, 432 — 433.
[7]) Тамъ же, 424.
[8]) Соч. Тредіаковскаго, I, XX.
[9]) Сборникъ *Куника*, I, 33 — 34.

скаго стиха, указывая на его источникъ въ польской версификаціи и доказывая фактически несостоятельность этого ученія. Тредіаковскій однако не скоро убѣдился въ полноправности мужской рѳмы: вѣроятно, уже къ пятидесятымъ годамъ относятся эпиграммическіе стихи Ломоносова „на сочетаніе стиховъ россійскихъ“, въ которыхъ онъ торжествуетъ свою побѣду надъ Штивеліемъ (Тредіаковскимъ) [1]).

Итакъ, „письмо“ Ломоносова написано въ полемическомъ духѣ и тонѣ. И мы должны признать, что его теоретическія поправки „Способа“ Тредіаковскаго всѣ безъ исключенія приняты русскою литературою, но конечно, благодаря не этому „письму“, которое притомъ и напечатано въ первый разъ уже въ 1778 году [2]), а „примѣру ясному и способному“, который у Ломоносова сопровождалъ теорію, подтверждалъ ея выводы и давалъ имъ ходъ.

Изъ нѣкоторыхъ выраженій „письма“ видно, что Ломоносовъ, въ бытность свою за границею, не переставалъ писать стихи, отрывки изъ которыхъ вошли частію въ это „письмо“, частію же въ „Риторику“. Намъ извѣстны одни школьные еще силлабическіе стихи Ломоносова [3]). Затѣмъ, вѣроятно, по указанію Тредіаковскаго о примѣнимости къ русскимъ стихамъ тоническаго размѣра, „умыслилъ опъ наши правильные стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ составлять“ [4]) и писалъ ихъ въ разныхъ родахъ и разными размѣрами [5]). Изъ испробованныхъ размѣровъ „наилучшими, велелѣпнѣйшими, къ сочиненію легчайшими и для изображенія скорости и тихости дѣйствія способнѣйшими“ оказались стихи анапестохорепческіе; ямбомъ же оказалось „трудновато сочинять“. Кромѣ того, Ломоносову нравилось уже тогда сочетаніе рѳмъ мужскихъ и женскихъ [6]). Слѣдовательно, за границею Ломоносовъ сочинилъ уже много стиховъ, и въ „письмѣ“ предложены только „нѣкоторыя строфы“ изъ нихъ [7]). Нельзя не обратить вниманія на эти отрывки. Въ нихъ находятся то идиллическія картины природы, то въ связи съ ними изображенія любви и тоски. Отрывокъ: „На восходѣ солнце какъ зардится“ [8]) напоминаетъ помѣщенные въ „Риторикѣ“ (§ 66) стихи „о

[1]) Эти стихи напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 4.
[2]) Въ изданіи Дамаскина, т. I.
[3]) Соч., I, 292.
[4]) Тамъ же, 542.
[5]) Тамъ же, 543.
[6]) Тамъ же, 544—546.
[7]) Тамъ же, 546.
[8]) Тамъ же, 547.

веснѣ послѣ зимы". Размѣръ и тонъ другаго отрывка въ „письмѣ": „Нимфы около насъ кругами" сближаетъ его съ приведеннымъ въ „Риторикѣ" (§ 62) началомъ одного идиллическаго стихотворенія, неизвѣстнаго намъ вполнѣ, но вѣроятно, извѣстнаго въ свое время, если на концѣ отрывка (въ „Риторикѣ") можно было поставить „и прочая", оборвавъ стихи почти на запятой. Приведенные въ „письмѣ" ямбическіе триметры: „Весна тепло ведетъ" говорятъ о томъ же, что̀ сказано прозою въ одномъ изъ примѣровъ „Риторики" (§ 137). Мы сочли необходимымъ отмѣтить здѣсь и эти мелкія черты ранней литературной дѣятельности Ломоносова, потому что въ исторіи развитія поэтическаго таланта особенное значеніе имѣютъ первые опыты, какъ показывающіе степень развитія автора, характеръ полученныхъ имъ впечатлѣній и волновавшихъ его интересовъ и стремленій. У насъ такъ мало осталось памятниковъ изъ перваго періода поэтической дѣятельности Ломоносова, что мы должны прямо переносить наше вниманіе отъ школьной шалости на торжественную оду, если не совсѣмъ самостоятельную по содержанію и направленію, то все же очень замѣчательную по языку и стиху, которые предполагаютъ предъ собою много опытовъ и труда, прежде чѣмъ выработались форма выраженія, порядокъ изложенія и наконецъ самый механизмъ версификаціи [1]).

Мы кончили разсмотрѣніе трудовъ Ломоносова по теоріи языка и словесности. Каковъ же будетъ нашъ окончательный выводъ?

На основаніи нашихъ замѣчаній о заимствованіяхъ Ломоносова въ „Грамматикѣ", „Риторикѣ" и ученіи о версификаціи могутъ показаться пристрастными восторженные отзывы поклонниковъ Ломоносова о высокомъ значеніи филологическихъ его розысканій. Могутъ сказать намъ, что два скомпилированные школьные учебника, нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о разныхъ вопросахъ филологіи, хотя не лишенныхъ историческаго интереса и доказывающихъ геніальность

[1]) Между матеріалами для грамматики Ломоносова (Рукопись Ак. Н., № 112, л. 132) найденъ листочекъ въ четвертку, на которомъ написана имъ какъ-бы схема скандировки русскихъ стиховъ. Отмѣчено два колѣна: 1) размѣровъ анапестическихъ и ямбическихъ, 2) дактиль и хорей. Тутъ же можно видѣть примѣры на нѣкоторые размѣры, напримѣръ, для двустопнаго анапеста (⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —): «не печалься мой свѣтъ»; для ямба съ анапестомъ (⏑ — | ⏑ ⏑ —): «кручину покинь»; для ямба (⏑ — | ⏑ — | ⏑ — | ⏑ —): «несчастіе во вѣкъ забудь»; для хорея съ дактилемъ (— ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑): «радость вѣчну имѣти». По времени эта замѣтка можетъ относиться къ 1750 году или около того, слѣдовательно, приближается къ тому времени, когда Ломоносовъ обдумывалъ свою «Поэзію» (1751 года).

Ломоносова, но тѣмъ не менѣе оставшихся долгое время непзвѣстными и потому безплодными для науки вообще, и русской въ особенности, злополучное ученіе о „штиляхъ“, преувеличеннымъ уваженіемъ къ церковно-славянскому языку толкнувшее на ложный путь русскій литературный языкъ, наконецъ заимствованное у Тредіаковскаго ученіе о русской версификаціи — не могутъ имѣть капитальнаго значенія и составить прочной заслуги. Да, отвѣтимъ мы, въ филологическихъ учебникахъ Ломоносова есть заимствованія; Ломоносовъ компилировалъ Смотрицкаго и Кауссина. Но тѣ сами заимствовали у Ласкариса и Квинтиліана, а эти, въ свою очередь, у Аристотеля и Горація. Ломоносовъ заимствовалъ у Смотрицкаго только форму и влилъ въ нее содержаніе совершенно своеобразное. Мы видѣли, на сколько различенъ матеріалъ того и другаго. Значеніе „Грамматики“ Ломоносова состоитъ именно въ опредѣленіи того, что̀ съ тѣхъ поръ называется нормою русскаго литературнаго языка, хотя съ другой стороны, мы показали, какъ различны и внѣшніе пріемы Ломоносова, и его отношеніе къ изслѣдуемому матеріалу. Поэтому-то мы и не колеблемся назвать „Грамматику“ Ломоносова, если не самымъ лучшимъ, то самымъ важнымъ и плодотворнымъ для успѣховъ русской образованности трудомъ его. Довольно сказать, что и теперь мы учимся правиламъ русскаго языка по „Грамматикѣ“ Ломоносова, только въ новѣйшихъ ея переработкахъ. Такъ точно и въ нашихъ риторикахъ, на сколько онѣ еще въ употребленіи, мы заучиваемъ правила и примѣры, которые съ удивленіемъ встрѣчаемъ потомъ у Ломоносова. Конечно, „Риторику“ его нельзя почти и ставить въ одинъ рядъ съ „Грамматикою“ по степени оригинальности и массѣ труда. Мы не беремъ также на себя защиты „Риторики“ и не намѣрены опредѣлять степень пользы или вреда ея для русской литературы; но смѣло можемъ сказать, что если допускать риторику, какъ предметъ школьнаго обученія, то конечно, самою цѣлесообразною будетъ „Риторика“ Ломоносова — по строгости и ясности изложенія и построенія и по обилію прекрасно переведенныхъ примѣровъ.

Еще менѣе было бы справедливо обвинять Ломоносова въ томъ, что онъ, солидный ученый, и притомъ натуралистъ, взялся за составленіе *учебниковъ*, и притомъ для словесныхъ наукъ; напротивъ того, стоило бы поучиться у Ломоносова тому, какъ должно служить своими знаніями дѣйствительнымъ, а не отвлеченнымъ потребностямъ страны: при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ хорошій учебникъ стоитъ многотомныхъ и многоученыхъ диссертацій.

Правда, что отрывочныя замѣтки Ломоносова не имѣли вліянія ни на сравнительную филологію, ни на теорію словесности; но онъ ли виноватъ, что наша наука не умѣла цѣнить и пользоваться его плодотворными мыслями, которыя во многихъ случаяхъ опередили европейскую науку и только позднѣе заимствованы нами оттуда?

Что касается обвиненія Ломоносова въ томъ, что онъ упрочилъ въ русскомъ литературномъ языкѣ присутствіе значительной доли элемента церковно-славянскаго, то мы видѣли, что церковно-славянскій языкъ въ глазахъ Ломоносова совершенно не игралъ той первенствующей роли, которую потомъ приписывали ему, ссылаясь на Ломоносова, его подражатели. Дѣло человѣка нужно оцѣнивать по его собственнымъ трудамъ, а не по увлеченіямъ и крайностямъ его послѣдователей, чему глава направленія совершенно не причастенъ. Имя Ломоносова должно быть связано съ признаніемъ правъ народнаго языка на литературную обработку, а не съ крайностями и увлеченіями въ пользу языка церковно-славянскаго.

Наконецъ, относительно того, кто ввелъ въ русское стихосложеніе тоническій размѣръ, нельзя не признать, что русская литература заимствовала новый стихъ не изъ теоретическихъ разсужденій Тредіаковскаго, а изъ образцовъ, представленныхъ Ломоносовымъ, — и этого достаточно для рѣшенія спорнаго вопроса.

Въ заключеніе нашего обзора ученыхъ трудовъ Ломоносова замѣтимъ, что въ общей исторіи наукъ больше значенія имѣютъ труды его по естествовѣдѣнію, но что въ приложеніи къ русской жизни перевѣсъ остается совершенно на сторонѣ его сочиненій по теоріи языка и словесности.

Табель грамматическая.

(Рукоп. А. Н. №112, Л. 2).

Слово человѣческое начинаетъ: голосъ.

Его отмѣняютъ: повышеніе, напряженіе, протяженіе, образованіе,

слово: **выговоръ**

Его части:

- Нераздѣлимыя **буквы**
  - Самогласныя: тонкія, дебелыя.
  - Согласныя
    - мягкія: губныя, зубныя, язычныя, поднебныя, гортанныя.
    - твердыя: губныя, зубныя, язычныя, поднебныя, гортанныя.
    - плавкія (sic): губныя, зубныя, язычныя, поднебныя, гортанныя.
- Раздѣлимыя или сложныя **склады**
  - Двугласныя и тригласныя: Явственныя, потаенныя.
  - двусложныя и многосложныя.: Самогласное напереди, Гласное назади, Согласное въ срединѣ.
- Знаменательныя **реченія**
  - Главныя **имя**
    - Существит.
      - Собственное, Нарицательное, Собирательное. — первообразное, производное.
    - Прилагат.
      - Именное, Глагольное или Причастіе. — простое, сложное.

    Къ имени принадлежитъ.
    - Родъ: муж., жен., среди.
    - Число: единствен., множествен.
    - падежъ склоненіе: 7 пад., 5 ск.
    - уравненіе увеличеніе умаленіе: 3 ст., ласк., презр.
  - **глаголъ**: Дѣйствительный, Страдательный, Средній, Общій, Взаимный,

    оныя суть: первообразныя и производныя.

    Къ нимъ принадлежатъ.
    - времена, числа, лица и роды.
      - врем.: 8.
      - чис.: 2.
      - лиц.: 3.
      - род.: 3.
  - **Служебныя:** Мѣстоименіе, Предлогъ, Союзъ, Нарѣчіе, Междуметіе.

    Еще глаголы раздѣляются на: личныя, безличныя, правильныя и неправ., полныя и неполныя и изобилующіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Грамматика Ломоносова: разборъ ея со стороны источниковъ и способа ими пользоваться; собираніе грамматическаго матеріалу и его обработка.

(Прим. §§ приводятся въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ въ *Росс. Грамматикѣ Ломоносова.* — Смотр. означаетъ «*Грамматики словенскія правильное синтагма*» *Мелетія Смотрицкаго,* съ указаніемъ стр. по изд. 1721 г. Вейсманъ — указаніе на *Gründen der Russ. Sprache* въ *Weismann's Lexicon Deutsch-Latein-Russisches.* S. P. 1731. Рукопись № 112 находится въ Русскомъ Отд. Библіотеки А. Н. *Планъ Грамматики Ломоносова* можно видѣть изъ его *Грамматической Табели,* которую здѣсь прилагаемъ).

§§ 14. Смотр. 1 стр. Письмя есть рѣченія часть нераздѣльная.

16. id. 2—4 стр. Гласная сама собою гласъ издаетъ; согласная — со гласными слогъ составляетъ (ср. § 17).

27. id. 17. Слогъ есть письменъ сложеніе.

29. id. Реченіе есть слогами составленное вещи нареченіе.

30. id. Слогъ бываетъ изъ письменъ.

36. Ср. Вейсманъ. 6. Сокращенія подъ титлами, но онѣ теперь не употребляются.

44. (ср. §§ 75, 438). Смотр. 179. Причастіе есть часть слова склоняемая, свойствомъ имяне и глагола причащающаяся. Послѣдующая въ причастіи встрѣчаются частію отъ самаго имене, яко родъ, падежъ, склоненіе. Частію отъ самаго глагола: яко залогъ и время. Частію отъ обою, яко число и начертаніе.

46. id. 17. Осмь частей слова суть: имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе.
Ср. Вейсм. 9. Species dictionum vel Partes Orationis: 1) Nomen, 2) Pronomen, 3) Verbum, 4) Participium, 5) Adverbium, 6) Præpositio, 7) Conjunctio. 8) Interjectio.

47. Смотр. 17. (ср. 206—208). Ἄρθρον, — спрѣчь различіе, славенскому языку несвойственно оставихомъ, мѣстоименію долгъ его довольнѣ исполняющу.

48. id. 18. Имя 1) *собственное,* 2) *нарицательное:* 1) еже собственныя и извѣстныя вещи знаменуетъ; 2) еже общія и безвѣстныя вещи знаменуетъ.

49. id. Имя *собирательное* еже единственнымъ числомъ множество знаменуетъ

§§ 50. Смотр. 18. *Существительное* имя, ему же приложено быти не можетъ (мужъ, жена), и *прилагательное*—ему же приложено быти можетъ (честный мужъ).

Ср. Вейсм. 9. Nomen 1) *Substantivum,* 2) *Adjectivum:* jenes zeigt nur die Sache selbst an, dieses aber die Beschaffenheit davon.

52—53. Смотр. 19—20. Степени уравненія: 1) *Положительный*, вещь просто знаменующій. 2) *Разсудительный*—вещь растиму или малиму знаменующій. 3) *Превосходительный* — вещь въ высочайшемъ или нижайшемъ степени полагающій.

Вейсм. 11. *Gradus comparationis* in Adject., deren Redeutung verringert, od. vermehret werden kann.

54. Смотр. 28. Числа три: *единственное*, *двойственное*, *множественное*.

55. id. 111. *Двойственное* число славяне имѣютъ по древнему обычаю, отъ грековъ взятому, обаче нынѣ мало употребляемо, множественному числу сія наполняющу.

Ср. Вейсм. 12. Въ ц.-славянскомъ языкѣ есть *двойственное число,* обычное въ греческомъ, но въ русскомъ языкѣ оно не употребительно.

Ср. стр. 33: ошибаются тѣ, которые принимаютъ существованіе въ рус. языкѣ двойств. числа, опираясь на дурно понятой формѣ «два попа» и пр.

56. Рукоп. А. Н. № 112, л. 24. *Падежемъ* называется перемѣна окончанія имянъ по разнымъ дѣйствіямъ и страданіямъ сочиненныхъ съ ними глаголовъ опредѣленная.

Смотр. 29. *Падежи:* именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, сказательный. Имен. имъ же имянуемъ; род. имъ же чіе что быти отвѣщаваемъ; дат. — даемъ; Вин. — кого повинна творимъ; зват. — зовемъ; твор. — творимъ; сказат. — сказуемъ.

58. Вейсм. 13. Casus *Narrativus* od. Objectivus на вопросъ wovon? von wen?

64. (ср. § 268). Смотр. 112. *Время* есть случай, иже или настоящее, или прешедшее или грядущее т. е. будущее дѣйство или страданіе являетъ.

69. (ср. § 70, 267). id. 111. *Наклоненіе* есть случай, иже различный дѣйства или страданія образъ показуетъ. Наклоненій 6: *Изъявительное, Повелительное, Молительное, Сослагательное, Подчинительное, Неопредѣленное.*

71. (ср. § 274—280). Смотр. 109.

73. Смотр. 108—109.

74. id. 114. *Спряженіе* есть склоненія глаголовъ наклоненми, времены, числы, лицы и роды правленіе.

77. id. 193. *Междометіе* есть часть слова *несклоняемая,* содержащая въ себѣ словеса, смысла страсть изъявляющая.

id. 187. *Нарѣчіе* есть часть слова *несклоняемая,* Имени или Глаголу вящшаго ихъ знаменованія ради прилагаемая. Нарѣчія имѣютъ три *степени уравненія.*

78. id. 190. *Предлогъ* есть часть слова несклоняемая, инымъ слова частемъ сложнѣ и сочинитильнѣ предлагаемая.

79. id. 17. Раздѣляются слова части на *склоняемыя* (Имя, Мѣстоименіе, Глаголъ, Причастіе) и *несклоняемыя* (Нарѣчіе, Предлогъ, Союзъ, Междометіе).

85. id. 194. *Сѵнтаξісъ* есть сугуба: *простая* учитъ правиламъ осми частей слова, въ родѣхъ, числѣхъ, падежѣхъ, временѣхъ, лицѣхъ и наклоненіихъ

согласующихъ; *обратная* учитъ образъ правильнаго сочиненія уступльшихъ (sic)·

§§ 86. id. 1. *Грамматика* есть извѣстное художество, благо и глаголати и писати учащее.

87. № 112. Л. 17. Es werden (eigentlich) in der Russischen Sprasche 33 Buchstaben gebraucht, welche also aussehen und ausgesprochen werden.....
а, б...: ѣ, э, ю, я, ѭ. Ср. ib. обор. а, б... ѣ, є, ю, (ѫ), ѧ, (а, ѩ, ѯ, ѱ, ѳ, ѹ).
Ср. Л. 3. а, б... ѣ, э, ю, я, ѵ.
Смотр. 1. *Письмень* 40.
Вейсм. 3. Вейсм. 3. Von den *Buchstaben:* 41 буква — а, б, в, г, д, е, ж, (ѕ), з, и, (і), к, л, м, н, о, п, р, с, т, (ѵ), у, ф, х, ѿ, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, (э), ю, (ѡ), я, (ѯ, ѱ, ѳ, ѹ).

88. Смотр. 6. *И* можетъ начинать и оканчивать слово, а *Ї* только въ срединѣ предъ гласною.
Вейсм. 4. *И* предъ согласною и въ концѣ слога, *Ї* предъ гласными и въ началѣ иностранныхъ словъ, какъ Їталія.
Смотр. 5. *Е* и ѕ различествуетъ: той клевретъ, тѣхъ клеврєтъ.
№ 112. Л. 4. Ежели для точнаго произношенія родныхъ и иностранныхъ реченій вымышлять новыя *писмена,* то россійская азбука (современемъ) вдвое прибудетъ, и людей западобится снова (въ) грамматѣ переучивать.
id. Л. 23. Упомянуть, что ѱ такъ какъ ѱ изъ двухъ сложенное исъ *ш* и *ч.*

90. Вейсм. 3. *Vocales* 10: a, e, и (i), o, ꙋ (y), ы, (э, ѡ, ѹ). Consonantes 25. Diphtongæ ѣ, ю, я. Vocales adjunctæ — ъ, ь.

91. № 112. Л. 3. *Двогласныя* россійскія буквы суть (перемѣнныя и постоянныя). По свойству собственныя и не собственныя—propria et inpropria, constantes et mutabiles.
id. Л. 19. (Изъ двугъ гласныхъ перьвая чище а, о, і, у). *Двугласная* на концѣ значитъ перьвое лице настоящаго единственнаго или прилагательное?
Смотр. 3. *Двогласныя* 1) свойственныя (съ греческаго!) и 2) несвойственныя (ай, ей и пр.).
Вейсм. 4. Е въ началѣ слова je: единъ.

94—95. См. 4—5. Раздѣленіе *согласныхъ:* I. полгласная и безгласная (нѣмыя); II. измѣняемая (г, к, х, ц, ж, ч, ш) и таемая (л, м, н, р).
Вейсм. 3. *Consonanten* harte und sanfte.

97. Вейсм. 4. *Е* въ началѣ слова какъ *je* (ср. § 91), въ концѣ — wie ein schlechtes *E:* естество=jestestwo.
№ 112. Л. 15. Das Ь sehet man oft am Ende eines Worts nach den Buchstaben *g* und *ch,* als *wenig, durch* u. d. g. mann kann es am besten von Ъ unterscheiden. Wenn man die Endung des Worts *durch* vergleicht, man wird bald in der Aussprache vor *ch* einen grossen Unterschied wahrnehmen.

100. Вейсм. 5. Буква *Ю* въ началѣ и послѣ гласныхъ ganz stark wie *ju;* послѣ же согласныхъ — etwas gelinder: люблю.

101. № 112. Л. 18. Pronunciatio Ruthena duplex censeri debet: simplex et oratoria, e. g. ишчезаетъ, исчезаетъ.
id. Л. 24. *Б* какъ *П* (обчей...), *Г* какъ *Ch, Х* (ногти...) *Б* какъ *П* передъ *Л* (рубль, chrapr.)....
Вейсм. 3. Буква В бываетъ hart (вода) и sanft (ровъ).

§§ 102. id. 3. *Г* fast wie ein *Н* wird pronuncirt: Герасимъ, того... У русскихъ нельзя выразить различія G и H, что было бы очень полезно для точнаго выговора словъ. Хорошо, еслибъ утвердилось начатое различеніе H чрезъ Г, а G чрезъ Г'.

110. Смотр. 15. *Препинанія.* Строчныя суть 10: черта, запятая, двоеточіе, точка. разъятная, единитная, вопросная, удивная, вмѣстная, отложная.

111. id. 10—14. *О просодіяхъ* орѳографійныхъ: оξіа, варіа, периспомени и т. д. Слитная черта на и.

119. Вейсм. 11. In *Plurali* Numero sind alle Adjectiva einer Endigung und sogleish generis omnis. Die Endigung davon kann nach Belieben *е* oder я seyn *(добрые* и *-я).*

Ср. стихотвореніе Ломоносова *«Искусные пѣвцы* всегда въ напѣвахъ тщатся» (Библіогр. Зап. 1859 № 11): тутъ повторены всѣ доводы противъ мнѣнія Тредьяковскаго *объ окончаніи на И Прил. Муж. Имен. п. Мн..* — которые также собраны въ особыхъ примѣчаніяхъ Л—ва на это мнѣніе, (Пекарскій Доп. Изв. 116—119).

130—136. Смотр. 15—16. Запятая полагается... отходомъ вмалѣ глаголемая восторгающая и препинающая. По запятой полагается двоеточіе; по двоеточіи точка, совершенъ глаголемаго разумъ заключающая. Единитная въ рѣченіи нераздѣльномъ, изъ строки въ строку преходящемъ. Вопросная въ концѣ гаданій вопросительныхъ.

132. Примѣръ повторенъ въ Dissertation surles devoirs des Journalistes: il n'y a point d'ignorant, qui ne puisse former beaucoup plus des questions, que le plus habile homme n'en peut resoudre (Куникъ. 530).

137. Смотр. 15. *Препинанія* строчныя: чертá.

138. ib. *Роды* суть седмь: Муж., Жен., Средній, Общій (М. и Ж.), Всякій (М., Ж. и С.), Недоумѣнный, Преобщій.

Вейсм. 9. *Роды* Masc., Fem., Neutr., Omne. 10. Das genus Commune, Dubium und Epicœnum ist in der Russ. Sprache nicht recipiret.

139—142. Смотр. 25. Именъ роды познаются изъ окончанія: 1) на Ъ, Ь (4-го склоненія) и *И* большею частію муж. р.; 2) на *А, Ь* (3-го скл.) — женскаго, развѣ собственныхъ муж. на А. 3) На *О, Е, IЕ* — средняго рода.

141. Вейсм. 9. Generis *Masc.* на ъ, и, ь (Род. я).

143. Смотр. 27. На Ь имена 3 склон. *женскаго* рода: страсть, добродѣтель и т. д. 4-го же склоненіе муж. р.: угль, мечь, рукоять, ревнитель, вопль, плющь, стражь и пр.

Вейсм. 10. Gen *Femin.* на Ь (Род. И): любовь. Исключенія: день, путь и пр.

144. Смотр. 26. На ѧ 1-го склон. *женск. р.*, а 2-го средній: отрочѧ, имѧ, сѣмѧ.

Вейсм. 10. Gen. *Femin.* auf Я, wenn kein M vorher geht.

146. Смотр. 26. *Склоненія* суть пять.

147. id. 29—32. *Перваго склоненія* три окончанія: А, Я, И. На А. рода Муж., Жен., Общаго и Всякаго; на Я, И — Женскаго.

148. — ихъ же Родит. на ы, Дат. ѣ, Вин. ꙋ (у); Зват. о, Твор. ою, Сказат. ѣ. *Парадигмата* или приклады: 1) *муж.* — той Іѡна, того Іѡны и т. д. Множ. ы, ъ, амъ, ы, ами, ахъ. 2) *жен.* Дѣва. 3) *общаго* — Воевода, Зват. — до! — На *ка* парадигма Рука.

Вейсм. 13. Зват. падежъ всегда подобенъ Именительному, кромѣ словъ

чисто славянскихъ, или когда русскіе хотятъ подражать славянамъ.
id. 14. *Schema Primae Declinationis*
Sing. а-я; ы-и; ѣ; у-ю; а-я; ою-ею; ѣ; Plur. ы-и; ъ-ь-и; амъ-ямъ; ы-ъ-и-ь ы-и; ами-ями; ахъ-яхъ. Paradigma *Рука.*

§§ 149. Вейсм. 14. Paradigma «Княгиня».

150. Смотр. 39. Окончанія втораго склоненія суть четыри: ъ, о, ѧ, е (муж. общ. и всякаго родовъ).
Вейсм. 18. Secundæ Declinationis окончанія ъ, е, о, (мя).

151. ib. *Ед*, ъ, а, у, одушевленныхъ Вин. на *а*, бездушныхъ всяко Именительному подобенъ, е, омъ, ѣ. *Множ.* ы-и, овъ, омъ, ы-и, ами-ы, ехъ-ѣхъ.
Вейсм. 18. *Sing:* ъ, а-у, у, ъ-а, ъ, омъ ѣ. *Plur,* ы-и, овъ, амъ, ы-и-овъ, ы-и, ами, ахъ.

152. Смотр. 59. *Четвертое склоненіе.* Окончаній мужскихъ и общихъ 11 (ь, ай, ей, ой, и т. д.), средн. (іе), греческ. (ιον, ειον). *Един.* ь-и, я, ю, я, ю, емъ, и. *Множ* е-іе, ей-ь-евъ, ѧмъ-емъ, п-іе-ь-ей, іе-и, ми, ехъ.
Склоняй: пастырь, мятежь, свидѣтель и зной.
Вейсм. 23—24. *Схема четветаго склоненія:*
Sing. ь-іе-й, я, ю, ь-и-я, ь-и, ь-и, емъ, ѣ.
Plur. и, ей-евъ, ямъ, и-ей-евъ, и, ями, яхъ.
Paradigma злодѣй и пр.

153. Смотр. 42. Среднихъ именъ всѣхъ чиселъ три падежи суть подобни: Имен., Вин. и Зват.
Вейсм. 18. Имена на О: *Sing.* о, а, у, о, о, омъ, ѣ; *Plur.* а, ъ, амъ, а, а, ами, ахъ.

154. Смотр. 45. Сердце... о сердцехъ, о сердцахъ.
Вейсм. 18. *Имена на Е: Sing,* е, а, у, е, е, емъ, ѣ. *Plur.* а, ъ, амъ, а, а ами, ахъ.
id. 19. Окончанія на ЦЕ (кромѣ сердце) очень часто переходятъ въ ЦО, лицо, яйцо.

155. Смотр. 56—57. *Етероклита 3 склон.* Собирательныя — быліе, іѧ, ію, іемъ, Мн. ч. быліи, ій, іемъ, іи, іями, іехъ.
Вейсм. 24. *Quarta declinatio auf IE Sing.* іе, ія, ію, іе, іе, іемъ, ѣ (іи). *Plnr.* ія, ій, іямъ, ія, ія, іями, іяхъ.

157. Смотр. 47. Парадигмата среднихъ на ѧ и *со.*

158. id. 47. *Имена кончащіяся на мя, ѧ;* имя, ене и т. д. Множ. имена, къ намъ. Сице — сѣмя и др.
Вейсм. 18. Paradigma время: *Sing.* я, ени, ени, я, я, енемъ, ени. *Plur* ена' енъ, енамъ, ена, ена, анами. ахъ.

159. Смотр. 47. Отроча, чяте, чяти, чя, чятемъ, чяти, чята, чятъ, чятамъ; чята, чяты, чятѣхъ. Сице жеребя и др.
id. 55. *Един.* ь, и, и, ь, ь, ію, и. *Мн.* и, ій-ей, ямъ, и, и, ьми, ехъ: заповѣдь, добродѣтель и пр.
Вейсм. 22. *Tertia declinatio:* Sing. ь, и, и, ь, ь, ію-ью, и. Plur. и, еи, ямъ, и, и, ями, ьми, яхъ: заповѣдь, лошадь.

161. Смотр. 68. *Един.* ый, ій-ая-ое, аго-ыя-аго; ому-ой-ому; аго-ую-ое; ый-ая-ое ымъ-ою-ымъ; омъ, ѣмъ-ой, ѣй-ымъ. *Множ.* іи-ая-іи; ыхъ; ымъ; іи-ая-іи ыми; ыхъ: Святый, благій, нищій.

Един. ій-яя-ее; яго-и-яго; ему-ѣй-ему; яго-ю-яго; имъ-ею-имъ; ѣмъ, ѣ-ѣй, ѣ-ѣмъ. *Множ.* и-ія-и; ихъ, ь; имъ; и; ими, ихъ: Божій.

§§ 161. Вейсм. 10. Часто вм. Един. Имен. Муж. употребляется Дат. Един. Жен., доброй вм. — ый, свѣжей, синей.

id. 11. In Plur. Numero sind alle Abjectiva einer Endigung, und sogleich generis omnis. Die Endigung davon kann nach Belieben E od. Я seyn. (добрые-ыя).

id. 29 — 30. *Schema declinationis adjectivorum:*

Sing. ый, ій-ая, яя-ое, ее; аго, яго-ыя, ія-аго, яго; ому, ему-ой, ей-ому, ему; ый или аго, яго-ую, юю-ое, ее; ый, ій-ая, яя-ое, ее; ымъ, имъ-ою, ею-ымъ, имъ; омъ, емъ-ой, ей-омъ, емъ. *Plur.* е-я; ыхъ-ихъ; ымъ-имъ; е, ыхъ-я, ихъ-е, я; е-я; ыми-ими; ыхъ-ихъ. Paradigmata: добрый, божій.

162. Смотр. 32. На *ГА, КА, ХА,* кончающіяся имена имѣютъ Род. Ед. и Вин. Мн. на *И,* а не на *Ы.*

163. Вейсм. 15. Имена на А имѣютъ Род. Мн. на Ъ.

id. 14. Гдѣ предъ Ъ, Ь въ Род. Мн. двѣ согласныя и послѣдняя изъ нихъ *К,* тамъ вставляется О. Но если окончаніе имени шка, чка, жка, то вставляется не О, а Е.

164. id. 15. Если между двумя согласными окончанія стоитъ Ь, то въ Род. Мн. оно измѣняется въ Е: люлька,-лекъ, нянекъ и пр.

165. id. 14. Если предъ Ъ, Ь въ Род. Мн. двѣ согласныя и послѣдняя изъ нихъ Л, М, Н, Ц, то между ними вставляется Е.

168. id. 15. Имена ія, ья, оя и пр. въ Род. Мн. имѣютъ *й*: игуменій, портомой, свиней.

169. Смотр. 53. *Етероклита II* склоненія: Домъ Род. у, Дат. *у* и *ови* и пр. Вейсм. 20. Во 2-мъ склон. встрѣчаются слова съ Род. и Предл. на у.

180. Вейсм. 19. Vocales Intermedias выбрасываютъ особенно имена на ецъ, als welche dieses E in denen Casibus obliquis allemahl verlieren.

181. id. es sey denn, dass dieser sylbe mehr denn ein Consonans, oder wie es in Prosodie klinget, eine Positio vorhergehe, — da alsdann dieses E beybehalten wird, als bey denen Wörtern кузнецъ, истецъ etc. bleibt das E in allen casibus obliquis, ausser in dem Worte истецъ, истца.

185. Смотр. 52. Греч. имена — Іисусъ имѣетъ *Зват.* пад. Іисусе, Христосъ — сте. Вейсм. 20. Неправильныя II склоненія: Христосъ — сте. Іисусе...

186. id. 18. *Винит.* пад. въ одушевленныхъ подобенъ Родительному, въ неодушевленныхъ Именительному.

191. id. 19. *ГЪ, КЪ, ХЪ* имѣютъ въ Имен. Мн. не *Ы,* но *И*: пироги и пр.

192. Смотр. 49. Имена *отечественныя* Муж. р. Имен. и Зват. Множ. творятъ на Е: Римляне.

Вейсм. 20. Имена на *ИНЪ* имѣютъ Имен. Мн. на *НЕ — НЯ.*

194. id. *Неправильныя* II склон: внучата, друзья, батожья, листы и листья, сыновья, деревья, прутья, колья, перья.

202. Смотр. 47. (ко II склон:) на *СО* парадигма: словесо или слово, Род. — есе. Вейсм. 21. Неправильныя II склон. око-очи, уши, суда, небеса, чудеса.

id. 20. Есть имена, особенно кончающіяся на О, Е, съ двумя предыдущими согласными, вставляющія въ Род. Мн. *Е* или *О*: оконъ, седелъ и пр.

§§ 205. Вейсм. 20. Имена на *ЕНОКЪ* могутъ склоняться правильно по II скл. и неправильно на *ТА*: жеребята, телята.

208. Вейсм. 23. Любовь, Церковь — въ косвенныхъ падежахъ выбрасываютъ О предъ слогомъ.

209. Смотр. 56. Матерь-ре и пр.
Вейсм. 23. Неправильно склоняются: мать-тери, дочь,-дочери, потому что въ Церковн. языкѣ матерь, дочерь.

212. Смотр. 23. Разсудительный на *ЂЙ,* имъ же Родительна, развѣ правильна, не обрѣтаетъ.
Вейсм. 12. Въ Русскомъ языкѣ прилагательныя не имѣютъ степени сравнительной, а вмѣсто нея Adverbia comparative bedienen.

213. Смотр. 23. Положительный съ *ПРЕ* превосходную силу принимаетъ.
Ср. Вейсм. 12.

214. Вейсм. 12. *Самый* съ положительнымъ образуетъ Superlativ.

215. Смотр. 20. Разсудительный степень на *шій,* Превосходительный *ъйшій.*
Вейсм. 12. Superlat. на *ъйшій, айшій.*

216. id. *Най* со сравнительнымъ образуетъ Superlat., соотвѣтствующій нѣмецкому desto.

219. Смотр. 20. Въ Превосходительной степени *Г* и *Д* перемѣняются въ Ж.

220. id. *Кій* перемѣняется на *шій* и *чайшій.*

223. id. Х перемѣняется на Ш.

224. id. 21. Неправильнаго уравненія имена: благій, злый, велій, малый.
Вейсм. 12. Неправильныя степени сравненія: великій-большій, малый-меньшій, добрый-лучшій.

227. Смотр. 27. Виды производныхъ рѣченій: *отчемменный* (павловъ), *притежательный, отечественной* (вильнянинъ).

240. Вейсм. 9. Nomina mobilia въ *Жен. р.* на А послѣ В, Ж, К, Ц, Х (королева, госпожа), или на Я послѣ Н, Ь (богиня, хохотунья).

241. id. Nomina *propria* et dignitatum изъ иностранныхъ языковъ въ *Женскомъ* родѣ на *ша*: генеральша.

246. Смотр. 27. Виды рѣченій: умалительныя, уничижительныя...

257. Вейсм. 31. Имена *числительныя:* 1) Cardinalia, 2) Ordinalia, 3) Multiplicativa.

258. Вейсм. 33. *Cardinalia* образуются изъ Ordinalibus перемѣною *Ь* на *Ы.Й*

260. Смотр. 85. У Малороссовъ неправильно склоняются въ Един. и Двойств. числѣ рѣченія: *двои, трои, четверо* и пр., еже противно и разуму. Но нынѣ они Един. и Двойст. ч. лишаются: *четверо,* ыхъ, ымъ, о-ыхъ, ыми, ыхъ.

261. id. 88. Сто, ста, сту, сто, стамъ, стѣ. Двѣстѣ, двусту. Триста, трехъсотъ, — стамъ и т. д.
Вейсм. 32. Сорокъ, девяносто, сто по II склоненію: Двѣ сти oder два ста, двухъ или дву сотъ, двумъ (дву) стамъ, двумя стами.

264. Смотр. 110. *Виды Глагола:* 1) первообразный и совершенный (чту, стою); 2) производный α) начинательный (каменѣю) и β) учащательный (читаю).

267. id. 111. (ср. § 69 — 70).
Вейсм. 38. *Modi* verborum tres: Indicativus, Imperativus, Infinitivus.

268. (ср. § 64 — 66). Смотр. 112. *Временъ* 6: 1) *Настоящее* 2) *Преходящее* (не совершенно прошлое: бихъ). 3) *Прешедшее* (совершенно прошлое: біяхъся),

4) *Мимошедшее* (имъ же древле-совершенно прешедшее дѣйство знаменуемъ: бяахъ). 5) *Непредѣльное* (имъже вмалѣ совершенно прошлое дѣйство знаменуемъ: побихся). 6) *Будущее* (имъже грядущее знаменуемъ).

Вейсм. 38. *Indicat.* 3 *tempora:* Praesens, Perfectum. Futurum.

id. 39. Von dem Imperfecto und Plus. Perf. wissen die russischen Verba eigentlich nichts, wo aber dergleichen expressionen vorkommen, pflegt man in dem Perfecto die Adverbia *недавно* und *давно* hinzusetzen.

§§ 274. Смотр. 109. *Залоговъ* 5: Дѣйствительный, Страдательный, Средній, (Отложительный), (общій).

Вейсм. 38. Die *Genera Verborum:* Activum, Passivum, Neutrum und Deponens.

275. Смотр. 109. *Дѣйствительный* иже дѣйство знаменуетъ и слога *ся* приложеніемъ страдательный изъ себя творитъ.

id. Глаголъ *Преходительный,* иже безъ приложенія падежа совершенна разума не творитъ, яко люблю и пр.

276. id. *Страдательный* — страданіе знаменуетъ, и за отложеніемъ *ся* дѣйствительнымъ бываетъ.

279. id. *Средній* въ страдательный не прелагается: стою.

280. id. *Общій* — окончаніе страдательнаго, знаменованіе же дѣйствит. или средняго.

281. Смотр. 108. Глаголъ четверогубъ есть: *личный, безличный, стропотный, лишаемый.*

Вейсм. 38. Verbum *personale* und *impersonale.*

282. Смотр. 108. *Личный* — иже вся лица всѣхъ трехъ чиселъ имать. *Безличный* есть иже 1-го и 2-го лица всѣхъ 3-хъ чиселъ, во многихъ же и 3-го множ. лишается: подобаетъ, глаголется.

283. id. *Стропотный* — по правилу личныхъ не спрягается: ѣмъ, вѣмъ.

284. id. *Лишаемый* — наклоненій и временъ лишается: рѣхъ, успу.

285. id. 114—115. *Спряженія* глаголовъ суть *два:* 1) глаголовъ второе лице Изъяв. Наст. имущихъ на *еши;* 2) на *иши.*

286. id. 115. Перваго спряженія глаголовъ окончанія сугуба суть: *чистая* и *нечистая. Чистая* суть девять: аю, ею, ію, ою, ую, ню, ѣю, юю, яю.

287. id. *Нечистое* есть одно *у,* согласнымъ мало конмъждо онечищаемое (развѣ Л онечищающаго): бу, ву, гу, ду, жду, зу, ку, лю, му, пу, ру, су, чу, шу, щу.

id. 137. Глаголы кончащіися на бу, гу, ду, зу, ку, пу, су, ту, имѣютъ преходящее на *охъ.*

288. Смотр. 115. II-го спряженія глаголовъ окончанія сугуба суть: 1) чистая (аю, ою) и 2) нечистое-ю, конмждо мало согласнымъ онечищаемое, яко скорблю, метртвю и пр.

290. id. 138. Глаголы на *гу* и *ку* кончающіеся обычнѣ во второмъ и въ прочінхъ всѣхъ числъ лицахъ, времене настоящаго: *г* убо на *ж, к* на *ч* претворяютъ: могу-жеши, теку-чеши.

291. id. 137. Глаголы на *аю* въ прошедшемъ на *ахъ.*

id. 169. Преходящее I спряж. правильнѣ составляется отъ 1 л. Наст., вида совершенна, измѣняюще *ю* на *хъ, у* же на *охъ.*

§§ 292. id. 137. Начинательніи глаголы, ихже окончаніе едино *ню,* преходящее творятъ измѣняюще *ю* на *хъ*.

312. id. 170. Непредѣльное время (аористъ?) составляется отъ преходящаго, и тожде съ нимъ есть кромѣ паращенія: чтохъ — прочтохъ.

315. Смотр. 113—114. *Роди* Глагола: Муж. (на лъ), Жен. (ла) Ср. (ло), Общій (писма).

316. id. 170. *Прешедшее* составляется изъ 1 л. Изъяв. Наст., *аю* измѣняюще на *ахъ, ею* на *ехъ, ую* на *овахъ*.

329. Вейсм. 39. *Futur.* изъ Infinitivo, съ прибавленіемъ словъ *буду, стану*.

330. id. 138. Суть нѣцыи обоего спряженія глаголы, иже *будущее* самоставно имутъ: плюю-плюну, дму-дуну.

331. id. (ср. 170). *Будущее* глаголовъ составляется отъ 1 л. Наст. Изъяв., вида совершенна, тожде съ нимъ развѣ наращеніе суще. Наращеніе же будущаго ови предлоги бывати обыкоша: оу, изъ (съ), во, со, на, ѡ, по, при, за, вос, рас.

332. id. 171. Наст. Повелит. отъ 2 л. Наст. составляется.

333. id. Вижю, вѣмь, ямь, даю. Повелительное неправильнѣ составляютъ.

336. id. 172. Неопред. накл. составляется изъ 1 л. преходящаго Изъяв., измѣняюще *хъ* на *ти:* творихъ-ти.

337. id. Накл. Неопред. не по правилу, но по обыку составляется: гребохъ-грести, стрегохъ-стрещи, ведохъ-вести, грызохъ-зти, текохъ-щи, чтохъ-чести и пр.

342. Смотр. 173—177.

345. id. 177. Причаст. Преход. на *ный, тый*.

346. id. I Спряж. Преходящее на *ный, тый* составляется отъ 3 л. Преход. Изъяв., воспріемлюще къ нему *ный, тый*.

349. Смотр. 9. *ный* въ именахъ можетъ быть два *нн* (истинный), а въ причастіяхъ — одно (читаный) (sic).

350. id. 175. I Спряж. Прич. на *щій* отъ Прешедшаго на *охъ:* текохъ — текшій.

358. id. 116 Мало ни единъ совершенный Глаголъ есть Славяномъ, своего учащательна употребительнѣ или надъ употребленіе не имѣяй.

359. Смотр. 156. Глагола личнаго, залога средняго, время *Настоящее:*
Ед. есмь, еси, есть. *Мн.* есмы, есте, суть.
Преходящее: бѣхъ, былъ.
Будущее: буду, еши, етъ, емъ, ете, утъ.
Повелит: буди, да будетъ, будѣмъ, будѣте (будите), да будутъ.
Неопред. быти. *Причастіе* сый, сущій; бывый, бывшій; будущій.
Вейсм. 40—41. Есмь, еси, есть, есмы, есте, суть. — Былъ, буду.

360. Смотр. 116—126. Парадигма или прикладъ I спряж. глагола личнаго, залога дѣйствит., вида соверш., накл. *изъявительнаго:*
Наст. чту, чтеши. *Преходящее* — чтохъ. *Прешед.* читахъ, -лъ, ла. *Мимошедшее* — читаахъ; *Непредѣльное* прочтохъ. *Буд.* прочту. *Повел. Наст.* чти, да чтетъ, чтѣмъ, чтѣте, да чтутъ. — *Буд.* прочти., *Накл. Неопр.* вида *Соверш.* честн; в. *Учащательна* — читати. *Прич. Наст.* чтый, чтущій. *Прч. Прех.* чтей четшій; *Прч. Непредѣльн.* прочтей, прочетшій. *Дѣепр. Наст.* чты или чтущъ, щи (жен.), ще (сред.); читая. *Преш.* читавъ, вши (жен.) *Непред.* прочетъ, тши (жен.).

Вейсм. 41. Примѣръ I спряж. я дѣлаю, я дѣлалъ, буду-ать,-ай,-ающій, имущій-ать,аючи,-авши.

§§ 362. Смотр. 126—130.

363. id. Глагола личнаго Залога страдат. Настоящее: чтуся, чтешися.

366. id. 152. Глаголы на *лю* нѣцыи оставляютъ *л*, могущіи обаче и въ самомъ ѳематѣ оставити, яко сплю-спю, спиши; славлю-виши.

367. id. II Спряж. Глаголы на *гю, жю, чю, шю, лю,* и *жду* кончащіися во 2-мъ ѳематѣ лица прелагаютъ *г* убо на *ж*... *ж* овіи то хранятъ: лежу, — жиши.

368. — Овіи же прелагаютъ на *д* или *з*: вижу-диши, гружю-зиши и пр.

370. id. *ч* овіи хранятъ, овіи прелагаютъ на *т*.

372. } id. *ш* нѣцыи хранятъ, нѣцыи на *с* претворяютъ: глашу-сиши.
373. }

375. id. 170. Преход. II спряж. правильнѣ составляется отъ 2 л. Наст., измѣняюще *ши* на *их*.

383. id. 138. Нѣкоимъже Глаголомъ, самѣмъ убо перваго спряженія сущимъ, Буд. Непредѣльное втораго имущимъ,... и въ противъ: сѣжу, сяду, сѣдохъ.

387. (ср. § 336, 341). Смотр. 172.

389. id. 175. (ср. § 350).

396. Смотр. 139. Парадигма II спряж.: творю, иши, итъ.
Вейсм. 43—44. Примѣръ II спр. я вѣрю,... илъ.. буду вѣрить.

422. id. 163. Спряженіе неправильнаго Глагола ѥмь, ѥси, ѥстъ и пр.

428. Смотр. 90. *Мѣстоименіе* есть часть слова склоняемая, вмѣсто имени пріемлямая. Мѣст. суть 18: азъ, ты, себе, самъ, овъ, онъ, кто, той, сей, мой, твой, свой, кій, чій, нашъ, вашъ, его, иже.

429. id. *Видъ* Мѣст-ій: 1) *Первообразный* (азъ, ты и др.) и 2) Производный (мой, твой, свой, нашъ, вашъ).

430. id. *Качества* Мѣстоименій: 1) *Указательное* (азъ, ты, сей, овъ, онъ, той), 2) *возносительное* (самъ, сей, овъ, онъ, той, иже), 3) *возвратительное* (себя), 4) *вопросительное* (чій, кто, кій), 5) *притяжательное* (мой, твой, свой, нашъ, вашъ, его).
Вейсм. 34. Pronomina. *Personalia* (я, ты, онъ), *Demonstrativa* (этотъ, тотъ)... *Relativa* (который, кой), Reciprroca (себя), *Interrogativa* (кто, что, чей), *Possessiva* (мой, твой, свой).

431. Смотр. 90. Послѣдуютъ мѣстоименію *осмь:* видъ, качество, *родъ, число,* начертеніе, *лице, падежъ* и *склоненіе*.

432. id. 91. *Родъ* Мѣстоим. Муж., Жен. Средній, Общій (кто), Всякій (азъ, ты, себе).

433. id. 91—92. *Числа:* Ед. и Множ.; *Лица:* 1-е, 2-е, и 3-е; Падежей 7; Склоненія (4).

434. id. 92. *I склон.* Азъ-мене; ты-тебе; себе (Имен. лишается) себѣ, єебе-сѧ, собою, ѡ себѣ.

435. id. 93. *II склон.* Самъ-ого-ому; опъ-онаго-оному. Мн. оны и т. д.

436. id. *Самъ*-а-о; ого-ыя-ого; ому-ой, ѣй-ому; аго-у-о; ѣмъ-ою-ѣмъ; омъ-ой-омъ. *Множ.* Сами,-ѣхъ,-ѣмъ,-ы,-ѣмъ,-ѣхъ.
id. 96. *III склон.* Кто, кого, кому, кого, кѣмъ, о комъ, той.. Мн. ч. тія, тѣхъ, тѣмъ, тыя и пр.

id. 98. Сей, мой, чій.. Нашъ-а-е; его-ея-его; ему-ей-ему; его-у-е; имъ-ею-имъ; емъ-ей-емъ. Множ. и-я-и ихъ; имъ; я; ими; ихъ.

§§ 437. Вейсм. 35. *Свой* по требованію глагола относится то къ 1-му, то ко 2-му, то къ 3-му лицу: я своими глазами видѣлъ; ты за это свои деньги заплатилъ; онъ своею рукою подписался.

439. Смотр. 179—180. Роди *Причастія* суть три: Муж., Жен., Средній. Число трегубо: Ед., Двойст. и Множ. *Падежи* суть седмь. *Времена* — шесть: 1) Наст. совершенныхъ. 2) Наст. учащательныхъ. 3) Преходящее. 4) Прошедшее и мимошедшее. 5) Будущее. 6) Непредѣльное.

440. id. 180. О *Залогѣ*. Ихъ пять: Дѣйств., Страд., Средн., Отложит., Общій.
id. 182. Причастія по правиламъ 5 имене склоненія склоняются. Біющій, -аго и т. д. Множ. -іи.

445. id. 186. *Склоненіе* причастій на *мый* и *ный*: біеный.

447. id. 181. Причастія глаг. страдательныхъ.

450. id. Прич. гл. отложительныхъ и общихъ.

452. id. Прич. гл. среднихъ.

455. Смотр. 188. Знаменованія *Нарѣчія* суть различна: 1) *Времене* (настоящаго — днесь, прешедшаго — вчера, и грядущаго—воутрія). 2) *Мѣста (гдѣ*, ту, тамо, ондѣ, внутрь, внѣ, горѣ, долѣ, низу, близъ, далече, предѣ, средѣ, противу, идѣже, *откуду... камо)*. 3) *Качества* (како, добрѣ, злѣ, скоро). 4) *Количества* (много, довольно). 5) *Числа* (многажды, единою). 6) *Чина* (первѣе, посемъ). 7) 8) 9) *Оувѣщанія* (тако, истинно, ей..). 10) *Отрицанія* (не тако, ни мало). 11) 12) *Напряженія* (зѣло, вельми). 13) 14) 15) *Оуподобленія* (акибы, коль). 16) *Разнства* (инако). 17) 18) *Вопрошенія* (доколѣ). 19) 20) *Собранія* (купно). 21) 22) 23) *Оускоренія* (внезапу). 24) *Оуказанія* (се, оно, вотъ).
Вейсм. 45. *Adverbia*: Temporis, Loci, Numeri, Quantitatis, Qualitatis, Affirmani, Negandi, Interrogandi, Dubitandi.

456. id. 187. Степеніе уравнепія *Нарѣчія* суть три: Положит., Разсудит. и Превосходительный (крѣпко, -пчае, -пчайши).

460. Смотр. 190—191. Всѣхъ *Предлоговъ* есть 20: оу, отъ, изъ (съ), во, со, на, надъ, ѡ или объ, по, подъ, предъ, при, до, ко, за, вос, нис, рас, пре, про.
id. 191. Овіи изъ предлоговъ глаголомъ *сочинительнъ* и *сложнъ* предлагаются, овіи же сложнѣ точію: 1) ухожду, отъ хожду. 2) воз-, низ-, раз-, пре-, про-.

463. Смотр. 191. *Союзы* имѣютъ три *начертанія:* 1) простое (прежде...) 2) сложное (прежде-даже...) 3) пресложное (прежде даже не...).

464. id. 191—192. *Знаменованія* союза суть: 1) Сопрягательное (и, же). 2) Раздѣлительное (или, ли, либо). 3) Сослагательное (аще, ащели). 4) Противительное (но, поне...) 5) винословное (ибо, понеже...) 6) 7) Наносительное (тѣмъ же оубо, заеже...) 8) 9).
Вейсм. 45 *Conjuctiones* 1) Copulativæ (и, также, какъ...). 2) Disjunctivæ (или, либо). 3) Conditionales (ежели, буде). 4) Adversativæ (да, однако, но). 5) Causales (ибо, понеже, для того что). 6) Conclusivæ (то, такъ, убо).

465. Смотр. 192. *Чинъ* союза, 1) предлагательный (ащебо, не, заеже...) 2) подлагательный (оубо, либо инр.) 3).

468. id. 193. Знаменованія *Междометія* суть различна... радующагося (гой!),

жалѣющаго (огъ, охъ, а!), плачущаго (охъ, ооо!), удивляющагося (о, оле), мерзящагося (фе), поношающаго (вагъ, оуга, ау), боящагося (ой ой!), отзывающагося (га, что, ась).

Вейсм. 46. *Interjectiones* bey'm Schmerzen (увы! ахъ!), Verwunderung (ба, што это), Furcht (ахъ, ай), Lachen (хахаха), Weinen (ой).

§§ 469. Смотр. 194. Имя Прилагательное, Именное, Мѣстоименное, Причастное—Существительному, емуже прилагается, согласуетъ въ родѣ и числѣ и падежи: «другъ извѣстенъ въ неизвѣстнѣ вещи познавается».

Вейсм. 46. Имя согласуется съ прилагательнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

470. Смотр. 194. Существительная, союза частицами сопряженная, многажды Множ. притяжутъ прилагательное: «Петръ и Андрей рождени въ Галилеи».

id. 195. Единственное прилагательное, многимъ различныхъ родовъ Существительнымъ припрягаемое, ближайшему согласовати держится.

471. Смотр. 227. *Причастія* — нарицаемый, именуемый, глаголемый, мнимый и и симъ подобная, при двою Сущест. различныхъ родовъ полагаемая, силу вещи носящему Сущ—му въ родѣ, числѣ и падежѣ *сочиняются:* «Градъ, Аѳины нарицаемый».

473. id 197. Двою существительну различныхъ вещей стекающуся, другое ихъ въ Родит. полагаемо бывати обыче: «духъ премудрости».

Обычно Славяномъ надъ Греческихъ діалектовъ свойство есть, Сущ-ну въ Род—мъ полагаему, Прилагательна сочинена себѣ не имущему, въ Прилагателенъ Притяжателенъ претворятися: «страхъ Господень». Имущему же себѣ инъ Прилагателенъ сочиненъ, нужда есть въ Родит—мъ пребывати неподвижно.

Вейсм. 46. So offt zwei Substantiva unterschiedlicher Sachen zusammen kommen, ohne dass eine Conjunction dazwischen, so muss das Andere, wen es ein Adjectivum, Pronomen, oder Participium bey sich hat, im Genetivo getetzet werden, als: дворъ человѣка знатнаго. In so ferne aber das Andere Subst. kein Adject., oder Participium bey sich hat, so wird solches ein Adject. Possess., und alsdann nach der ersten Regel construirt, als: книга ціцеронова.

474. Смотр. 196. Прилаг—ая, Сущ—нѣ употребляемая, нравомъ Сущ—ныхъ, Род—нъ притяжутъ: «много стяжанія куплею пріиждиве».

475. id. 210. Имен-ный Глаголу личному, наклоненія Опредѣленнаго, явѣ или тай предложенный, согласуетъ ему въ родѣ, числѣ и лицѣ.

Вейсм. 46. Verbum Personale Finiti modi regieret einen Nominativum welcher im gleichen Numero und Persona dem Verbo hervorsteht.

476. Смотр. 211. Многажды долгъ Имен—го Неопредѣленный Глаголъ завершаетъ: «нѣсть мое дати».

477. id. 210. Множша двою имену, сопряжена соузомъ и не сопряжена, овогда множественъ Глаголъ пріемлютъ, овогда же Единственнымъ удовольствуются: «нищета, чистота и смиреніе спасаетъ иноки».

478. id. 210. Глаголъ Множественный честнѣшему лицу припряжется: есть же первое — втораго, второе — третьяго честнѣе.

479. id. 195. Сущ—му въ коемъ либо числѣ сущему припрягаемо Прил—ое, пріискреннѣе ближайшему припряжется.

§§ 481. id. 197. Ко послѣдующему *Возносительному* предъидущаго естество притяжущій Род—ый неподвиженъ храпимъ быти держится.
Вейсм. 46. Pronom. Relativ. въ родѣ и числѣ согласуется съ предыдущимъ существительнымъ.

482. Смотр. 198. Сущ—ая, къ чести или безчестію возносимая, Род—нъ пріемлютъ: «мужъ сердца высокаго, младенецъ чистыя совѣсти».

483. id. 199—201. О сочиненіи *Прилагательныхъ* съ Сущ—ми въ Род., Дат. и Творительномъ падежахъ.

484. id. 199. Частвительная, обаче и числительная, частѣе Род—ный пад. со предлогомъ *отъ* пріемлютъ.

485—486. Смотр. 199. *Числительная* единъ, (два, три, четыри), Сущ—ымъ сочинена, прилагательныхъ правиломъ согласуютъ имъ въ родѣ, числѣ и падежи.

486. Вейсм. 32. *Cardinalia* два, три четыре den genit. sing. regieren: два попа, 4 лошади.

488. Смотр. 199. (ср. 217). Прочая *числительная* (кромѣ 1—4), 3-мъ лицемъ Глагола есмь Сущ-мъ сопряжена, Род-му радуются.
Вейсм. 32. Числительныя 5, 6 и пр. сочиняются съ Род. Множ.

489. Смотр. 198. Стицаемая Сущ-ая, едину и туже вещь изъясняющая, Родомъ убо и Числомъ по случаю, Падежемъ же по нуждѣ согласовати держатся.

494. id. 200. *Разсудительная* и *Превосходительная* о Род-мъ веселятся.

495. id. Разсудительнаго Род-ный Пад., союза *неже* или *нежели* примѣшеніемъ, въ Имен. Пад. переходитъ... Примѣшеніемъ же Наречія *паче* преходитъ въ Падежъ, Нарѣчію должный.

497. id. Разсудительнымъ многажды припрягается Твор-ый Пад. преимѣнія: «юншій брата треми лѣты».

501. id. 213. Глаголы, дѣйство и пріискренну себѣ вещь знаменующіи, Винит-му сочиняются.
Вейсм. 46. Verb. Act. на вопросъ *что* сочиняется съ Винит. Пад.

502. Смотр. 212. Глаголи, Вин-му сочиняеміи, отрицанія частицу *не* пріемлюще, Вин-ый претворяютъ въ Род-ый: «души алчущія не оскорби».
Вейсм. 46. Verb. Activum съ частицею *не* требуетъ Род. Пад.: «я книгъ не читаю».

505. Смотр. 212. Глаголи послушанія, желанія... исканія и пр. Род-му сочиняются: «ищу цѣломудрія, держюся благочестія».

506. id. 115, 116. Твор-ый Пад. есть свойственный Страдательнымъ Глаголамъ.

507. id. 116. Твор-ый органа, т. е. орудія сочиняется всякому глаголу.

509. id. 219. Глаголы, страданіе нѣкое знаменующіи, Род-му съ предлогомъ ѿ сочиняются.
Вейсм. 46. Verb. Pass. послѣ себя требуетъ Род-аго съ предлогомъ *отъ*, или Твор-аго.

516—517. Вейсм. 46. *Есть* всегда имѣетъ предъ собой Имен-ый, послѣ себя Имен-ый или Твор-ый: «онъ будетъ Архіереемъ».

518. Смотр. 225. Многажды *есть* оставлено приразумѣвается.

524. Смотр. 219 и слѣд.

525. id. Неопредѣленнымъ Глаголомъ опредѣленніи предъити обыкоша.
id. 220. Неопредѣленніи обычнѣ глаголомъ воли и навыка и самъ подобнымъ припряжутся.

§§ 533. Смотр. 213. Всѣхъ Залоговъ Глаголомъ сочиняемъ бываетъ *Дат. Самостоятелен:* «богу дающу, зависть ничтоже успѣваетъ».

539. Смотр. 202. Первообразныхъ *Мѣстоименій* Дательніи ми, ти, си вм. Производныхъ мой, твой, свой — во всякомъ родѣ, числѣ и падежѣ Сущ-мъ сочиняются: отецъ ми есть, вм. отецъ мой.

540. id. 203. Вящшія энергіи или силы дѣля и оная *Мѣстоименія — самъ* азъ, самъ ты — согласнѣ сочиняема быти обыкоша.

541. id. *Возносительная* — самъ, сей, овъ, онъ, той, изряднѣе же *иже, его,* согласуютъ своему предъидущему въ Родѣ и Числѣ.

542. id. 204. *Возносительная,* между друмя родомъ разнствующима Сущ-ыма положенная, къ коему либо Сущ-му возносятся. Есть Аттикомъ свойство, славенску языку всяко странно, Возносительному со предыдущимъ въ томъ же падежи сочинятися, на послѣдующій глаголъ ни единъ взглядъ имущему.

545. id. 209. Существительнѣ употребляемая мѣстоименія, Сущест-ыхъ нравомъ именъ, Род-ый притяжутъ: «что ти тамо дѣла?»

546. Смотр. 227. *Нарѣчія* примещутся ко Именемъ, Глаголомъ, Причастіемъ, Дѣепричастіемъ и сама себѣ, знаменованія ихъ во изъяспеніе: «чти прилеждо, моляй усердно, испытая опасно, зѣло рано».

547. id. Нарѣчія именъ, отъ нихъ же производятся, Падежи содержатъ: «достойнѣ мзды; вся Богу и человѣкомъ любезнѣ глаголеши».

548. id. Нарѣчія, обиліе и лишеніе знаменующая, Род-му сочиняются: «довольнѣ имать смиренія, мало цѣломудрія».

549. id. 228—230. Управленіе нарѣчій падежами.

550. id. 231. *Предлоги* съ Род-мъ Пад.: оу, ѿ, изъ, (исъ, съ), до.
Вейсм. 45. Proposit. mit dem Genit.: у, ради, для, до, отъ, изъ и др.

551. Смотр. 233. *Дѣля, ради:* образомъ *предлоговъ* Род-ну послѣдующе служатъ.

552. id. 231—2. *ко* или *къ* Дат-му сочиняются. *по,* сказуемое *послъ* сочипется Сказат-му.
Вейсм. 45. Съ *Дат*-мъ сочиняются предлоги *къ, по.*

553—554. Смотр. 231. *Предлоги* во (или в), на, предъ, надъ, подъ, — егда стояніе знаменуютъ, Твор-му сочиняются; егдаже движеніе знаменуютъ сочиняются Вин-му.

555. id. 232. *со* сочиняется Твор-му.

557. id. ѡ или *объ,* егда станіе знамепуютъ, сочиняются Сказательному; егда же движеніе Вин-му; ѡ вм. *во* (ἐν) со Сказательнымъ.

558. id. *При* сочиняется Сказ-му.

561. id. 233. *Соузи* сопряженія и раздѣленія равныя наклоненія во глаголѣхъ и равные падежи во именехъ связуютъ и раздѣляютъ.

562. id. 234. Соузи *аще, аще бо* Изъявительному предъидутъ; *аще бы* — Сослагательному.
Примѣръ «какъ стану я смотрѣть» см. въ Риторикѣ Ломоносова § 308.

563. id. *Оубо, и, же* другъ другу соподчиняются.
Примѣръ «Хотя всегдашними» взятъ изъ VIII оды, 16 строфа (Смирд. I, 97).

567. id. 265. ѡхъ, оувы, горе, бѣда, ахъ — Дат-му предлагаются.

570. id. *Междометія* ѡле и ѡ Род-му сочиняются.

571. id. 218. Собственныя имена градовъ, царствъ, — стоянію на мѣстѣ знаме-

нуему, — на вопрошаніе *гдѣ,* употребляемъ сказательна со предлогомъ: во Виѳлеемѣ.

§§ 577. id. (Собственныя Имена) знаменуему движенію *къ мѣсту,* на вопрошаніе *камо,* употребляемъ Вин-ый со предлогомъ: «иду во Іерусалимъ».

580. id. Знаменуему движенію *отъ мѣста,* на вопрошаніе *откуду,* употребляемъ Род-ый со предлогомъ *отъ* или *изъ*.

584. id. Знаменуему движенію *чрезъ мѣсто* употребляемъ Вин-ый со предлогомъ *сквозь*.

585. id. 217. Ко вопрошанію временному *когда* отвѣщаваетъ Род-ый; ко вопрошанію *доколѣ* — Вин-ый.

Вейсм. 46. На вопросъ: wie lange? ставится Вин-ый безъ предлога: «жилъ сорокъ лѣтъ».

Въ Библіотекѣ И. Акад. Наукъ есть цѣлый томъ собственноручныхъ записокъ Л-ва, обозначенный въ Каталогѣ № 112. Это черновой матеріалъ для Русской Грамматики, изъ котораго можно видѣть механизмъ его работы и вопросы, надъ которыми ему пришлось особенно много поработать. Выше приложена извлеченная изъ этой Рукописи *Табель Грамматическая,* изъ которой можно видѣть заботливость Л-ва о строгомъ разчлененіи и систематическомъ развитіи грамматическаго матеріалу.

На листахъ 3, 4, 17, 18, 19, 23, 24, 25 той же Рукописи можно видѣть размышленія Ломоносова надъ русской азбукой, которыхъ результаты изложены въ Грамматикѣ § 87 sqq.

На ЛЛ. 67—72. Алфавитный списокъ Сущ-ыхъ Жен. рода на а, я, ъ, а на ЛЛ. 77—78 эти же слова расположены по окончаніямъ (ба, ва, га, да, жа, за, ка, ла, ма, на, па, ра, са, та, ха, ца, ча, ша, ща; ая, ея, ѣя, оя, уя, ья, ія; бь, вь, дь, жь, зь, ль, ть, нь, чь, ть, пь, рь, шь, щь; дя, зя, ля, ня, ря).

ЛЛ. 61—66. Такой же алфавитный списокъ Муж. на ъ, ь (Л. 55 на ъ только). Изъ этихъ списковъ извлекались правила склоненія именъ, обработываемые на ЛЛ. 19, 88—89, 29—33, 96, 86, 87, 149.

На ЛЛ. 79 и 23, списки названій матерій, мѣстъ и временъ, инструментовъ и строеній, платья и посуды, частей тѣла, изъ которыхъ на ЛЛ. 37—39 выведены правила о Род-мъ на *а* и *у* (ср. Грамматик. § 174, 176).

ЛЛ. 59—60. 39. Списокъ словъ, теряющихъ въ Род-мъ о — е (§ 180) и не теряющихъ оныхъ (§ 183).

ЛЛ. 23—24. Отрывочныя замѣчанія объ окончаніи падежа предложнаго на *у* (§ 188).

Л. 90, 19. Имена неправильныя во Множ. ч. (§ 195)...

Л. 90. Списки словъ на *ай, ей,* и на *о* и (Л. 86) на я (ята).

ЛЛ. 145—146. Прилагательныя (по алфавиту) съ бѣглыми е — о.

ЛЛ. 27—28. Имена собственныя притяжательныя отъ лицъ и мѣстъ.

Л. 40. Сводъ примѣровъ бѣглаго е — о и изложеніе правилъ о производствѣ Женскаго рода отъ формъ Мужескаго. (ср. Л. 33. См. Грам. § 180, 239).

ЛЛ. 120—121, 124—125. Алфавитный списокъ глаголовъ по окончаніямъ на жу, щу, лю, ню, рю, чу, шу ою, гу, жду — съ обозначеніемъ формъ неопредѣленнаго: — ближайшіе выводы изъ этихъ списковъ о глаголахъ см. на ЛЛ. 110—111, 126, 127—129, 131—132, 122, 123.

ЛЛ. 19—134, замѣтки о глаголахъ предложныхъ.

ЛЛ. 137—143, о мѣстоименіи, нарѣчіи, предлогѣ и союзѣ почти буквально изъ Смотрицкаго.

Этими матеріалами надо бы воспользоваться будущему издателю Грамматики Ломоносова и составителю Словаря русскаго языка Ломоносовскаго времени. Алфавитные списки словъ выписаны Ломоносовымъ, по всей вѣроятности, изъ составленнаго уже тогда, хотя остававшагося въ Рукописи, Словаря Кондратовича.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Матеріалы, служащіе къ объясненію Грамматики и «Плана для Филологическихъ изслѣдованій» Ломоносова.

(См. Смирд. I, 789).

№ 1.

Вступленіе.

Часть I. О граммат Россійской.
» II. О имянахъ Россійскихъ.
» III. О глаголахъ Россійскихъ.
» IV. О несклоняемыхъ словахъ Россійскихъ.
» V. О сложеніи словъ Россійскихъ.
» VI. О ударенiи или силѣ словъ Россійскихъ.
» VII. О правописаніи Россійскомъ.

Присовокупленія.

1. О славенскомъ языкѣ и о нашемъ, какъ и когда онъ перемѣнился и что намъ должно изъ него брать и въ письмѣ употреблять.
2. Первообразныя Россійскія слова.
3. О діалектахъ Россійскихъ.
4. О употребленіи иностранныхъ словъ.
5. О выданныхъ по сіе число книгахъ. (См. Рук. № 112, Л. 7, обор.).

№ 2.

I.

1. О старыхъ словахъ Россійскихъ церковныхъ.
2. О новыхъ или гражданскихъ словахъ Россійскихъ.
3. О произношеніи новыхъ каждаго собливо.
4. О произношеніи оныхъ въ нѣкоторыхъ сложеніяхъ.

II.

1. Раздѣленіе именъ.
2. О склоненіяхъ.
3. О родахъ. — О сложныхъ именахъ.
4. О числахъ. — О производныхъ именахъ.
5. О падежахъ.
6. О уравненіяхъ.

7. О увеличительныхъ и умалительныхъ.
8. О отечественныхъ.
9. О числительныхъ.
10. О женскихъ и мужескихъ происходящихъ.
11. О мѣстоименіяхъ. (См. id. Л. 8).

№ 3.

Въ ступленіе о Грамматикѣ въ общѣ.

Глава 1. О чтеніи.
» 2. О имени и мѣстоименіи.
» 3. О глаголѣ и причастіи.
» 4. О несклоняемыхъ частяхъ.
» 5. О сочиненіи словъ.
» 6. О удареніи и правописаніи.
» 7. О штилѣ и употребленіи словъ, и склоненій. (См. Л. 11).

№ 4.

1. О удареніяхъ надъ простыми, первообразными.
2. » надъ производными.
3. » надъ сложенными.
4. » надъ производносложенными.
5. » по склоненіямъ.
6. » по спряженіямъ.

№ 5.

Правописаніе Греческое должно употреблять въ тѣхъ именахъ, которые издавна приняты. Н.п. Ѳеиръ, Ѳома, а въ прочихъ правила дать какъ чужестранныя слова по россійски перемѣнять и склонять.

[О превращеніяхъ греческихъ словъ на русскіе]. (См. Л. 12).

№ 6. (1).

Ж Ж
у ѡ ꙗ
Обор.

Ъ уподобить Еврейскому ℵ.

Разсужденіе о Европейскихъ языкахъ и сходствѣ ихъ и разности. Нашъ много подобенъ Италіанскому. Изъ журнала isêgjurnala. (См. Л. 7).

№ 6. (2).

Въ общемъ разсужденіи о перемѣнѣ языковъ и опыхъ раздѣленіи или въ присовокупленіи о перемѣнахъ и діалектахъ Россійскаго языка.

О старинныхъ штиляхъ изъ разныхъ архивовъ (?). (См. Л. 8 об.).

№ 6. (3).

Штиль раздѣлить на Риторической, на Піитической, Гисторической, Дидактической, Простой. (См. Л. 9, об.)

№ 7.

О злоупотребленіи и введеніи иностранныхъ словъ.
Языки не меньше разнятся свойствами, нежели словами.
Писать присовокупленіе о переводахъ. (См. Л. 18).

№ 8.

NB. Писать о разности Славянскаго языка съ Россійскимъ. (См. Л. 23).

№ 9.

На писать увѣщаніе *для извѣстія* учащимся Россіянамъ россійской грамматикѣ. (См. Л. 10).

№ 10.

1. Діалектъ Сѣверной.
2. Штиль разной.
3. Недостатокъ Лексикона.
4. Ни на единомъ языкѣ совершенной Грамматики никто не здѣлалъ.
5. Для иностранныхъ переведетъ кто хочетъ въ чемъ я спомогать не отрекусь. И происшедшіе (?) погрѣшности исправить, недостатки наполнить и излишество откинуть.
6. Россіяне такъ же свою пользу имѣть могутъ. (См. Л. 83).

№ 11.

1. Я самъ и не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать.
2. Положить проектъ, какъ сочинять *Лексиконъ*.
3. Меня хотя другіе мои главныя дѣла воспящаютъ отъ словесныхъ наукъ, однако видя что ни кто не принимается, а многіе того...
4. Часть 1. О грамотѣ Россійской.
   Глава 1) О новой азбукѣ Россійской и раздѣленіи писменъ.
   » 2) О старой словенской азбукѣ и о происхожденіи писменъ.
   » 3) О произношеніи писменъ россійскихъ въ простыхъ разговорахъ.
   » 4) О произношеніи писменъ въ штилѣ.
   » 5) О складахъ и реченіяхъ з. ѿ (?) Гдѣ.
   » 6) О удареніяхъ и препинаніяхъ строчныхъ и титлахъ.
   » 7) О правописаніи.
   Часть 2) О имени и мѣстоименіи.
   » 3) О глаголѣ и причастіи.
   » 4) О несклоняемыхъ частяхъ слова.
   » 5) О сочиненіи имени и мѣстоименія.
   » 6) О сочиненіи глагола и причастій.
   » 7) О сочиненіи несклоняемыхъ частей слова.
   » 8) О нѣкоторыхъ свойственныхъ Рос—хъ пословіяхъ.
   » 9) О разборѣ реченій и о чистотѣ рос—го языка.
   » 10) О удареніяхъ.

5. Что не во всякомъ языкѣ тоже произпошеніе — О коренныхъ(хъ) жителя(хъ) въ Колѣ (?).
6. Какъ древніе народы изображали Іероглификами, Китайцы, послѣ Халдеи, Евреи и проч.
7. Двугласныя раздѣлить на подлинныя и мнимыя, подлин. ай нѣм. и ей, франц. moi, мнимыя au, ai: аглинское i какъ ей. Такъ же и соглас. писмена. ш. sc. [ит.], sz [пол.], sch [агл.] ch [фр.].
8. Труднѣйшія погрѣшности въ *Ѣ* и *О,* когда оно за *а* произносится, узнать гдѣ *бъ* писать *о* или *а,* читать словенскія книги и по нимъ грамотѣ учиться.
9. Distributio litterarum in palatinas, linguales, gutturales et per organa.
10. Убавить у другихъ трудовъ, и показать возможность, и чтобъ то не потерялось, что я собралъ и о томъ думалъ (?).
11. Въ правопис. упомянуть, для чего не здѣлано Г. g. и проч. и что ю и э.
12. Другъ не пишутъ друкъ ради косвенныхъ падежей.
13. Прочитать русскихъ книгъ и изъ нихъ взять правила правописанія. Такъ же протти и мои ноты.
14. Сію грамматику не выдаю я за полную, но только опытъ: ибо еще никакой нѣтъ кромѣ славенской, и малинькой въ Лексиконѣ весьма не совершенной, и во многихъ мѣстахъ не исправной.
15. Особливо для того выдаю на свѣтъ, что уже риторика есть, а безъ Грамматики разумѣть трудно.
NB. Погрѣшаютъ многіе дѣлая грамматики понуждаютъ на другіе языки. Græcizantes.
16. Читать по славенскимъ книгамъ учиться грамотѣ и довольно въ томъ упражняться. *Онъ* отъ *аза* для перемѣны удареній и для аналогіи знимъ (?) различать неотмѣнно надобно. Какъ *ѣ* отъ *е,* такъ же и для перораціи.
17. Склады составляютъ только однѣ гласныя и согласныя.
18. Начинаю съ словесныхъ наукъ и ежели богъ велитъ покажу хотя нѣкоторой приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ.
19. Въ нѣкоторыхъ Греческихъ Грамматикахъ ’αρθρον почитается за девятую часть слова.
20. Писать и о препинаніяхъ и сокращеніяхъ.
21. Въ правописаніи о скорописныхъ литерахъ и показать разныя ихъ фигуры, также и о препинаніяхъ. Прописи положить съ довольными примѣрами складовъ и текстовъ. Такъ же и цыфири.
22. Россіяне знаютъ и безъ Грамматики, однако главное понятіе и правописаніе etc...

NB. NB. NB.

Пиши онъ, mundations (?) modus.
Напиши опъ. или.
Писать ему. Быть посему. (См. Л. 105—106).

№ 12.

NB. въ вступленіи упомянуть о безгласныхъ. и смотрѣть, чтобы всѣ термины Россійской Грамматики были истолкованы. (См. Л. 25).

№ 13.

1) О азбукѣ.
2) О раздѣленіи письменъ.
3) О нѣкоторыхъ особливыхъ произношеніяхъ особливо для иностранныхъ.
4) О складахъ и реченіяхъ.
5) О препинаніяхъ строчныхъ и знакахъ надстрочныхъ.

I.

1) Двогласныя перемѣнныя (?) е, ѣ, я, ѵ̈, ю.
2) їона. иона, їевъ, невъ (киевъ), ѵ̈да, пуда, јисусъ, Иисусъ. Иерей, Нерей.
   о спасеніи. и иисусъ.
   печется о нашемъ спасении иисусъ.
3) Коль странно будетъ писать несјѳшь.
4) Горо(дъ?) Э. (См. Л. 82).

№ 14.

1) О азбукѣ.
2) О раздѣленіи.
3) О произношеніи.
4) О двугласныхъ.
5) О складахъ и реченіяхъ. (См. Л. 5 об.).

№ 15.

1) Пѣсни пѣсней.
2) Соломоновы притчи и премудрости.
3) Сирахъ.
4) Іовъ.
5) Ездры. исполать.
6) Псалтырь. Εις πολλα ετη.
7) Исайя.
8) Плачь Иереміи.
9) Даніилъ Пророкъ.
10) Апокалипсисъ.
11) Октоихи.
12) Тріоди. (См. Л. 16 об.).

№ 16.

Боговдохновенный. Стужаю. Поражаю. ѿ Бога вдохновенъ, тяжкосердый. *Гробъ отвестъ гортань ихъ.* Огорчить. Преогорчить. *Утрудихся воздыханіемъ. Деретъ какъ мотый левъ и некому избавить. И въ землю жизнь его попралъ. Пучина жизнь его съ богатствомъ поплотитъ.* Благовременіе. *И въ наугъ погрязнутъ.* Законоположитель, законоположникъ, восхитить. Похитить, величаться.

По лѣсамъ привитать. Налекаю. Правый серцемъ. Духъ бурный, буря правота, велерѣчивый. Уклоняюсь. Неключимъ. Прибѣжище, избавитель, утвержденіе, помощникъ, защититель, заступникъ. Болѣзнью и печалью одержи-

мый. *И возрѣ мя (?) съ небесе Господь и вышній даде гласъ свой. Гремящіе полки, молніи полки. Гдѣ земля чрево отверзаетъ и многи воды отрыгаетъ.* Оправданія Господня. Строптивый. *Силой препоясанъ.* Грѣхопаденіе. Жертва, всесожженіе, велелѣпіе, велелѣпота. *Огнь снѣстъ,* совѣтъ составиша, совѣщати, положить. *Къ тебѣ воззваша и спасошася, на тя уповаша и не постыдѣшася.* Юнецъ (?).

Сердце какъ воскъ таетъ, вода покойная, *въ незлобіи ходитъ.* Законопреступникъ. Кликъ, восклицаніе, воскликновеніе. Благолѣпіе. Истрыть (?) ѱ а'. 28 (:5. Предпріятіе, начинаніе. Богъ славы возгремѣлъ.

Истнить ѱ 28 ст. 6. Гласъ Господа страсающаго пустыню, обиліе. Гажденіе. ѱал. 30, ст. 14.

Совѣщались, обетшалъ. Отмещу, отметаю, отвергаю, откидываю, отбрасываю, отметаюся, отвергаюся, отпираюся, отрицаюся, отрекаюся.

Родъ живущихъ на земли. Сокрушенное серце. Ловитва, расхищаю, распудилъ (?), принудилъ, показаніе.

Да облекутся въ студъ и въ срамъ. Потокъ сладости истекалъ. Живота, пробавить. Изринуть. Низриновенъ. Прозираю. Прозорливъ, вонзѣли, узнаю. Нудиться, niti.

Сляченъ, изнемогаю.

Соблазнъ, изпытать.

Стезя, путь, дорога, тропа, слѣдъ, проходъ, ходъ. Колѣна, племена, народы, языки. Солнце облечеся во вретище. Се грядетъ со облаки и узритъ всяко око. Ошибъ, хоботъ. Земскій землякъ (?). Испрать ризы, прачка. Безмолвіе, трусъ.

Градъ и огнь смѣшенъ съ кровію. Гора жгомая въ море падаетъ. Пламень поядаетъ. Море въ кровь претворится. Гласъ пріемлемъ (?) яко гласъ колесницъ много текущихъ на бракъ. Князь бездна, тмы, вѣка, мира сего.

(См. Л. 57 съ обор.).

№ 17.

В.

Вечеряетъ . . . . . 2.
возвратить . . . . . 4.
внимать . . . . . 13.
вродить, вкоренить . . . . . 24.
вкорененной . . . . . 25.
выгнать . . . . . 56.
вручить . . . . . 78.
войтить . . . . . 130.
вихать . . . . . 131.
вывѣдыватъ . . . . . 136.
вымыслить . . . . . 137.
возвысить . . . . . 138.
вспомнить . . . . . 139.
возставить . . . . . 164.
видъ имѣть . . . . . 232.
выграть . . . . . 233.
вѣрить . . . . . 234.
вѣрну душу . . . . . 234.
вѣрность хранить . . . . . .
высокъ . . . . . 260.
воевать . . . . . 275.
войну возбуждать . . . . . 278.
войско собирать . . . . . 280.
воздержный . . . . . 312.
воздержну быть . . . . . 313.
воздержность . . . . . 314.
в'числѣ полагать . . . . . 346.
возвратить . . . . . 354.
вредъ терпѣть . . . . . 356.
вредить . . . . . 358.
вредительный . . . . . 360.
временной . . . . . 408.

выдать замужъ . . . . . 414.
выборъ . . . . . 443.
возвратиться . . . . . 443.
время есть . . . . . 453.
во время . . . . . 458.
невовремя . . . . . 459.

Г.

Грабить . . . . . 89.
городъ взять . . . . . 148.
гнушиться . . . . . 163.
гладкой . . . . . 236.
грубой . . . . . 238.
гордъ . . . . . 261.
гордиться . . . . . 261.
гнать . . . . . 265.
говорить . . . . . 355.
грѣшить . . . . . 386.
грѣхъ . . . . . 389.
гнушаться . . . . . 399.
гнѣваться . . . . . 455.

Д.

Дѣло должить . . . . . 16.
держать . . . . . 51.
доказать . . . . . 106.
для того . . . . . 120.
дворянинъ . . . . . 128.
другъ . . . . . 184.
дружиться . . . . . 186.
дружба . . . . . 189.
дать . . . . . 209.
держаться . . . . . 245.
дѣлать . . . . . 246.
домъ . . . . . 251.
дѣлить . . . . . 306.
думать . . . . . 315.
догадаться . . . . . 316.
должну быть . . . . . 372.
духовную писать . . . . . 393.
досадовать . . . . . 402.
досугъ . . . . . 453.

(См. Л. 133 об.)

№ 18.

Учищивай, долой, домой, постылой, холостой. Насадъ, свончаты гусли, попизовпой, низовской, недумалъ, негадалъ, нашто прелстилась. Изъ рукъ кормитъ, возкручинился, взялся откуда. Онъ взялся задѣло, зародился, вросъ. Свѣтлица. Ты взгляни на нихъ вкоссь
То и побѣжатъ вросъ. небось
Животъ надрывать. [Ухватилъ, покотилъ]. (См. Л. 23).

№ 19.

Реестръ Россійскимъ продуктамъ, натуральнымъ и рукодѣльнымъ, для скораго пріиску сочиненной по алфавиту.

А.

Анисъ.
Атласъ.

Б.

Бархатъ.
Безмѣнъ.
Бердо.
Бисеръ.
Бобръ.
Брань.
Буйло.
Быкъ.
Бумага.

В.

Верблюдъ.
Вино.
Вишни.
Войлоки.
Выдра.
Виноградъ.

Г.

Горшки.
Ганчары.
Горохъ.
Груши.
Гуси.

Д.

Доски.
Дубъ.

Ж.

Жаворонокъ.
Желѣзо.
Жемчугъ.
Жеребецъ.

З.

Заецъ.
Зола.
Зубъ.

И.

Игла.
Извѣсть.
Икра.

К.

Кабаны.
Камень.
Капуста.
Карнукъ (?)
Кармазинъ.
Карты.
Кедровые орѣхи.
Кирпичь.
Киты.
Клей.
Каверъ.
Кофшъ.
Кожа.
Колоколъ.
Канатъ.
Конь.
Кисть.
Краска.
Крупа.
Кумачь.
Куница.
Кушакъ.
Кружева.
Клетчатины.

Л.

Лапти.
Лебяди, пухъ лебяжей.
Ленъ.
Лещадь.
Липа.
Лисицы.
Лососи.
Лоси.
Лошади.
Лукъ.

М.

Маргапецъ.
Мармаръ.
Масло.
Медъ.
Медвѣдка (?)
Моржовой зубъ.
Мусія.
Мѣдь. литье.
Мѣлъ.

Н.

Нѣрьпа (?)

О.

Овесъ.
Олень.
Орѣхъ.
Осетръ.

П.

Палчусъ. Треска. Семга.
Парумнецъ ф (?)
Парчевыя.
Пенька.
Перепелка.
Пилы. Селитра.
Полотно. Просо.
Поташъ.
Пряжа.
Пугвицы.
Пухъ.
Песокъ.

Р.

Райны.
Ревень.
Ремни.
Ровдуга.
Рогожи.
Рогъ.
Рожъ.
Росомаха.
Руды.
Ружья.
Рыси.

С.

Сало.
Саржа.
Сахаръ.
Свинецъ.
Свиное сало.
Сельди.
Семга.
Селитра.
Серебро.
Сиги.
Скатерти.
Смалчугъ (?)
Смола.
Соболи.
Солодъ.
Соль.
Стамедъ (?).
Сукна.
Сурикъ.
Сурьма.
Сусальное золото.
Сѣра.

Т.

Табакъ.
Тафта.

У.

Уксусъ.
Усы.

Ф.

Фарфоръ.
Финифтъ (?).
Фузѣя.

Х.

Хазы.
Хрящъ.
Хлѣбъ.
Холстъ.
Хомуты.
Хрусталь.

Ц.

Цѣпинная посуда.
Цѣповки.

Ч.

Чашки.
Чеканная работа.
Черепаха.
Чеснокъ.
Чечевица.
Чугунъ.
Чуланъ.

Ш.

Шандалъ (?).
Шахматы.
Шолкъ.
Шерсть.
Шляпы.
Шпалеры.
Штифы.

Щ.

Щетина.

Ю.

Юфть.

Я.

Яблоки.
Языки.
Якори (?).
Янтарь.
Ярь.
Яшма.
Ячмень.

(См. Лл. 91—95).

№ 20.

Дай мнѣ говорить. Lass mich reden.
Я сталъ говорить. Ich habe angefangen zu reden.
Стану лишь говорить.
Быть биту. быть писать. Man muss schreiben.
Ты говоришь, а онъ. Wann man spricht, so.
Secunda persona pro impersonali.
Буду сплетать. хуже нежели. стану сплетать.
Засвѣти огня, а не огонь.
NB. Трясти, тряхнуть. трясать, тряхивать.
Мнѣ неписывать. писать было; да ба.
Мнѣ его не видать. | Тебѣ такъ не написать.
Эдакъ на. | Мнѣ было говорить.
Я бывало читалъ. Онъ таки бывало принесётъ.
Пусти, пускай, незамай будетъ.
Дай сходить. Ему дай говорить.
Сказать было? soll ich sagen? (Л. 128 об.).

№ 21.

Быть умереть. пришло умереть. непропить стало. дай волю. дай мнѣ спать.
Худо нѣмцы говорятъ: онъ не пустилъ спать, дай чай воду.
Бывалли то мнѣ, сыпалли то, видать ли то Ad ambium (?) optantum (?), видать ли чтобъ онъ. (Л. 12 об.).

№ 22.

NB. Быть биту. живу неворотиться невидать жива. на сплу небыть милу. небывать здорову видѣлъ добра и здорова. (Л. 46 об.).

№ 23.

Да будетъ ли онъ полно... хто нибудь да будетъ.
Ему сапоги въ пору. (Л. 149).

№ 24.

Бьетъ да приговариваетъ. (Л. 23).

№ 25.

loci. вонъ, внѣ, внутри. наугадъ. ohngefahr, fere.
Съ лица на лицо, лицемъ къ лицу.
Онъ на тебя говоритъ, онъ теая оговорилъ. (Л. 17 об.).

№ 26.

Смотри сложенія: 1) толсто-брюхой. 2) водолазъ, верхоглядъ, дровосѣкъ, краснопѣвъ, водопой, водомой, кровососъ, молокососъ, людоѣдъ. Самолюбъ. Самохвалъ, самострѣлъ, самовластіе. Чистоплюй, вертопрахъ. воротоглазъ, вертоголовъ, трясоголовъ. Подковъ (?) подобручникъ (?), подзатыльникъ. Самозванецъ. (Л. 16 об.).

№ 27.

Прошлогодной, новоприсланной, чернопестрой, бѣлобокой, горбоносой, широколицой, великолѣпной Majestatisch. Многолѣтныхъ. Черноглазой. (Л. 11 об.).

№ 28.

О діалектахъ.

Россійскій языкъ (главно) можно раздѣлить на три діалекта: 1) Московской, 2) Поморской, 3) Малороссійской. Первой главной и при дворѣ и въ дворянствѣ употребительной а особливо въ городахъ близь Москвы лежащихъ. Другой нѣсколько склоненъ ближе къ старому славенскому и великую часть Россіи занялъ. А третей больше всѣхъ отличенъ и смѣшенъ съ Польскимъ.

Пограничныя жители употребляютъ много словъ близь лежащихъ народовъ, чулнъ, вежа, ворона (?). (Л. 8. об.).

№ 29.

Языки отъ Словенскаго произошли: 1) Россійской. 2) Польской. 3) Болгарской. 4) Сербской. 5) Ческой. 5) Словацкой. 6) Вендской. (Л. 9).

№ 30.

1) Иностранные слова пришли къ намъ съ первыми нашими тремя князми. какъ Берлога и проч.

2) Съ Православною Греческою вѣрою. Попъ, панамарь, риза.

3) Отъ владѣнія татарскаго.

4) Отъ купечества съ Персами (пограничн.), Китайцами, Англичанами, Гоц. и пр.

5) Отъ введенія наукъ въ Росс-е царство чрезъ Г. І. П. В.

6) Чрезъ собщество и частыя войны съ Поляками.

7) (Сверхъ того всѣ пограничные Россіяне имѣютъ много словъ отъ пограничныхъ народовъ). (Л. 8).

№ 31.

Иностранныя татарскаго и персидскаго происхожденія и всѣ. на.. (Л. 68).

№ 32.

Съ Греческаго языка имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и словенскихъ, которыя для переводу книгъ спервва занужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкповеніе что буттобы они съ перьва въ Рос-мъ языкѣ родились. Такъ же многія Redensarten. (Л. 9).

№ 33.

О превращеніяхъ греческихъ словъ на русскіе (писать). (Л. 12).

№ 34.

Уторъ, у сосуда. Винтъ щурупъ, нѣмецкіе слова. Такъже чижикъ Zeisig и другихъ птицъ. Конь Gaul (!). (Л. 18 об.).

№ 35.

Нѣмцы говорятъ: свѣжіе солдаты, свѣжей хлѣбъ. (Л. 14).

№ 36.

Находятся взято съ нѣмецкаго. въ пять часовъ взято съ нѣмецкаго. Имѣю честь съ французскаго и проч. (Л. 18).

№ 37.

Фигуры стихотворческія.

(Προθεзисъ)	Metaplasmus.
Prothesis.	gnatus, pro natus.
Aphaeresis.	temno pro contemno.
Epenthesis.	relliquiae pro reliquiae.
Syncope.	Gubernaclo pro gubernaculo.
Paragoge.	admittier pro admitti.
Apocope.	oti pro otii.
Tmesis.	qui te cunque manent!
Antithesis.	Olli (?) pro illi.
Metathesis.	Thymbre pro Thymber.

Грамматическія.

Enallage. vivere pro vita. pars orationis una pro alia recens pro recenter.
Synaeresis. Syllaba una ex duabus facta. aurêis pro aurëis.
Unius obnoxa et furias Ajacis oilei (?).
Abjete castas. ariete muros.
Genua labant, vastos quatit aeger anhetlitus antus (?).
NB. сложеніемъ, filius.
Димипутивъ конецъ мѣшокъ мѣхъ.
Sunt Mecaenates, non deerunt, Flacce, Marones.
Diaeresis. Aurai, pro aurae. Evoluisse pro evolvisse.
NB. Представить долготу времени, которою сіи языки раздѣлились.
NB. Въ концѣ письма заключить, о перемѣнѣ языковъ. Только не вдругъ

перемѣняются языки! Такъ то не постоянно! Такъ то пропали Еврейской, Алорбейской (?), Еллинской, Латинской! и протчіе! Счасливы тѣ которые память по себѣ въ книгахъ оставили... прочіе (?) безвѣстно пропали. Счасливъ нашъ языкъ что NB. Похвалы Е. в. и Его.

NB. Польской и россійской языкъ коль давно раздѣлились! Подумайте когда Курляндской! Подумайте когда Латинской, Греч. Нѣм. Росс. О глубокая древность!

NB. Какъ я радуюсь тѣмъ, что имѣю васъ издавна друга а нынѣ еще сверхъ того благодѣтоля. Не токмо мнѣ но и всѣмъ ученымъ общаго Мецената. Какъ не быть Виргиліямъ и Гораціямъ, когда имѣемъ Мецепатовъ.

NB. Пустье (?) Канц. Конф. и проч. (?) до чего мнѣ кричать.

NB. Предъ Богомъ тысячи лѣтъ яко день единъ.
Люблю тебя не для того что ты силенъ,
Да для того что ты любленія достоинъ. (Л. 53 съ обор.).

№ 38.

Прибавленіемъ.

Съ Латинскаго.	въ Италіанской.	(Переводъ).
jocare.	gjocare.	играть.
fricare.	fricciare.	тереть.
inelegans.	inelegante.	дуренъ.

Убавленіемъ.

Съ Латинскаго.	Французской во (Италіанской).	(Переводъ).
Nudus	nud	нагъ.
ubi	ou	гдѣ.
ingenium	genie	остроуміе. (разумъ).

Примѣненіемъ.

однодепныхъ (?).
мягкихъ на твердыя.

Съ Греческаго,	въ Латинской.	
Θεὸς	Deus	богъ.
Θέλω	volo	хочу.
μυζαω	mugio	мычу.
μυρμηζ	formica	муравей.
χαλος	хорошъ-я.	

Преложеніе.

Со Славенскаго на Россійской и на Польской.

Καρκίνος, ракъ, cancer кребсъ

сложеніемъ. (Л. 54.)

№ 39.

	На переди	въ серединѣ	назади.
Прибавленіемъ.	gjocare вм. jocare. pierre, petra.	fricare, fricciare.	inelegans. inelegante (?). affectatione (?).
Убавленіемъ.	genie, ingenium	—	il, за ille, nud за nudus, ou, за ubi.
Премѣненіемъ.	θεος, за deus. Θελω, за volo.	Μυζαω, mugio, Καλος, хорошъ.	
Преложеніемъ.	Καρκίνος, ракъ.		

Превращеніемъ произвожденіемъ.
Удареніемъ — Усугубленіемъ сложеніемъ.
Произведеніемъ. Мѣхъ. Мѣшокъ. Конецъ произношеніемъ γονή.
dens, dente, nox, notte, Giorno. удареніемъ.
Сложеніемъ. filius. διδωμι, δοτε. склоненіями и спряженіями.
Произношеніемъ Греки нынѣшніе и стары η, β, γ, υ инако произносили.

NB. Многія вдругъ.

Перемѣны деклинаціи, и конюгаціи.
Фразисы, multarum imaginum, — afronte, afaire. (Л. 52 об.).

№ 40.

Числа сродственныхъ языковъ.

Россійскіе,	Греческіе,	Латинскіе,	Нѣмецкіе.
одинъ	εἷς	unum	ein.
два	δύο	duo	zwei.
три	τρεῖς	tres	drei.
четыре	τέσσαρες	quatuor	fier.
пять	πέντε	quinque	fünf.
шесть	ἕξ	sex	sechs.
семь	ἑπτὰ	septem	sieben.
восмь	ὀκτὼ	octo	acht.
девять	ἐννέα	novem	nein.
десять	δέκα	decem	zeien.

Числа несродственныхъ языковъ.

Финскіе. Меѫиканскіе. Готтентотскіе. Китайскіе. (Л. 50).

№ 41.

Κύλη — кила.
Κυρύξ — praeco. крикъ.
Κῆτος — китъ. cetus. (Л. 50.)

№ 42.

ἄγκυρα,	якорь.	ἀῖθρα,	ведро.
ἁγνός,	чистой.	αἴσυλος,	злой.
ἀθρέω,	зрю.	Ἀλέω,	валю, volvo.

Απφυς('αττα?)	отецъ.
'Αρόω,	—
Βαβαι, ба, ба!	papae!
Βάζω,	баю.
Βαις,	вайя.
Βδέω,	бжу,
βλαῦται,	лапти,
βουλὴ,	совѣтъ, воля.
βούλομαι,	велю. (volo).
βοῦς,	быкъ.
βοσκω,	пасу.
βρέμω,	гремлю, fremo.
βροντὴ,	громъ.
βῶλος,	поле.
Γέρανος,	журавль.
Γινώσκω,	знаю, cognosco.
Γράσος,	грязь.
Γρασσος,	гласъ.
Γυνη,	жена.
Δαὴρ,	деверь.
Δένδρον,	древо.
Δέσπωτα,	господь.
Δευτερος,	второй.
Δήρις,	драка.
Δίδωμι	даю.
δοτε	дайте.
Δολιχὸς,	долгой.
Δροσος,	роса.
Δρυπτω,	деру.
Δρυς-υος,	древо.
Δῶρον,	даръ.
Ελάτη,	ель.
Ελαφος,	елень.
"εσπερος,	вечеръ, весперъ.
Ζάω,	живу.
Θήρ,	дверь.
Θέλω,	волю.
'ιλύς,	илъ,
Καβάλλης,	кобыла, caballus.
Κάδος,	кадь, cadus.
Καλέω,	кличу.
Καλός,	хорошъ.
Κάνναβις,	конопель.
Καρκινος,	ракъ.
Κλίνω,	клоню.
Κολευς,	куль.
Κολούω,	корачу (?), колю.
Κορώνη,	cornix, ворона.
Κραβατος,	gralutus (?), кровать.
Κρατω,	кричу. Kreische (?).
Κράτος,	крѣпость.
Κρυπτω,	крою.
Κρωσσός	кружка.
Κύτος,	кутъ.
Κωλον,	членъ.
Κῶς,	кожа.
λαγηνος,	лагунъ, lagena.
λαιδρος,	лѣвой, laevus, linkes.
λαμβάνω,	ловлю.
λαός,	люди. Leute.
λαπτω,	лачу, lingo, leifè (?).
λειβω,	лью.
λεπω,	лущю.
λισσος,	лысой.
λώρα (?),	рылѣ (?).
μειρω,	мѣрю, metior, messen.
μελι μελιτος,	медъ.
μητηρ,	мать, mater, mutter.
μυδαω,	мокну, madeo, модѣю.
Μυλη,	мельница, mola, Muhle.

(Л. 50 съ об.).

Ср. Сумароковъ. «О происхожденіи Росс. народа».

Сходство словъ Цельтскихъ въ языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и нашемъ:

Окулусъ	Оуге	Око.
Соль	Сонне	Солнце.
Насусъ	Насе	Носъ.
Фратеръ	Брудеръ	Братъ.
Унусъ	Ейнъ	Единъ.
Дуо	Цвей	Два.
Тресъ	Дрей	Три.

отъ дымъ — домъ — Домусъ.

Нашъ языкъ единоутробенъ съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ, но ихъ обоихъ старѣе.

(изд. 1787. ч. X, стр. 111).

№ 43.

"ερα terra, "ερπω serpo.
μυρμηξ, муравей, formica.
Νύξ, ночь, nox, nacht.
οἶνος, вино, vinum, wein.
παλὶν, паки.
πικρος, горькій, прикрой.
пара, пере. per, ver.
"εξ, изъ ex, aus.
πεταω, пытаю, punda (?), explico, aperio.
πινω, пью

NB. 1) Какъ перемѣну видно въ косвенныхъ падежахъ.
dens, dente, nox, notte.
2) И притязательныхъ, сущ. diurno, giorno. (N 50 об.).

№ 44.

Въ Остиндіи на островахъ Магометанцы своихъ духовныхъ называютъ Domino.

Нѣкоторые слова есть, которыя весьма общи какъ saccus, Базаръ, Лева, нова, вино. (Л. 9).

№ 45.

вязига — Vesica. (Л. 104).

№ 46.

Шепты, чары — чародѣйство, волшебство, волхвованіе, чародѣяніе, колдовство. чернокнижіе. слово, заговоръ. порча, знахарство, присушить. обаяніе. врачебство. (Л. 19).

№ 47.

Лѣшей, полудница, шиликунъ (?), водяной, домовой. бука. нежить. кикимора. яга баба. обмѣны, вспометовать всѣ ихъ дѣйствія. Змѣй летаетъ. съ лѣшимъ бутто бѣсъ живутъ (?). Русалка.

Нашъ народъ у дуная живалъ. и рѣку за бога почиталъ. дунай, здунайко, здунай, здунинай. Царь морской.

Черти живутъ въ омутахъ и водоворотахъ.

Мы бы имѣли много басней какъ Греки, естьлибъ науки въ идолопоклонствѣ у россіянъ были.

У лѣшихъ лѣва пола на верьху, тѣни нѣтъ.
Около вихрей съ иконою бѣгаютъ. Чуръ.
въ пустыхъ домахъ живутъ черти. бука. Lemur.
слушать на перекресткахъ, домовой давитъ. (Л. 15).

№ 48.

Юпитеръ.	Перунъ.	Шишкунъ.
Юнона.	Коляда.	Здунай.
Нептунъ.	Царь морской.	Дида.

Тритонъ.	Чуды морскія.	Яга баба.
Венера.	Лада.	Обмѣнъ.
Кипидо —	Леля.	Змѣй летучей.
Церера.	Полудница	Гиганты. волоты.
Плутонъ.	чертъ	
Прозерпина—	чертовка.	
Центавръ }	полканъ	
Марсъ }		
Нимфы —	русалки.	
Фавны —	лѣшіе	
пенаты —	домовые,	пѣжити, кикиморы.
лемуръ —	бука.	
терминъ —	чуръ.	(Л. 149 об.).
Jupiter,	Перунъ.	
Iuno,	Коляда.	
Eolus,	похвистъ.	Изъянъ. помха. (Л. 149).

№ 49.

Rumor, слава, поговорка, рѣчь, молва,
выговоръ. Verweisz, Aussprache,
Къ востоку зрящихъ странъ — regionum orientalium.
на него жеребей палъ. Муринъ, Аранъ, Еѳіопъ.
вольность, свобода. Раздражаю. въ малой дружинѣ.
Окѣанъ. поселится. сѣтъ.
Печаль, кручина, скука, тоска, грусть, унынie, скорбь.
[печаленъ, унылъ, прискорбенъ] сокрушеніе.
печалюсь, кручинюсь, скучусь, тоскую, грущусь, унываю, скорблю, сокрушаюсь. Болѣзную.
Морская отмога, заливъ, губа, рукавъ, курья (?).
Разница между двожды глядѣлъ, и, двожды взглянулъ.
ветхій, старинный, древній.
Жертвы, требы, капище, требище, божница. Гладомъ, зноемъ. Пища, брашно.
Сведенъ, проворенъ, удалъ, поворотливъ, юрокъ, вертокъ, ухватчивъ, дюжъ, уборенъ, крутъ, вертливъ, поспѣшливъ, цѣпокъ, досужъ, вертлявъ.
Солощъ.
Чертъ, врагъ, сатана, бѣсъ, лукавый, князь воздушный, адскій князь, князь тьмы, тиранъ геэнскій. Супостатъ.
Какъ растаялъ. Какъ въ воду канулъ. Миръ, pax, mundus, populus. Миряне.
каково на дворѣ? quænam tempestas est?
вѣкоть, трясавица, корытышь, чернышь, чернушка. (Л. 16).

№ 50.

Злодѣй, врагъ, непріятель, сопостатъ, противникъ. (Л. 20 об.).

№ 51.

Anomalium.
на стать, es ist recht. не къ стати.

на эту стать, auf dieses art.
Утлой, гнилой, дряхлой.
Назоромъ, *назоръ неупотреб.* узоръ.
Ни одного путнаго вирша нѣтъ.
Чешуя. Че(й)шуйчатыя струйки. Чешуйчатой водой.
Удалось, довелось. impersonalia defectiva.
Судилъ богъ, очередь, по очереди, рядомъ.
и выпуклистыхъ водъ.
да онъ и самъ глоть (?).
влаетолюбіе.
стараюсь, пекусь, тщусь, ищу.
NB. иду, шолъ, шествую. (Л. 18 об.).

№ 52.

Мзда, воздаяніе, возмездіе, мздовоздаяніе, плата. цѣна. (Л. 21 об.).

№ 53.

Буря, непогода, погода, пылъ.
ONB. на волгѣ на рѣкѣ.
NB. мѣстное знаменованіе. (Л. 14).

№ 54.

Послухъ, свидѣтель. (Л. 19).

№ 55.

Никакъ? неровно. можетъ быть. вось либо, бываетъ. (Л. 19 об.).

№ 56.

Земской дворъ, — староста, — писарь. ходокъ. Приставъ.
Онъ свое щастье въ саду проходилъ, на печи пролежалъ.
угомонно, укромно. Comtode.
NB. *Чатъ будетъ, никакъ будетъ, можетъ* быть будетъ.
belles lettres. Словесныя науки. (Л. 22 об.).

№ 57.

благій (blahji) bonus. Благой (blagoi) falsus. (Л. 15 об.).

№ 58.

Лѣто. Sl. annus. Russ. aestas.
Лѣта. Sl. et Russ. anni.
Сколько тебѣ лѣтъ.
Ломъ, валежникъ.
Стремглавъ. gestürbt. (Л. 21).

№ 59.

Время — fortuna. Ему теперь время. временьщикъ. (Л. 23 об.).

№ 60.

Развязываю человѣка — laqueis, catenis libero h.
развязываю траву по пучкамъ (colligo) constringo herbam manipulative.
Ему отъ денегъ отказано. Ему деньги отказаны.
Онъ ему деревню отвелъ. Онъ его отъ деревни отвелъ.
Они еще ненаписаны — supponitur actio.
Они еще не писаны — nulla actio supponitur. (Л. 20 об.).

№ 61.

Бѣлой, черной, мяной (?), красной, желтой, зеленой, бирюзовой, голубой, вишневой. (Л. 89 об.).

№ 62.

Сей употребляется въ простыхъ разговорахъ только въ косвенныхъ падежахъ въ знаменованіи только времени и мѣста.

На сихъ дняхъ, на семъ мѣстѣ. — и говоримъ сіомъ (и пишется), и въ семъ случаѣ, и къ тому, и къ сему. (Л. 8 об.).

№ 63.

Theoria.	Размышленіе.	Praxis. Дѣйствіе.
Theoreticus.	Мысленный.	Practicus дѣйственнй.
Imaginarius.		
Phanaticus.	Мечтательный.	
Imaginatio.	Мечтаніе.	
Мечты.	*illusiones magicae.*	
Прибылая Полая Полная Сухая Маниха.	вода.	Лакомъ. Солоцъ. Здивьяла.

(Л. 21 об.).

№ 64.

Planta	изращеніе.	израстающая вещь.	
arbor	дерево.	legunem	хлѣбъ. жито.
frutex	деревцо.	olus	быліе, городной плодъ, потрава.
herba	трава.	fungi	грибы.
gramen	*мурава*	*alga*	*тура.*

молвилъ. молвлю. молвь. молвить. (Л. 149).

№ 65.

belles lettres. Словесныя науки. (Л. 22 об.).

№ 66.

Планъ статьи о краснорѣчіи

1. Не отступать отъ

2. Не потерять достоинствъ штиля.
3. Свойства Россійскаго языка.

Ежели что здѣсь не вмѣстилось: впредь

1. (Переворотъ періодовъ) съ Латинскаго на русской лутче.
   На французской надоть (?) (сахаръ) переводить лутче съ Автографовъ.
2. Происхожд. отъ Словенскаго и отъ чего языки ширѣе (?).
3. Риѳмъ: онаирсонъ (?).
4. За переводомъ всѣ.
5. Кантемиръ: читато вѣдомости. титулы. дѣепричастія.

Государь мой Ив. Ив.

Какъ имя и отечество на французской языкъ перевесть трудно.

NB. Нынѣ принимать чужихъ не должно чтобъ... (не притти языку?) въ варварство какъ Латинскому: прежде пріемъ чужихъ полезенъ, послѣ вреденъ.

{ Здѣсь (есть?) возможность все переводить на языкъ Росскійской. 1.
{ Великолѣпіе, сила и нѣжность Росс. яз. 2.
{ Разширеніе. 3.
{ Сокращеніе. 4.
{ 5. (Копія руки прф. Тихонравова: сообщена В. И. Ламанскимъ).

№ 67.

(Не замай). — ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑ |
Не печалься мой свѣтъ.
(Не скуч.)
Кручину покинь.
(Нещастіе во вѣкъ забудь).
И всегда то думай, что ты щастлива.

1 колѣно.

⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — | }
⏑ — | ⏑ ⏑ — | }

⏑ — | ⏑ — | ⏑ — | ⏑ — |
⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — | }
⏑ — | ⏑ ⏑ — | }
⏑ — | ⏑ — | ⏑ — | ⏑ — | }

2 колѣно.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | }
— ⏑ ⏑ | — ⏑ | }

— ⏑ | — ⏑ ⏑ | — ⏑ ⏑ | }
— ⏑ | — ⏑ | }
— ⏑ | — ⏑ | }
— ⏑ | — ⏑ ⏑ — ⏑ | }

Наслаждаетце. Забавляетце.
Радость вѣчну имѣти.

(№ 112. Л. 132. об.).

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Риторика Ломоносова въ подлинныхъ текстахъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

§ 1. «Риторика есть наука добрѣ, красно и о всякихъ вещехъ прилично граголати». Рукоп. Ритор. въ П. Б. конца 17 в. — См. Ж. М. Н. П ч. XC. стр. 30, ст. Филонова.

ibid. «Конецъ Риторики есть учити красно глаголати и увѣщевати на куюжде вещь».

Ничтоже есть всяческа, о немъ же бы Риторъ не возмогъ свободно и прилично истязатися». Ритор. Лихидовъ. ibid. 41.

Ἔστω δ' ἡ ῥητορικὴ δύναμις περι ἕκαστον τῦ θεωρῆσαι τὸ ἐνδεχόμενον πιθανὸν.

Аристот. Ритор. кн. 1, гл. 2.

Officium ejus facultatis videtur esse dicere adposite ad persuasionem: finis, persuadere dictione. — Cicero. De Inven. 1, 5.

§ 2. Улучить риторическую мудрость можно 4 вещьми: 1) естество, 2) наука, 3) частое употребленіе 5) подражаніе. Таже Рукоп. Ритор. ib. стр. 32.

Partes eloquentiæ comparantur quatuor his rebus: 1) Natura 2) Arte 3) Exercitatione 4) Imitatione. Pomey. 139.

§ 3. Natura multa exigit ad eloquentiam tam ex parte *animi*, quam *corporis*. Ex parte animi celeres motus ad inveniendum, exornandum et recordandum aptissimos. Pom. 139.

Tota spes capessendae eloquentiæ, partim est in soli bonitate, partim in ejus cultura constitua. Ager, sive hortus noster animus est, cultura — eruditio... Caussini. 147.

Apollonius ille quidem Alabandensis praeclari praeceptoris munere fungebatur: qui eorum, quos ad capessendum eloquentiæ studium, in suum ludum parentes mittebant, ingenia explorabat accuratissime: quae si minus essent idonea, quam primum dimittebat, ne frustra laboribus in discendo frangerentur.

(Cicero de orat.) Causs. 153.

Ex parte corporis postulat latera firma, sonoram vocem, solutam linguam, oris et totius corporis conformationem. Pom. 139.

Ingenium acre,... vox, lacerti, vires, pondus, vultus, frontis rigor, fulgor oculorum, et caetera, quae ad hujusmodi affectus concurrunt. Caus 507.

У Каус. цѣлая IX кн. *De pronuntiatione* — о голосѣ, жестахъ, тонѣ, положеніи головы, глазъ, пальцевъ, зубовъ и пр. Стр. 555, 575.

§ 4. Pom. 139. *Ars* efficit, ne fortuito dicamus, et ut semper parati simus.

§ 5. Pom. 140. Imitationis utilitas est maxima: quia sine ea nemo satis proficere potest.

Ср. Caus. 160, 161..... Illustrium authorum imitatio, ad quorum monumenta qui solent demorari,.. inde vim et afflatum sapientiae nou obscurum ducunt.... Quod in omnibus artibus clarum est atque manifestum...

§ 6. Caus. 157. Veterum eloquentiam mirificus exercitationis incendebat ardor, eaque vis alabat, quae neque flexu aetatis, neque bonorum decursu poterat consistere; declamabant enim ferme quotidie inter privatos parietes, Senatores, Consules, Imperatores: tales erant grandes illi Ciceronis praetextati, Hircius et Pansa; qui in Consulatus diguitate, in illo bonorum omnium apice, sub M. Tullio culturam ingenii et eloquentiae capiebant. Certè Seneca controversiarum libro quarto ad Novatum et Melam refert, Pollionem Asinium, intra quartum diem quam filiam amiserat, declamasse... Haterius verò Senator amplissimus... solus omnium Romanorum in Latinam Graecam transtulit facilitatem, extemporaneam orationem intelligit, quae apud Graecos maxime floruit... Themistii oratio, quam habuit in promptu... Quo fit, ut oratores hac tumultuaria opera nihil excelsum aut politum fundere valeant... Proaeresium dixisse orationem ex tempore magna omnium admiratione... Haec oratio sive facultus appellabatur divina,... quod supra mortalitatem esse videretur, tam diserte orare ex tempore.... Ad immensum decus surgebat eloquentia. Operæ pretium est ita plerumque adolescentes acuere, ut vim, copiam et facilitatem orationis assequantur, non antem scriptis et praeceptis obruere....

§ 7. Pom. 135. Materia Rhetoricae artis sunt omnia prorsus, quae in mundo sunt: quia nihil omnino est, de quo disputare orator non possit.

Cicero. De Orat. I L. VII Cap. Non erit orator, nisi omnium rerum maguarum atque artium scientiam consecutus. Etenim ex rerum cognitione exflorescat et redundet oportet oratio...

Caus. 183.... Neque enim perfectus orator esse potest, qui non omnium rerum cognitione, atque intelligentia dignissimarum, pectus complevit suum....

id. 184. Historia.. ad orationem alendam plurimum valet.. (Apoloqi, Parabolæ, Adagia, Hieroglyphica, Emblemata, Testimonia, γνῶμαι, Leges, Sacreliteræ, Ratio et Solertia in Locis).

(Конецъ Вступленія).

§ 1. Pom. 133. Rhetorica est ars bene dicendi; sic appellatur a verbo ῥέω, dico, loquor, ex quo ῥῆμα vocabulum, et ῥητὸν dictum, unde ῥήτωρ, Rhetor, orator, Causidicus, et ῥητορικὴ, Rhetorica, seu ars oratoria.

Ср. ib. 137. Rhetor dicatur ille, qui artem oratoriam docet; Orator vero sit, qui in judiciis et concionibus causas agit.

§ 2. Рукоп. П. Б. (№ 1663). — Ритор. конца 17 в. Три части Р-ки: изобрѣтеніе, расположеніе и красноглаголаніе или речеточство.

Ср. Pom. 138. Quinque partes Eloquentiae: 1) Inventio, 2) Dispositio, 3) Elocutio, 4) Memoria, 5) Pronunciatio.

§ 3. Pom. 140. De Inventione (seu locis Oratoriis). Locus oratorius est argumentorum sedes, seu nota, qua indicatur, quid in rebus pervestigari debeat Orator.

Ср. Pom. 138. Inventio est excogitatio rerum verarum aut verisimilium, quibus probabile reddatur, quod probare intendit Orator.

§ 4. Ср. Pom. 140. Argumenta sunt alia insita seu intrinseca; alia remota, seu extrinseca.

§ 5. ib. Loci Oratorii I. Intrinseci—Sexdecim: 1) Definicio 2) Enumeratio partium 3) Notatio 4) Conjugatio. 5) Genus 6) Forma 7) Similitudo. 8) Dissimilitudo 9) Contraria 10) Adjuncta 11) Anticedentia 12) Sequentia 13) Repuqnantia 14) Causa 15) Effecla 16) Comparatio.

Ритор. Лихудовъ. (1698 г.) И. П. Б. *Мѣста:* 1) *Внутреннія* (60): опредѣленіе, исчисленіе частей, этимологія, родъ и видъ, уподобленіе, противное, обстоянія, предыдущія и послѣдующія, противу-борныя, вины, сравненіе и пр. 2) *Внѣшнія:* Предсудіе, завѣтъ, законъ, и пр. (ср. § 22).

I статья Филонова. стр. 42.

§ 6. Pom. 141. Genus est aliquid commune non tantum ipsi rei, quae definitur, sed etiam multis aliis.

Ср. ib. 143. Genus est quoddam Totum plures continens partes, communione quadam libi similes, specie tamen differentes, ut: *virtus* genus est, quia complectitur Prudentiam, Iustitiam, Fortitudinem, Temperantiam, quae sunt ejus partes....

§ 7. Ср. Pom. 142. Enumeratio partium est oratio, quâ aliquid genus, seu totum in suas partes distribuitur.

§ 10. Ср. Pom. 142. Notatio seu Etymologia locus est, quo verborum originem et significationem inquirit.

§ 11. Ср. Pom. 147. Effecta sunt ea, quae orta de causis.

§ 14. Ср. Pom. 146. Causa Efficiens id est, à quo aliquid est.

§ 15. ib. Causa finalis ea est, cujus gratia fit aliquid.

§ 16. Pom. 145. Antecedentia, quae necessario cohaerent cum consequentibus; Consequentia, quae rem necessario consequuntur.

§ 18. Pom. 144. Adjuncta seu res circumstantes — ea, quae cum re conjuncta sunt.. Adjuncta cum consequentibus non necessario conjuncta sunt.

§ 19. Ср. Pom. 143. Similitudo est Oratio, quae traducit rem quampiam ad aliquid ex re dispari simile..

§ 20. Ср. Pom. 144. Contrariorum seu oppositorum quatuor sunt genera:

1) *Adversa* quae inter se maxime distant; ut virtus et vitium 2) *Privantia,*— ut vita et mors. 3) *Relata* (dux et miles); 4) *Negantia* (pius et impius).

§ 21. Pom. 147. *Comparatio* cum duo vel plura in aliquo, quod sit eis commune, comparantur. — Comparatio potest intui triplex: 1) a majori ad minus, 2) a minori ad majus, 3) a pari.

§ 22. Ср. Pom. 141. Definitio habet duas partes: Genus et Differentiam....

ib. II. *Loci Extrinseci* sex: 1) Praejudicium 2) Fama (communis hominum sermo. 148) 3) Tabulae (in publicis tabulis relatum). 4) Tormenta 5) Testes. 6) Iusjurandum.

§§ 23—32. Ср. Pomey. 68—69. Sententia vel est siplex vel composita... In qualibet sententia duo sunt exponenda: *Subjectum* et *praedicatum*... Partes singulæ cujusque membri exponendæ sunt, illius praesertim membri, quod videbitur esse praecipuum; quodque in plures partes distribui commodius potest.

Ex. g. *Omnia vincit amor.*

Hujus sententiae tria verba sunt, totidemque membra... Unaquaeque vox est quoddam quasi totum ex multis partibus compositum.... Evolve atque explica singulas et incipe, si vis, ab ista, quae caeterarum tanquam basis est quaedam....

Quaerendum igitur est, quid sit Amor, et ab ejus effectibus hae tibi definitiones occurrunt:

Amor... rapax illa cordis illecebra etc. *Vincit* hoc est pellicit, irretit, implicat, ferit, vulnerat... sui juris efficit. *Omnia* hoc est hominem ipsum totum, corpus, animum, mentem, memoriam, voluntatem.... omnium aetatum viros, fortunae et naturae dona, — difficultates, quae ipsi opponi possunt: obices, claustra, montes, carceres, vincula effringit, perrumpit, tollit, — terrores, aerumnas, molestias, aegritudines, mortem ipsam, mala omnia vincit.

Omni in loco — terrâ et mari,

omni tempore — aetate, tempestate,

omni modo — dolo et aperta vi.

§ 34. Ср. *Wolf.* Instit. Phil. 1729. Logica § 25.

Judicium verbis prolatum vocatur *enunciatio* item *propositio.* In omni judicio tria considerata sunt:

1) *Subjectum* — res, de qua dicitur;

2) *Praedicatum* — quod de ea dicitur;

3) *Copula* — nexus inter S. et Praed.

§ 35. ibid. § 27. Propositiones obeunt in affirmativas et negativas.

§ 40. Ср. Ритор. Лихудовъ.—Періоды однокольные, дву—много. к. (членные).

Finis coronat opus.

§ 41. Прм. 1-й. Pomey. 168. Periodi membri unius: Infantium tenelli mores, sequax eorum ductilisque in omnem partem indoles, cereaque illa quasi teneritudo et tanquam argillae in quascunque figuras mollitudo formabilis, domesticorum primo velut attactu, verius multo quam natalium afflatu, influxuque siderum plerumque finguntur.

Пр. 2-й. Cicer. Pro. Ligario. VII, 21. Domi una eruditi, militiae contabernales, post affines, in omni denique vita familiares.

Пр. 3-й. Pomey. 168. Luxus et otium vitiorum omnium geminæ mammillæ, continenti fluxu animis corporibusque lacteam pestem instillantes, aerumnas acerbissimas, morbos exitiabiles, calamitates sempiternas, miserias innumerabiles, universa denique mala in humanum genus important.

§ 42. Ср. Pomey. 167. *Periodus* multiplex est: alia dicitur *quadrimembris,* seu Tetracolos, quatuor membris consistans, alia *trimembris,* alia *bimembris,* alia *monocôlos.*

Примѣры: 3-й. Изъ Евангел. — Кто хощетъ васъ вящій быти, до будетъ всѣмъ слуга.

5-й. Ср. П. Слово И. Елисаветѣ: Искусный мореплаватель не токмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время кротчайшія тишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія и пр. Смирд. I, 566.

6-й пр. Pomey. 169. Qui verae laudis incensus desiderio illustrissimum sapientiæ decus ambit; nihil in omni vita antiquius habere debet, ac potius, quam ut aeternæ mentis Numen non tam supplicii metu, quam religione officii nullo plane violanda, caste sanctèque revereatur, ac timeat.

7-й ср. Pom. 171. (Лом. передѣлалъ): Si tantum apud te valeret accepti beneficii grata recordatio, quantum apud me valuit tibi gratificandi studiosa propensio: eamdem mihi nunc benevolentiam testareris, adversante fortuna meis commodis, quam olim rebus mihi ad voluntatem fluentibus testabaris.

8-й пр. ibid. Si quantis abundent malis fallacia fortunæ bona attenta mentis consideratione perpenderes: quo majori hactenus cura sollicitudineque illa venatus es, eo majori deinceps contemptu respueres, aspernareris, exhorreres.

§ 43. Pomey. 167—168. Periodi: aliæ *Quadratae* seu *Rotundae*... duo ultima membra duobus primis ex aequo respondeant; aliæ *Fusae* seu *Volubiles*, quæ plurimis contextæ membris, longoque verborum circuitu decurrentes quadrigarum in morem, aut leviter fluentis instar amnis sententiam vehunt.

Пр. 1-й. — Это начало «программы при началѣ публичнаго изъясненія Физики въ 1746 г.» (не 1750). — См. Смрд. I, 802. — Это есть уже *въ 1-мъ изд. Ритор.*, приготовленной въ 1746 г. а издан. въ 1748 г.

Пр. 2-й 32-я строфа (II-й) оды 1742 г.

§ 44. Ср. Causs. 364—365.

Oratio alia est *vincta* — quæ periodis decurrit; alia vero *soluta* (fusa), quæ licet suos pedes et numeros habeat, non est tamen his circumscriptionibus certa, lege recurrentibus illigata.

ib. 107. (Breves et acutæ Sententiæ sunt) in nobili causa contra Parrhasium pictorem Atheniensem, qui cum Philippus captivos Olynthios venderet, emerat unum ex his senem, perduxerat Athenas, torserat et ad exemplar ejus pinxerat Prometheum à Jove in Caucaso relegatum et laceratum, quum postea tabulam in templo Minervæ dedicaverat: haec magnifice dicta:

Infelix senes vidit jacentis et divulsæ patriæ ruinas: abstractus est a conjuge: super oxustæ Olynthi cinerem stetit. Jam ad figurandum Promethea satis tristis est: Proh Jupiter.... Quis ut naufragum pingeret, hominem mersit? caeditur: parum est? inuritur, etiamnum parum est? laniatur: Hoc (inquit) in irato Philippo satis est, sed nondum in irato Jove.

Aedem Minervæ, tanquam castra Macedonum fugiunt. Torqueatur, hoc nec sub Philippo factum est. Moriatur, hoc nec sub Jove. (Corrupisti duo maxima Promethei munera, ignem et hominem).

Aliquisne nunc quaeri de Philippo putat? Dii Deaeque te perdant, misericordem Philippum fecisti.

Примр. 2-й, 1-я строфа (IV-й) оды 1743 г.

§ 46. Ср. Causs. 364. Cavendum est vehementer, ne justæ periodi explændæ gratia, quo melius cadat aut volvatur Oratio, inania quaedam verba inculcemus, quasi complementa numerorum. Nihil frigidius est, puerilius et à vera germanaque eloquentia magis alienum, quàm ubi materia non patitur, sed res est pressè et rotundè efferenda, periodorum tractu inanem distendere orationem.

Ср. Рукоп. Ритр. П. Б. (к. 17 в.). «Не есть убо Риторика тканіе реченій и кругъ періодовъ хитростнѣ обточенъ; Р-ка руки великаго ума, лже состоится паче вещьмы и разумы, неже словцами».

§ 48. Cp. Pomey. 162. Dilatio periodica est quum aliquid plurimis verbis explicamus, (quod paucioribus comprehendi poterat).

Cp. ib. 243. Amplificare non est inani verborum exaggeratione rem augere supra modum, sed ea, quæ insunt in ipsa re, aut affinitatem habent cum illa, expromere dicendo.

§ 50. *Causs.* 262. Duo sunt praecipua amplificationis genera, — unum fit per *augmentum,* quod proprie vocatur αὔξησις; alterum per δείνωσιν sive exaggerationem: hoc inter αὔξησιν et δείνωσιν convenit, quod utraque ampliorem faciat orationem; sed illa plus habet diffusionis et ambitiosi circuitus: haec adjunctis rerum et ponderibus magis auget, quam verbis.

ibid. 261. Alia est natura sublimitatis, quam ὕψος vocant, alia amplificationis: sublimitas est in tollenda, amplificatio in fundenda oratione; illa in vi, haec in lecta multifudine; illa magis spectat qualitatem, haec quantitatis et diffusionis rationem habet.

§ 51. ibid. Amplificatio est plenitudo, non redundantia; quò plane significat, per amplificationem fieri corpus orationis, venustâ quâdam plenitudine consurgens, non tumore distensum.

Hæc autem plenitudo non petitur ex inani fuco verborum, vel strepitu numerorum, sed ex optimis quibusque rerum adjunctis.

Causs. 260. Haud scio, an ullum sit vitium magis a vera germanaque eloquentia alienum, quam inepta et puerilis amplificatio; rerum et sententiarum inani vanoque strepitu verborum intemperantiùs lasciviens.

§ 52. Примѣръ 1-й (перев. не съ Греч., а съ Латин.).

Causs. 290.

Ναῦς φόρτον ἔχουσα τὸν πρεσβύτερον ἕνα καὶ τῆτον, οὐδέ ὑπὲρ κακοῦ τινὸς, ἀλλ' ὑπὲρ πιστέως κινδυνεύοντα κατὰ πελάγης ἀφίεται οὐχ ἵνα σώσῃ τον ἐπιβάτην, ἀλλ' ἵνα ἀπολέσῃ etc. Navis presbiterum unum portans, eumque non sceleris ullius, sed fidei causa periclitantem, in mare demittitur, non ut vectorem servet, sed ut perdat. Atque is quidem, qui vehebatur, utpote vir pietate praestans, animo erat prompto et alacri. Comes autem illi ignis adjungitur, ac novitate poenæ majorem in modum lætatur persecutor. Proh spectaculum grave! proh acerbam tragoediam! navis mari fertur, spectantium multitudo ad littus effunditur, partim lætantium, partim lugentium. Quonam pacto rem tantam paucis exprimam atque in aspectu collocabo? Ignis accenditur, navis unà cum onere suo absumitur, ignis aquæ miscetur, resque inter se contrariæ ad pii viri supplicium concurrunt; duoque elementa corpus unum partiuntur, et novo atque inaudito more fax super mare attollitur.... (Ex. D. Gregor. p. 416).

2) Causs. 292. (съ Латин., а не Греч.).

Age vero, speciosis larvis, a turpi ac deformi facie detractis, meretricis mulieris fœditatem ostendamus. Talis enim est vita ad voluptates, divitias, ac honores projecta, infamis, inquinata, flagitiis ac sordibus oppleta, molesta, gravis, multisque acerbitatibus oppressa. Hoc enim est, quod vitæ hujus amore delinitis omnem adimit veniam, quòd cùm tot rerum asperitatibus sit referta, desideratur ab eis, et magnopere expetitur, plena capitis discriminibus, praecipitiis, cædibus, timoribus, terroribus, invidia, perpetua cura et sollicitudine; quodque nullum lucrum, nullum fructum tantorum laborum afferat, nisi poenam ac supplicium et æternos cruciatus.

Chrysost. tract. de eo, quod nemo læditur nisi a se ipso. pag. 577.

3) ibid. 291. Quid ergo est virtus equi? nunquid aureum habere fraenum, et hujusce modi cingula, stragulorum vincula ex sericis filis contexta, tapetes variatos auroque intertextos, phaleras gemmis distinctas, comas aureis funiculis complicatas? an vero cursu esse velocem, cruribus bene firmis numerosè incedere, et ungulas habere generoso equo dignas, robore præditum esse, longis itineribus ac bellis idoneo, posse et in acie magno animo, et in fuga equitem incolumem conservare? an non perspicuum est, his non illis equi virtutem contineri? Asinorum vero et mulorum, quam virtutem esse diceres? an non posse onera commodè gestare, itinera facilè conficere, habere pedes, qui firmitate laxa imitentur? Num ea quibus extrinsecu circumdati sunt, aliquid ad virtutem ipsorum proprium conferre dicemus? nequaquam. Vineam deinde quam admirabimur? foliis comatam, et palmitibus, an fructu onustam? Quam etiam olivæ virtutem esse dicimus? cùm magnos habet ramos, et multam foliorum comam, an cùm suum fructuum uberem et in omnes partes dispersum ostentat? Sic igitur etiam in hominibus faciamus: discernamus virtutem hominis, idque solum damnum existimemus, quod illam violet. Quid igitur est virtus hominis? non pecunia, ut paupertatem metuas; nec sanitas corporis, ut timeas morbum; non multitudinis opinio, ut suspectam habeas existimationem malam, nec vita per se sola, sine accessione certoque proposito fine, ut mors tibi formidabilis existat; nec libertas, ut servitutem fugias, sed veræ doctrinæ diligens studium, et vitæ honestas. *Chrysost.* p. 572. Oratio, quod nemo læditur, nisi a se ipso.

4) *Causs.* 262. Nullum civilium bonorum unquam attigit, quo animum excoleret suum. Non bonas artes, non agriculturam, non industriam denique ullam curat, nullius humanitatis et communis usus est particeps: sed incedit per forum quasi serpens aut scorpius exerto spiculo, huc et illuc prospectans: si cui noxam, aut calumniam, aut aliquod aliud malum afflare, vel saltem timorem incutere possit, ut inde pecuniam conficiat. Demost. in Aristog. 73.

5) Causs. 266. Есть у Дамаскина въ изд. Ломон. II, 354.

«Includuntur.... parentes».

§ 53. О Дщерь гремящаго... VII ода, 2-я стр. (1746).

Въ сей день блаженная ibid. 1-я стр. (ср. § 232).

§ 56. Ср. Causs. 373. Amplificatur Periodus per definitionem.

1) Quod enim præstabilius est aut pulchrius munus deorum, quam castus et sanctus et diis simillimus princeps? Ac, si adhuc dubium fuisset, forte casuque rectores terris, an aliquo numine darentur, principem tamen nostrum liqueret divinitus Constitutum. — (Plin. Panegyr. Trajano. C. 1).

NB. Это есть въ *П. Слово Петру В.* (1755 г.). «Хотя бы еще кому..... надъ нами». Смирд. I. 579.

2) Pomey. 173. Mella apum praedæ. Viden'ut, Apes ex alveariis rauco bombo personantibus, præeunte duce, strictis aculeis, alisque explicatis eruptionem faciunt, areolasque illas aromatibus saluberrimis pretiosas, suaveolentibus fragrantes herbulis, venustissimis que depictas flosculis circum volitantes, in obvios quosque sine fine flores feroces irruunt, violaria violant, rosæ aurum diripiunt, lilii argentum exportant, thymum sugunt, casiam ebibunt, serpillum expillant, crocum evsorbent, titias et hyacinthos exhauriunt.

§ 57. Ср. Causs. 373. Amplificatio per enumerationem partium.

1) Causs. 636. Primum mari insistens, perpetuum emittit pulchritudinis florem, quasi non paulatim constituta sit, verum tota simul e terra emerserit. Magnitudinem vero non rpo necessitate, vel occasione sortita est, sed ubique ampla, sibique mulilis conspicitur, et laxitatem pro incremento pulchritudinis habet: neque multas esse urbes dispersas dixeris, sed unam multis parem..... Quod si in arce consistas, tum et mare subterfluit et suburbia appellunt, et utrisque civitas permista, tribus jucundissimis spectaculis animum exhilarat: nec habet quis ubi oculum figat, ubi ad se singula, tanquam in vario monili, attrahunt. Cum ob arce descenderis, ortui exposita loca te excipient, ac primum templum pulcherrimum præsidiis Deæ.

Quæ autem deinde sequuntur, ne senex quidem posset commemorare commodè. Nam omnia deinceps ad littus usque, gymnasiis, foris, theatris, portubus, aliisque ornamentis tum arte tum natura factis certatim resplendent, nec quicquam vel spectaculo vel usu caret.

Ac lavacra quidem tot sunt, ut pene dubites, ubi lavare velis: curricula vero omnis generis, partim in urbe media, partim in finibus, eaque inter se præstantia. Fontes deinde tot sunt, quot ædes: imo etiam ac plures: tum vici pro foris, iique quadrifariam se invicem secant, quò pleniùs sole collustrentur: atque adeò, quod mox negabam, multas propemodum urbes, ac singulas ad imaginem totius describunt.

Прим. 2-й. Metamorph. L. II, 1—7.

Regia solis erat sublimibus alta columnis,
Clara micante auro, flammasque imitante pyropo:
Cujus ebur nitidum fastigia summa tenebat:
Argenti bifores radiabant lumine valvæ.
Materiem superabat opus: nam Mulciber illic
Aequora cælabat, medias cingentia terras,
Terrarum que orbem, cœlumque, quod imminet orbi.

§ 58. Ср. Pom. 195.

Прм. 1-й. Ср. Caus. 783. — Изъ Еліана, описаніе Темпейской долины.

Прм. 2-й. Caus. 750. Lusciniam.... solent... admirari, quod in tam parvo corpusculo tam clara, tam svavis, tam magna, tam jucunda vox inveniatur: quod verno tempore, quum frondescere arbores incipiunt,.... canere soleat.... (Gesneri-Luscinia).

Primum tanta vox, tam parvo corpusculo, tam pertinax spiritus. Deinde in una perfecta Musicæ scientia modulatus editur sonus: et nunc continuo spiritu trahitur in longum, nunc variatur inflexo, nunc distinguitur conciso, copulatur intorto; promittitur revocato, infuscatur inopinato: interdum et secum ipse murmurat: plenus, gravis, acutus, creber, extentus, ubi visum est, vibrans, summus, medius, imus: breviterque omnia tam parvulis in faucibus, quæ tot exquisitis tibiarum tormentis ars hominum excogitavit. (Plinius. lib. 10. C. 39).

У *Державн.* есть подражаніе этому примѣру «*Соловей*» (1794 г.).

На холмѣ сквозь зеленой рощи,
Подъ кровомъ тихой Майской нощи,
Вдали я слышу соловья....
То свистъ его, то звонъ летитъ,
Твой гласъ отрывный, перекаты,

Отъ грома къ нѣжности, отъ нѣгъ
Ко плескамъ, трескамъ и перунамъ,
Напѣвъ твой яркій, голосистой....
И разсыпную звонку трель....
Какая громкость, живость, ясность,
Въ созвучномъ пѣніи твоёмъ,
Стремительность, пріятность, каткость
Между колѣнъ и перемѣнъ!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь въ голосахъ;
Отважно, быстро, плавно, кратко.
(по изд. 1845 г. стр. 168).

3-й прм. Caus. 749. Pavo... sublata cauda, eamque undique circa se pandens, spectandos exhibet, et illius flores, et quasi quamdam pompam agit pulchritudinis suæ, quando videlicet etiam admirabilior apparet ad splendorem solis, variantibus se coloribus, et paulatim in alios atque alios transeuntibus, aliamque ac novam formositatis speciem subinde recipientibus. Accidit autem hoc potissimùm in circulis, quos in summis pennis habet, quorum quemlibet, quasi quædam irides circumdant. Nam qui ante æreus visus fuit, mox inclinante se paulùmillo aureus conspicitur: et rursum, quod ad lucem apparuit, si sub umbram transferatur, viride videbitur. Adeò ad luminis vicissitudinem pennarum ille ornatus variatur. Lucian. de domo.

Ср. Державина: *Павлинъ*.

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно разширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахромой
Позадь чешуйчатой груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?
Лазурно — сизо — бирюзовы
На каждаго концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы
Струнста злата и сребра.
Наклонитъ — изумруды блещутъ,
Повернетъ — яхонты горятъ!..... (См. изд. 1845 г. стр. 169).

§ 59. Прм. 1-й ср. II Духовн. ода. Смрд. I, 6—7.

Прм. 2-й. Causs. 294 (и 600!).

Nulla est enim tanta vis, tanta que copia, quæ non ferro ac viribus debilitari frangique possit. Verùm animum vincere, iracundiam cohibere, victoriam temperare, adversarium nobilitate, ingenio, virtute praestantem, non modò extollere jacentem, sed etiam amplificare ejus pristinam dignitatem; hæc qui facit non ego cum summis viris comparo, sed simillimum Deo judico.

Laus Clementiæ. Cicer. pro Marcello.

Прм. 3-й. Caus. 293. Amplificatio avaritiæ,

D. Chrys. tract. quod nemo lædìtur, nisi a se ipso. p. 579. Переведено не съ Греч. подлинника (который у Causs. тоже есть), а дословно по Латинскому переводу.

Rabies quædam desperata, furor effrenatus, morbus insanabilis, omnium animos obtinet: Hic amor omnem funditùs amorem extinctum atque oppressum ejicit ex animo. Neque amicitiæ ratio habetur, neque cognationis, quid dico amicitiæ et cognationis? non uxoris et liberûm, quo quid vivis potest esse charius? sed omnia humi abjecta et conculcata sunt, ubi crudelis isthæc et inhumana mancipiorum domina, tanquàm sævus tyrannus, aut barbara quædam immanis, aut meretrix publica, et sumptuosa, omnia dedecorat, conficit, et sexcentis objicit periculis et poenis, eos, qui illi servire animos induxerunt. Cùmque sit terribilis, acerba, crudelis, sæva, vultu barbarico, quin potius ferino, et quàm lupus et leo tetriore; mansueta tamen, et expetenda, et melle dulcior suis captivis esse videtur: cum etiam gladios et arma quotidiè contra eos cudat, ac barathra effodiat, ad præcipitia ducat et scopulos, infinita supplicii retia texat, beatos eos tamen praestare censetur, tum ipsis captis, tum iis qui in eosdem laqueos se induunt, atque ut in cloaca aut coeno sus cum voluptate et delitiis volutatur; aut ut scarabei in stercore continenter versantur; ita etiam avaritiâ capti, istis animantibus sunt miseriores.

§ 60. Прм. 1-й. См. въ *изд. Соч. Ломон.* — *Дамаскина.* (1778 г.) т. II стр. 354.

O Verrea præclara.... constituta esse videantur.

Прм. 2-й. ibid. с. 440. Nomen cum violis.... temperat tonanti.

§ 61. Ср. Pom. 295. Amplificatio ob effectis.

Прм. 1-й. См. Дамаск. II, 352. Hic est Apronius.... in convivio dominus.

Прм. 2-й. Causs. 800—801. Davidis et Goliath monomachia. Ex Basilio Seleuciæ.

Hic quidem bellator, ego vero belli inexpertus: quæ res animos mihi facit: neque enim viribus meis fretus, sed Gratiæ, in aciem prodeo. Deo contumelia dicitur: ecquis in punam non armetur? Ipsum Deum, contumelia lacessitum in auxiliis numero: maledicam illam inimici linguam, victoriæ pignus teneo. Corpore præsidens est et thorace; ego vero immortali defensione munior: scutum objectat, verùm hostem à Deo oppugnatum non metuo ego, cui cœlum pro clypeo est; cum eo manus confero, cui res cum Deo. Deo instrumentum ero visibile, qui invisibilia jacit tela. David imbecillis est: sed fortis, qui mihi præsto est in acie: David puer, sed æternus, qui præliatur: pastor apparet, sed fecit universum, qui me reficit armatum. Satis mihi est ad victoriam fides.

Oratione persuadetur Saul... Verùm enimverò cum David regiè juxta ac bellicè esset armatus, declarat Deus, ut nihil opus sit armis, Deo bellum adjuvante. Quare arma, tamquam victoriæ impedimenta David exuit, recusat thoracem, galeam abjicit, scutum deponit, manum hasta liberat.....

Прм. 3-й. Дамаск. II. 442. Petit ille dapes.... non sufficit uni.

§ 62. Прм. 1-й. Дамаск. 464. Troja jacet.... dona maritis.

Прм. 2-й. Это отрывокъ изъ неизвѣстнаго до спхъ поръ стихотворенія Ломоносова. — Вѣроятно въ то время оно было хорошо извѣстно, если онъ обрываетъ его на полуфразѣ, и ставитъ *и прочая.* — По содержанію видно, что это отрывокъ какой-то — *идилліи.*

Прм. 3-й. Causs. 793. Это перев. съ Латин., а не Греч. (подлинника).

Hyems. ex *Theophylacto.*

Præteriit autumnus, et jam hyems terræ ingruit: mare tranquillitatis fœdera rupit: navigantes portus quasi sospitatores amplectuntur: et rusticus ad focum confugit, et formica in cavernis terræ suis laboribus parto victu fruitur.

§ 65. Прм. 1-й. Causs. 788.

Seges. Ex D. Ambrosio, lib. 3. Hexam. cap. 8.... Ast ubi se geniculata jam spica sustulerit, vaginæ quædam, futuræ frugi parantur, in quibus granum formatur interius, ne tenera ejus primordia aut solis æstus exurat, aut frigus lædat, aut ventorum inclementia, vel imbrium vis sæva discutiat. Succedunt quidam ordines spicæ, mirabiliarte formati, vel ad speciem grati, vel ad tutamen nexu quodam inter se naturalis colligationis adstricti, quam providentia divina formavit. Et ne frugis numerosioris pondere, velut quædam cedat fultura culmorum, vaginis quibusdam ipse culmus includitur, ut geminatis viribus frugem possit multiplicem sustinere, ne impar arbor onere curvetur in terram. Tum supra ipsam spicam vallum struitur aristarum, ut quasi quadam in arce prætendat, ne avium minorum morsibus suis exuatur fructibus, aut vestigiis proteratur.

§ 66. Ср. Pom. 297.

Amplificatio a consequentibus, cum ea, quæ rem quampiam consequuntur, exponimus.

Прм. 1-й. Causs. 282.

Quid dulcius hominum generi à natura datum est, quam sui cuique liberi? mihi vero et propter indulgentiam meam, et propter excellens eorum ingenium, vita sunt mea cariores, tamen non tanta voluptate erant suscepti, quanta nunc sunt restituti. Nihil cuiquam fuit unquam jucundiùs, quàm mihi meus frater, non tam id sentiebam, cùm fruebar, quàm tunc, cùm carebam; et posteaquam vos me illi, et mihi eum reddidistis: Res familiaris sua quemque delectat; reliquæ meæ fortunæ recuperatæ, plus mihi nunc voluptatis afferunt, quàm tunc incolumi afferebant; Amicitiæ, consuetudines, vicinitates, clientelæ, ludi denique et dies festi, quid haberent voluptatis, carendo magis intellexi, quàm fruendo. Jàm verò honos, dignitas, locus, ordo, beneficia vestra, quanquam mihi semper clarissima visa sunt, tamen ea nunc renovata, illustriora videntur, quam si obscurata non essent.....

Cicer. post reditum ad Quirites.

Прм. 2-й. Ср. § 62, прм. 2-й. Тоже отрывокъ изъ какого-то недошедшаго до насъ стихотворенія: возможно, что оба отрывка принадлежатъ одному сочиненію — описаніе годовыхъ перемѣнъ или что-либо подобное. — Размѣръ тотъ же — 3-хъ стопный ямбъ, и содержаніе какъ буд. однородно: таже описательная поэзія..

Прм. 3-й. На этотъ мотивъ написана извѣстная *эпиграмма Хвостова:*

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ была Троянская столица,
У бѣдныхъ рыбаковъ посѣяна пшеница,
И Капитолія, судилище Царей,
Есть обитаніе теперь Пономарей.
Домъ Ломоносова, безсмертнаго піиты,
Жилищемъ сдѣлался Демидова Никиты. —

§ 67. Прм. *Causs.* 762, (792).

Tempestas. Diserte scripsit Maffeus:

Oceani sævientis ventorumque furentium ea præcipuè regna sunt: in id spacium audaciùs quàm feliciùs ingressis Majo mense Lusitanis: flammeus cometes, horribili specie, in decimum usque diem continenter apparuit: jamque variante sæpiùs cœlo ac pelago, atræ ac sordidæ nubes, ad Septentrionem conglo-

batæ, omnem in se flatum, quasi reciprocando collegerant: mare languidum erat, insidiosa tranguillitas: nautæ locorum ignari ac tempestatum, ad auram undique captandam, totos velorum expanderant sinus, cùm ex iis quas dixi nubibus, universo repentè impetu sese effundens aquilo, transversas quatuor naves, quarum ad contrahendum minùs aptè disposita fuerant armamentaria, inspectantibus cæteris, momento ita evertit, et obruit, ut è tanto hominum numero nemo prorsus evaserit..... Saluti aliis fuêre, vel demissæ raptim antennæ, vel, ubi id non licuit, vela ipsa vento disrupta: eo tam horrendo spectaculo exanimati, qui superfuerunt consanguineos alii, alii caros amicosque, oculis frustra requirere: ad lacrimas et complorationem proni; ut quos in mœrorem ex interitu alieno sui cujusque periculi metus obstupefaceret. Quippe Borea pertinaciter flante pelagus identidem intumoscere, fluctus modò ad astra ferri, modò ad tartara penè ima subsidere: Naves cum extremo salutis discrimine propemodum inter se collidi. Ad haec atra caligo, et rudentium stridor, et dissonæ voces varia et incerta jubentium non oculorum modò, sed etiam aurium usum abstulerant: Quin salum ipsum interdiu piceo, noctu igneo colore terrebat.

§ 68. Прм. 2-й, ода I, (1739) стрф. 10, Смрд. I, 38. Ср. § 203, (два раза!).

§ 69. Ср. Pom. 307. Amplificatio a comparatione tum maximè subservit, cum multa inter se per comparationem opponuntur.

Прм. 2-й, ода VII, (1746 г.) стрф. 10, Смрд. I, 89.

Прм. 3-й. Энеид. II, 495—499.

...Primosque trucidant.
Immissi Danai, et laté loca milite complent.
Non sic, aggeribus ruptis quum spumeus amnis
Exiit, oppositas que evicit gurgite moles.
Fertur in arva furens cumulo, camposque per omnes
Cum stabulis armenta trahit....

§ 70. Ср. Causs. 268. Amplificatio ἐξ ἐναντίου, a contratio....

Ср. Pom. 305. Amplif. a contrariorum frequentatione, cum multa sibi adversantia congeruntur.

Прм. 1-й. Pom. 187. (см. у Дамаск. 340). Quis ferre.... vigilantibus.

Прм. 2-й. Pom. 187. Potestis ignotos notis, iniquos æquis, alienigenas domesticis, cupidos moderatis, mercenarios gratuitis, impios religiosis, inimicissimos huic imperio et nomini — bonis ac fidelibus sociis et civibus anteferre?

(Cic. pro M. Pompejo. 22).

§ 71. Димосф. Филип. II, 70—71 стр. (Steph.).

Πῶς γὰρ οἴεσθ', ἔφην, ὦ ἄνδρες Μεσσήνιοι, δυσχερῶς ἀκούειν 'Ολυνθίοις, εἴ τις τὶ λέγοι κατὰ Φιλίππου κατ' ἐκείνους τοὺς χρόνους, ὅτ' 'Ανθεμοῦντα μὲν αὐτοῖς ἠφίει ἧς πάντες οἱ πρότερον Μακεδονίας βασιλεῖς ἀντεποιοῦντο, Ποτίδαιαν δ'ἐδίδου τούς 'Αθηναίων ἀποίκους ἐκβάλλων, καὶ τὴν μὲν ἔχθραν, τὴν πρὸς ἡμᾶς αὐτὸς ἀνήρητο, τὴν χώραν δ'ἐκείνοις ἐδεδώκεν καρπούσθαι; ἆρα προσδοκᾶν αὐτοῦς τοιαῦτα ποιέσθαι ἢ λεγοντος ἂν τινὸς πιστεῦσαι οἴεσθε; ἀλλ' ἅμως, ἔφην ἐγὼ, μικρον χρόνον τὴν ἀλλοτρίαν καρπωσάμενοι πολυν τῆς αὐτῶν ὑπ' ἐκείνου στέρονται, αἰσχρῶς ἐκπεσόντες, οὐ κρατηθέντες μόνον, ἀλλὰ καὶ προδοθέντες ὑπ' ἀλλήλων καὶ πραθέντες. Οὐ γὰρ ἀσφαλεῖς ταῖς πολιτείαις αἱ πρὸς τοὺς τοράννους αὗται λίαν ὁμιλίαι.

Прм. 2-й. Димосф. Филип. I, 51—52. (Steph.).

ὥςπερ οἱ βάρβαροι, πυκτέυουσιν, οὕτω πολεμεῖν Φιλίππῳ, καὶ γὰρ ἐκείνων ὁ πληγεῖς

ἀεὶ τῆς πληγῆς ἔχεται, κἂν ἑτέρωσε κατάξῃς, ἐκεῖσὲ εἰσὶν αἱ χεῖρες. προβάλλεσθαι δ'ἢ βλέπειν ἐναντίον οὔτ' οἶδεν, οὔτ' ἐθέλει. καὶ ὑμεῖς ἂν ἔν χερρονήσῳ πύθησθε Φιλίππον, ἐκεῖσε βοηθεῖν ψηφίζεσθε, ἐὰν ἐν πύλαις, ἐκεῖσε, ἐὰν ἀλλοθί που, συμπαραθεῖτε ἅνα κάτω, καί στρατηγεῖθε μὲν ὑπ' ἐκείνου, βεβούλευσθε δ' οὐδὲν αὐτοὶ συμφέρον περὶ τοῦ πολέμου, οὐδὲ πρὸ τῶν πραγμάτων προορᾶτε οὐδέν, πρίν ἂν ἤ γεγενημένον τι πύθεσθε.

Прм. 3-й. Изъ VI оды (1746 г.), 13 стрф. Смрд. I, 82.

Прм. 4-й. II ода (1742 г.), 43-я стр. Смрд. I, 60.

§ 72. Ср. Causs. 279. De delectu locorum, figurarum et verborum.

Verba ponenda sunt illustria,... gravia,... plena,... sonantia... juncta, facta, cognominata, non vulgata....

§ 73. Ср. Pom. 152. Argumentatio ex locis rhetoricis, sumendo res certas aut probabiles, quæ valeant ad conficiendam aliquam argumentationem.

§ 74. Ср. Pom. 152. Raciotinatio seu syllogismus — tres ejus partes: Propositio, Assumptio, Complexio.

Въ этой главѣ есть очевидныя заимствованіи изъ Логики Вольфа.

(Institutiones philosophiæ Wolfianæ. Thümigii. 2 т. Francof. 1729. Logica § 38.

Omnis syllogismus tribus constat propositionibus, quarum binæ priores, ex quibus tertia infertur, *Sumptiones* seu *Praemissae* appellantur, sicuti quæ ex iisdem infertur *Conclusio* vocatur.

§ 75. ibid. § 39. Tres istæ propositiones ex tribus terminis componuntur, habentque præmissæ terminum communem, quem *medium* vocant. Disponitur is in una præmissa cum subjecto, in altera cum prædicato conclusionis, diciturque illa propositio *minor*, hæc vero *major*.

ib. § 40. Patent hinc regulæ syllogismorum generales:

1) Syllogismus non plures, quam tres habere potest terminos.

2) Medius terminus ingredi nequit conclusionem.

3) Ex puris *particularibus (opp. universalis)* nihil sequitur.

4) Ex puris negativis nihil sequitur.

§ 76. Ср. Pom. 153. *Enthymema* est pars Ratiocinationis, seu ratiocinatio imperfecta, — id fit tollendo unam ex primis propositionibus.

§ 77. Wolf. Log. § 46—47.

Syllogismorum *hypotheticorum* seu *conditionalium* formæ generales: si... sed... atque, ergo.

Syll *disjunctivus:* aut — aut; — atqui; — ergo.

§ 78. Ср. Causs. 343. Dillemma, quod definitur à Suida, τὸ διχῶς λαμβανόμενον ῥόνημα, argumentum ab utraque parte concludens adversarium.

Ср. Pom. 155, (по Каусину).

Прм. 1-й. См. въ изд. у Дамаск. 426. Si Deus.... te cogita.

Прм. 2-й. Causs. 343. Sacerdos quædam dissuadebat filio ne quando verba faceret ad populum. Nam si injusta, inquit, suaseris, Deos habebis iratos; sin justa-homines. Id hoc pacto retorsit adolescens: Imò expedit orationem habere apud populum, quandoquidem si justa dixero, Dii me amabunt: si injusta homines.

§ 79. Pom. 155. *Sorites* est argumentatio quædam generalis, multas particulares acervatim convolvens et complectens. Unde Latinè dictus est *acervalis:*

Quod est bonum est expetendum;
Quod expetendum — approbandum;
Quod appetendum — laudabile;
Ergo quod est bonum, erit laudabile.

§ 82. Прм. 2-й. Lactant. De origine Erroris. Cap. V, § 25—28. Quod si fieri non potest, ut stellæ dii sint: ergo ne sol quidem, nec luna dii esse possunt, quoniam luminibus astrorum non ratione differunt, sed magnitudine. Quod si hi dii non sunt, ergo ne coelum quidem; in quo illa omnia continentur. Simili modo si terra, quam calcamus, quam subigimus et colimus ad victum, deus non est; ne campi quidem ac montes dii erunt. Sed si hi non sunt; ergo ne tellus quidem universa deus videri potest. Item si aqua, quæ servit animantibus ad usum bibendi, aut lavandi, deus non est; ne fontes quidem, ex quibus aqua profluit. Si fontes non sunt, ne flumina quidem, quæ de fontibus colliguntur. Si flumina quoque dii non sunt: ergo et mare, quod ex fluminibus constat, deus haberi non potest.

Quodsi neque cœlum, neque terra, neque mare, quæ mundi partes sunt, dii esse possunt; ergo ne mundus quidem totus deus est; quem iidem ipsi Stoici et animantem, et sapientem esse contendunt, et propterea deum.

§ 85. Прм. 1-й. Ср. изъ трагедіи *Тамира*. IV Дѣйстіе, 3 явл. «На пышны горъ верхи громъ чаще ударяетъ».

§ 89. Прм. 2-й. Ср. *Шекспиръ*. Ричардъ III. «Ты все видишь въ черномъ... Когда небо заволакивается тучами, умный человѣкъ надѣваетъ плащъ; начали падать большіе листья — зима близко; садится солнце — быть ночи» и пр.

§ 90. Прм. Ср. Ритор. § 137. «Не вѣрь обманчивой тишинѣ». и пр.

§ 93. Прм. Тертул. Apologeticus. гл. II.

O sententiam necessitate confusam! negat inquirendos, ut innocentes, et mandat puniendos, ut nocentes. Parcit et saevit, dissimulat et animadvertit. Quid temet ipsum censura circumvenis? Si damnas, cur non inquiris, si non inquiris cur non absolvis? Latronibus vestigandis per universas provincias militaris statio sortitur, in reos majestatis et publicos hostes omnis homo miles est; ad socios, ad conscios usque inquisitio extenditur. Solum Christianum inquiri non licet, offerri licet, quasi aliud esset actura inquisitio, quam oblatio.

§ 94. Готш. § 1. Въ этой главѣ многое изъ Готшеда:

Ausführiche Redekunst. Гл. IX, von Erregung und Dämpfung der Gemüths-Bewegungen und dem Beschlusse.

Die allerbesten Beweisgründe nehmen zuweilen einen halsstarrigen Zuhörer nicht ein: wenn nähmlich das Gegentheil dessen, so man ihm vorgetragen, seinen Begierden angenehmer ist. Wenige Menschen sind vermögend ihren Neigungen zuwieder zu handeln. Was würde es also einem Redner helfen, wenn er seinen Satz noch so schön erwisen hätte, dafern er nicht auch ihre Gemüths-Bewegungen sich znm Vortheile rege zu machen, oder die widrigen zu dämpfen wüsste.

§ 95. Готш. § 5. Dieses nun glücklich auszurichten, ist vor allen Dingen die sattsame Erkenntniss der menschlichen Gemüther nöthig. Ein guter Redner muss also sonderlich sich selbst, und sodann auch andere Menschen ans dem Grunde kennen. Er muss in der Erfahrung selbst, vermittelst einer grossen Aufmerksamkeit und philosophishen Scharfsinnigkeit wahrgenommen haben, durch was für Vorstellungen und Gegenstände diese oder jene Leidenschaft zu entstehen pflegt. Ja er muss durch Hülfe der Sittenlehre alle Tiefen des menschlichen Herzens erforscht haben. Aus diesen Quellen hat Demosthenes seine Stärke in Erregung der Gemüths-Bewegungen geschöpft, sintemal er lange ein Schüler Platons gewesen. Daher hat auch Cicero seine ungemeine Gewalt über die Herzen

der Zuhörer gehabt, welcher auch die aller gesetztesten Gemüther nicht widerstehen konnten.... Ich will also hier auch aus der Weltweisheit das nöthige wiederholen, und aus der Natur der Affecten die Regeln herleiten, wie man sie theils erregen, theils aber auch dämpfen könne.

§ 96. Wolf. Psychol. § III. Institutiones Philos. Wolfianae.

Appetitus et aversatio sensitiva vohementior *Affectus* audit, conjunctus cum extraordinaria commotione sanguinus et fluidi nervei in corpore per variatum arteriarum pulsum.

(§ 112). Affectus cum insigni gradu voluptatis vel doloris seu toedii conjungitur.

Cp. Causs. Lib. VII. Cap. IV (462 стр.).

Quid spectandum in iis, qui movent affectus.

Cap. V. Quid spectandum in personis, quæ movendæ sunt ad affectus.

Cap. VIII. Quæ res ad motum adhibendæ.

§ 97. Causs. 462—464. Statuunt Rhetores primam et omnium potentissimam in humanis rebus, motus excitandi rationem, in similitudine affectuum esse positam. Quos enim impressos habent motus oratores, eos facilius in auditorum pectus transfundunt:

2-da est motus efficax ratio, sapientia, vel sapientiæ existimatio, siquidem ea mitiùs tractantur, et in omnem partem inflectuntur animi;

3-a. Virtus, maximè vero sanctitas et justitia, vel etiam sanctitatis et justitiæ opinio.

4-ta. Conditio et auctoritas dicentis, vehemens quoque animorum est inci tamentum.

5-ta. Huic auctoritati plurimum favet aetatis maturitas, cui honor, imperium naturæ ipsæ calculo videtur attributum. Satis fuit Augusto ad tumultum, inter nobilissimos juvenes excitatum, protinus compescendum, dixisse:

Audite juvenes senem, quem juvenem senes audiverunt.

§ 98. Causs. 464—465. Spectandi vero sunt imprimus auditores, quos cupis permovere, à quibus rei permagnum pendet momentum; qui cum natura plerunque disjunctissimi sint, varias quoque et multiplices sortiuntur affectiones...

Primum igitur *ingenium* infinitas habet varietates.

II. Educatio, et consvetudo vitæ... Difficile est contra torrentem niti, et inveteratas longo temporum curriculo consuetudines evellere. Contra, facillimum est ad ea homines impellere, quibus prima educationis cunabula assueverunt. Spartanum, sudori innutritum, et pulveri, ægrè ad otium literarium compelles: Atticum Philologum, libris immersum, haut facilè in solem et pulverem pertrahes.

III. Tertio loco sexus, ætas, conditio perpendenda alque examinanda sunt. Fœmina plerunque affectus suscipit faciliùs, tenaciùs servat, difficiliùs deponit, atque ejicit, rationibus obluctatur, res semel apprehensas, ob ingenii imbecillitatem, obfirmata fovet pertinacia.

Pueri voluptariis sensibus maximè titilantur: Juvenes ad iras et gaudia proniores sunt: senes difficiliùs moventur. Ad haec conditio et vitæ studia vehementes habent in hanc aut illam partem emissiones.

...Omnia circumstantiarum momenta maturè discutienda sunt, et ad personas diligenter accommodanda.

Apud doctos istos ac politicos viros non sunt adhibendi molles et teneri affectus, vel etiam dolore incensi, ne solus videaris inter frigidos ac quietos furere et bacchari... Apud populum... affectus potius acrimoniæ et vividi doloris, quàm inclinati et ululantis adhibendus est. Apud feros, agrestes et stupides, si suaves et lacrimabiles affectus etiam numerosè profundas, idem facias, ac si apud tigres citharam pulses, aut immanes halænas acu pungere atque excitare velis... Весь 98 § изъ Каусс.—только порядокъ перемѣненъ, и нѣтъ послѣдняго сравненія оратора съ бойцомъ.

§ 99. Causs. 464. Jam quod caput est ei, qui ad sublimes illos motus assurgere cupit, grandem esse oportet eloquentiam, acrem, nervosam, incitatam, non quae primo impetu sidat et collabatur, sed quae perpetuis innutrita rebus, crescat et fœcundetur. Accedere oportet vocem, nervos et latera...

Готш. IX, § 6. Буквально изъ Готшеда.

Will man einen angenehmen oder verdrüsslichen Affect erregen, so stelle man seinem Zuhörer alle das Gute, oder alle das Böse, in grosser Menge und sehr geschwinde hinter einander vor die Augen, welches an einer Person oder Sache befindlich ist, oder doch zu seyn scheinet. Dieses nun recht zu bewerkstelligen, muss ein Redner sehr scharfsinnig seyn, erst selbst viel an einem Dinge wahrzunehmen, was zu seinem Zwecke dient.... Will man einen Affect unterdrücken oder dämpfen, so muss man dem Zuhörer zeigen, dass entweder das Gute oder das Böse an der Sache nicht vorhanden sey, welches er daran zu sehen meynet; oder dass er wenigstens so gross, oder so zahlreich nicht sey, als es ihm bedünket. Auch hier kann er der obigen Eigenschaften nicht entbehren; wiewohl sonst noch mehr Einsicht dazu nöthig ist.

§ 100. Causs. 469. Valebunt imprimus vivæ rerum descriptiones, quæ acutissimè sensus intimos ferire solent. ib. 467.

Res universales minime voluntatem movent, nec dialectici sunt ad motus eliciendos apti... qui plus intelligentiæ et speculationi tribuunt, quam sensibus; persuaderi quidem possunt, motibus vero et affectionibus inardescere difficiliùs possunt... Oculorum sensus omnium acerrimus est.

Causs. 469. Smyrnâ, urbe nobilissima, terræ motu collapsa, perorat Aristides Legatus apud Antoniños, ut instaurationem promoveat...

Jacet Smyrna, ornamentum Asiæ, vestri decus imperii, igni ac terræ motibus contrita (mox narrata ejus pulchritudine) hæc nunc omnia sunt in cinere. Clausus est portus ille, perierunt fori ornamenta: viarum décora evanuerunt: gymnasia cum ipsis viris et pueris collapsa, templa partim jacent, partim hausta sunt. Jucundissima denique spectatu urbs, et pulchritudinis apud omnes insignis cognomento, injucundisimum effecta est spectaculum, ruinarum et cadaverum tumulus: *Nunc vero desertam perflant Zephyri*". Ad has voces Imperatores lacrymas non tenuerunt.

Causs. 467. Seditionem Romæ inter plebem ac milites excitatam; in qua permultum sanguinis effusum erat, senior Pupienus imperator non oratione, non imperii majestate frænare potuit: Quamprimum autem infantulum Gordianum seditiosis ostendit, vim omnem, atque infensorum pectorum furias mitigavit. Ibid. (выше!). Nudata militum, ad ostendandas cicatrices, corpora, prolati ipsorum qui periclitabantur parentes squallidi, filii parvi mœrentes, uxores luctu confectæ; quarum rerum, (inquit Quintilianus) ingens plerunque vis est, in rem præsentem animos ducentium.

Tantum momenti ad movendos affectus in corporeis imaginibus ante oculis positis, situm est atque collocatum...

§ 101. Ср. Causs. Lib. VIII. Cap. IX.

De qualitate affectuum lenium et violentorum, et quo modo iis utendum...

Ср. Готш. IX. § 4. Redner in dem Gemüthe seiner Zuhörer Freude, Grauen, Lachen und Weinen, Gunst und Hass, Verachtung und Neid, Mitleiden und Scham, Reue und Zorn, Bewunderung, Hoffnung und Furcht zu erwecken weiss.

§ 102. Causs. 496. Lætitia motus est animi ex judicio præsentis jam boni. Nihil autem attinet, an ipsum sit verum, an opinione duntaxat deformatum... (Cursus laetitiæ et voluptatis...) Ubi res quæpiam, vehementer adamata in usum potestatemque nostram devenit, tum influit lætitia, motus quidem ille calidus, et plerunque vehemens, ut quo pulsantur viscera, cor dilatatur, existit risus, exultatio, hilarilas et gesticulatio. At si moderatior fuerit, vocatur hilaritas, quæ mentem serenat, sanguinem purgat, vultum grato florentique colore perfundit. Ubi ex lætitiæ motu tantisper resedit animus, sedatior jam factus, oriri solet delectatio, et voluptas, quæ est voluntatis in bono suavissimè conquiescentis tranquillitas.

§ 103. Gotsch, Cap. IX. § 11. Will man jemanden in Freude setzen, so zeige man ihm, dass ihm ein sehr grosses, oder doch ein vielfältiges Gut bescheret sey. Man überführe ihm von dem merklichen Nutzen, der ihm davon zuwachsen werde, und beschreibe denselben als ob er schon gegenwärtig wäre. Man zeige, dass sich unzählige eben das Gut, oder doch dergleichen gewünschet, und es doch nicht erlanget hätten; imgleichen dass er es viel eher und mit viel leichterer Mühe erlanget, als viele andere. Haben die Zuhörer durch ihre geschicklichkeit oder Verdienste was dazu beygetragen, das ihnen solch ein Gut zutheil geworden, so vergrössere man die Schwirigkeiten, dabey gewesen, die sie aber dennoch überwunden hätten. Ist es aber ein blosses Glück, oder die Gnade eines grossern Herrn, dass sie dergleichen erlanget; so sage man, sie wären doch vor andern eines solchen Glücks werth geachtet worden. Man beschreibe auch wohl den Neid, den sie über den Besitz eines so trefflichen Guts bey vielen bekommen würden.

§ 104. Causs. 497. Delectant philologi auditores suos exquisitis argumentis, novis, ingeniosis, doctis, inusitatis, utilibus, oratione culta, molli, facunda, vernanti, picta, variè figurata.

§ 105. Готш. IX. 11. Ein exempel davon giebt uns Cicero in seiner andern Catilinarischen Rede...

Causs. 497. At secunda Catilinaria triumphat et exultat, ut ait ipse, oratio.

См. у Дамаск. II. 340.

Tandem aliquando... forasque projecerit.

§ 106. Ср. Wolf. Psychol. § 114. Tristitia est prædominium insigne tœdii sive doloris. Oritur ideo ex mali præsentis opinione.

Готшедъ. IX. § 12. Die Traurigkeit ist ein heftiges Missvergnügen über das gegenwärtige Uebel, welches entweder sehr gross oder sehr vielfach ist. Sie entsteht also aus der Einbildung, dass man entweder ein grosses Gut verloren, oder selbst ein grosses Übel erlitten habe. Will man nun in den Gemüthern seiner Zuhörer die Traurigkeit erregen, so muss man ihnen die Grosse ihres Verlustes, oder des Ubels so sie betroffen, recht lebhaft abschildern. Man muss ihm zeigen, dass dieses Unglück längst zu besorgen gewesen, dass ein jeder schon zu voraus

gezittert habe, wenn er nur daron gedacht, itzo aber sey es wirklich erfolget. Er muss wünschen, dass er nicht devon reden dürfte, weit es gar zu betrübt sey auch nur daran zu gedenken. (Er muss um Vergebung bitten, dass er unordentlich und verwirrt davon sprechen werde).

Er muss endlich auf die besondern Zeiten und Oerter sehen, dadurch ein solches Fall noch trauriger wird; ja er mus ihn mit andern Fällen vergleichen und zeigen, dass dieser weit schwerer sey, als alle übrige.

Ein volkommen schönes Exempel giebt uns hier Fleschier in der Rede auf den Marschal von Turenne, daraus ich aber nur diese Stelle zur Probe geben will. (Все это по Готш. но значительно измѣнено).

„Es fehlt nicht viel, dass ich hier nicht stecken bleibe. Ich werde irre, meine „Herren. Turenne stirbt! Alles kommt in Unordrung; das Glücke wanket; der „Sieg wird müde; der Friede entfernt sich; die guten Absichten der Bundesge„nossen werden matt; die Herzhaftigkeit der Soldaten wird durch den Schmerz niedergeschlagen, und durch die Rachgier wieder ermuntert. Das ganze Lager bleibt unbeweglich. Die Verwundeten denken an den erlittenen Verlust, nicht aber auf ihre Wunden. Die sterbenden Väter schicken ihre Söhne den entseelten Feldherrn zu beweinen...

(У Гошт. слѣдуетъ еще 30 стр. изъ этой рѣчи).

§ 107. Прм. См. у Дамаск. II. 360.

Actum preclare... esse nec desertos.

§ 108. Ср. *Wolf.* Psychol. § 115. Amor est dispositio mentis ex alterius felicitate voluptatem percipiendi.

Готш. IX. § 7. Die Liebe ist zwar eine Bereitschaft aus dem Glücke eines andern ein Vergnügen zu schöpfen.

Causs. 484—5. Omnes affectus unius amoris complexu comprehensi, unius quoque amoris conversione moventur. Spes, metus, iracundiæ, voluptates, invidiæ, æmulationes, odia ipsa, quod mireris, ex amore proficiscuntur.

Ibid. 492. Fulmineus est hic affectus, sed blandè fulminat, et intimas auditorum mentes sensusque pervadit. Hanc unam si nactus est orator, Helepolin quandam nactusest, qua sine violentia, sine strepitu, sine ullo tumultu in animos possit invadere.

§ 109. Ср. Готш. IX. § 7. Will man die Liebe in seinen Zuhörern erregen, so beschreibe man ihnen alle das Gute, so an einer Person od. Sache befindlich ist, od. doch zu sey scheinet: Ihren guten Verstand, ihr redlsches Herz, ihre Tugenden u. s. w. (дальше иначе).

Causs. 491—2. Quindecim amoris causæ in specie, ex Aristotele.

1-ma est beneficentia vel benefica voluntas, amant enim omnes eos, qui beneficerunt.

2-da habere res communes, de iisque lætari, in iisdem periclitari.

3-a est justitia, amant enim justos et innocentes;

4-ta esse bonum et integra fama.

5-ta non adversari; amant eos, qui crimina minimè observant, qui non maledicunt, irascentibus non adversantur, aut si irati fuerint, facillimè conciliantur.

6-ta Studiose se gerere: amant eos... qui admirantur, qui favent, qui insigni benevelentia prosequuntur.

7-ma similitudo: amant quippe similes, et eadem profitentes, si non impediant, neque ex eodem sit vita.

8-ma familiaritas: amant enim apud quos sic se habent, ut non afficiantur metu, nec pudore;

9-na nimia reverentia;

10-ma æmulatio;

11-ma procuratio bonorum;

12-ma benevolentia fidelis;

13-a nulla fictio;

14-ta nullus metus: amant enim non metuendos.

15-ta fiducia.

Готш. IX. § 7. Zum exempel kann uns des Cicero Rede vor den Archias dienen, darin er die Römer zur Liebe gegen diesen Poëten bewegen will. Die Stellen fallen aber zu weitläufig, als dass ich sie hieher setzen könnte.

Прмѣр. см. Дамаск. II. 346.

Quoties ego hunc... laudem que celebrandam.

§ 110. Ср. Wolf. Psychol. § 116. Odium oritur cum in altero deprehendimus, quod nobis tœdium creat, consequenter quod malum reputamus.

Готш. IX. § 8. Das Gegentheil von der Liebe ist der Hass. Diese Leidenschaft entsteht aus dem vielen Misfälligen, so man an jemanden wahrgenommen zu haben meynet. Will man also den Hass erwecken, so zeige man seinen Zuhörern, was eine Sache od. Person vor Unvollkommenheiten an sich habe; wie böse od. schädlich, wie ungerecht, unbillig... ein solcher Mensch sey...

Прм. Causs. 506. De odio concitando in vitia et fictione imaginis.

Ex D. Chrysostomo Exemplum. „Etenim antea vos rogavi, ut Ioannis caput abscissum, adhuc calido cruore destillans, sumentes, sic domum quisque suam redeatis, et putetis ante oculos habere ipsum, vocem emittentem, et dicentem: odio habete jugulatorem meum Juramentum. (У Ломоносова нѣсколько иначе). Quod increpatio non fecit, hoc fecit juramentum; quod ira non potuit tyrannica, hoc perjurii necessitas effecit. Et quando nempe omnibus publicè audientibus arguebatur, increpationem generosè tulit tyrannus: cum vero se in juramentorum necessitatem adegit, tunc illum beatum caput abscidit. Hoc ipsum igitur et nunc peto et petere non desistam, ut quocunque abierimus, hoc gestantes caput abeamus, et omnibus clamans ostendamus, et juramenta condemnans. (Еще 7 стр. — Лом. оставилъ).

§ 111. Ср. Wolf. Psychol. 126. *Spes* est voluptas ex bono obtinendo percepta.

Causs. 500. Spes... motus plane blandissimus, cujus miseri suavitate deliniti recreantur, languentes excitantur, incalescunt frigidi, mortui penè reviviscunt.

Готш. IX. § 14. Hoffnung ist ein starkes Vergnügen über ein künftiges Gut. Wären also entweder gar keine, oder doch sehr geringe Schwirigkeiten mehr übrig. Diese würden sich in kurzem verlieren. Es stehe in der Gewalt der Zuhörer sie ehestens aus dem Wege zu räumen. Man kann auch zu desto mehrerer Bestätigung sich auf Exempel Andrer beruffen, die wohl noch schwächere Gründe zu hoffen gehabt, und doch ihres Wünsches theilhaftig geworden wären.

Прм. 1-й.Causs. 500. Corn. Tacit. in vita Agricolæ.

„Ne terreat vanus aspectus et auri fulgor, atque argenti, quod neque tangit, neque vulnerat, in ipsa hostium acie inveniemus nostras manus. Agnoscent Bri-

tanni suam causam, recordabuntur Galli priorem libertatem, deserent illos cæteri Germani, tanquam nuper Usipii reliquerunt. Nec quicquam ultra formidinis, vacua castella, senum coloniæ, inter malè parentes, et injustè imperantes ægra municipia et diseordantia, etc.

Прм. 2-й. Готш. IX. § 14.

So suchte Demosthenes in Seiner I. Philip. Rede den Atheniensern gleich im Eingange eine gute Hoffnung zu machen.

„Derowegen, ihr Athenienser, wenn ihr euch künflig eben so verhalten wollt...

Прм. 3-й. См. Дамаск. II. 426. Quanto præstaret... interfectores supersunt.

§ 112. Ср. Wolf. Psychol. § 127. Metus est tœdium ex malo imminente perceptum.

Готш. IX. § 13. Die Furcht... ist eine starke Unlust über ein bevorstehendes Uebel.

Causs. 501—502. Metus est animi concussio in expectatione mali.

Tria autem sunt genera, ut animadvertit Aristoteles, rerum metuendarum. Unum earum, quæ interimunt, ut fulmina, incendia, eluviones, ferarum impetus, hostium concursiones.

Alterum, earum, quæ magnam molestiam afferunt, ut amissiones parentum, conjugum, liberorum, fratrum, fortunarum, ignominia, carcer, exilium. Tertium, earum, quæ signa sunt rerum ejusmodi et certiùs indicant periculum. In quo etiam genere portenta et prodigia...

Neque verò satis est mala esse, ad deterrendum proposita; nisi enim ea proximum damnum minentur, non æquè facile commovere valent...

Industria concitandi timoris prima est, nosse quid quisque amet; hac enim pungendus est, quâ diligit, hîc vis acrior, hic sensus mollior est...

Juvat proxima pericula subjicere, et eorum, qui eadem in eodem negotio perpessi sunt, exempla percensere.

Готш. IX. 13. Man muss zeigen, das Uebel sey nunmehro vor der Thür. Es ist unmöglich ihm zu entgehen, и т. д.

Predigt des Herrn Abts Mosheim, darinn er eine Betrachtung des Todes angestellt hat... Прим. у Готш. и Лом. изъ того же Мозгейма, но различныя мѣста: Готш. выбралъ описаніе лежащаго покойника, съ изсохшимъ тѣломъ, блѣднымъ лицемъ и окоченѣвшими членами; вокругъ его плачущіе друзья, — докторъ пожимаетъ плечами, пасторъ идетъ съ проповѣдью и т. д. Ломон. предпочелъ описаніе послѣднихъ минутъ жизни умирающаго: онъ разсуждаетъ о приближающейся кончинѣ, какъ онъ оставитъ свой домъ и дѣтей, станетъ предметомъ страха и т. д. Ломон. болѣе сообразовалъ примѣръ съ предложенными правилами возбужденія страха.

§ 113. Wolf. Psychol. § 132. Ira est tœdium insigne, ortum ex injuria vel nobis, vel aliis illata, conjunctum cum odio ejus, qui eam intulit. Intenditur, si cum eadem pudor, poenitentia, terror, metus, desperatio pro natis circumstantiis jungatur.

Готш. IX, § 9. Will ich also den Zorn meiner Zuhörer gegen jemanden erwecken, so muss ich ihnen zeigen, wie sehr sie von demselben beleidiget worden. Dazu ist nun dienlich, dass man theils darthue, wie wenig sie solches an ihm verdienet, indem sie ihm war niemals zuwieder gethan, wohl aber viel gutes gegönnet und erwiesen. Theils aber wie böshaft und muthwillig er solche

Beleidigung unternommen. Man muss ferner zeigen, dass solches seyn erstes nicht sey, od wenn es ja sein erstes wäre, so hätte es ihm bisher nur an Gelegenheit dazu gefehlet. Ja es läge an ihm nicht, dass er es nicht noch viel ärger gemacht hätte, sondern nur an den Umständen und an seinem Unvermögen. Man kann hinzusetzen, seine Beleidigung sey mit einer Verachtung der Beleidigten verbunden, indem er sie nicht vor fähig hielte, sich ihm zu rächen. Er hatte so und so davon gesprochen, und wohl gar Spöttereyen und Drohungen hinzugesetzt. Ferner kann man sagen, dass die Unempfindlichkeit gegen einem so frechen Feind ihn nur noch trötziger machen, und dem Beleidigten noch viel mehrern Schaden zuziehen wurde.

Ср. Causs. 510—512. Vehementius irritantur qui præter expectationem offenduntur, maxime ab iis, quos sibi benevolos et amicos fore existimabant. (Ломон. § 113,8). etc.

Прм. 1-й. Готш. IX, 9. Zum Exempel kann hier des Demosthenes I Philippische Rede dienen, darin er den König in Macedonien verhasst zu machen suchet.

«Ihr sehts ja wohl wie es steht, ihr Alhemienser, und wie verwegen der Mensch schon geworden ist. Er läszt euch ja nicht mehr die Freyheit, ob ihr Krieg od. Frieden haben wollet; sondern er drohet euch, und bedienet sich dabey der hochmüthigsten Ausdrückungen. Er ist damit nich zufrieden, was er schon hat, sondern unternimmt immer grössere Dinge, und verstricket euch rings umher in eurer Trägheit und Langsamkeit». Ломон. переводилъ съ Нѣмец., а не съ подлинника:

Ὁρᾶτε γὰρ, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τὸ πρᾶγμα. οἱ προελήλυθεν ἀσελγείας ἄνθρωπος, ὅς οὐδ' αἵρεσιν ὑμὶν δίδωσι τῆ πράττειν, ἢ ἄγειν ἡσυχίαν, ἀλλ' ἀπειλεῖ, καὶ λόγυς ὑπερηφάνυς, ὥς φασι λέγει, καὶ οὐχ οἷος τε ἐστὶν ἔχων ἃ κατέστραπται, μένειν ἐπι τούτων, ἀλλ' αἰεὶ τὶ προσπεριβάλλεται καὶ κύκλῳ πανταχῆ μέλλοντας ὑμᾶς καὶ καθημένυς περιστοιχίζεται.

Прм. 2-й. См. у Дамаск. II, 426. «Nos peccavimus.... pœnas solventem».

§ 114. Ср. Wolf. Psychol. § 119. Misericordia est tœdium sive dolor ob infelicitatem alterius: cujus adeo mater amor est.

Готш. IX, § 10. Dem Zorne ist das Mitleiden entgegengesetzt, und dieses ist eine heftige Unlust über das Elend eines Menschen, den wir eines bessern Glückes würdig achten. Selbiges entsteht aber aus der Gunst od. Liebe desjenigen, dessen Noth und Leiden uns bekant wird. Wollen wir also das Mitleiden erregen, so müssen wir erstlich machen, dass die Zühörer dem Notheilenden... gewogen und zugethan werden, od. ihn gar lieben mögen.... Hernach muss man seinen elenden Zustand auf das kläglichste beschreiben; seine Noth mit lebendigen Farben abmalen.... Man muss hinzusetzen, dass er dieses alles unschuldig leide, dass er zum wenigsten ein so grosses Unglück nicht verdienet habe, dass nicht allein er, sodern auch die Seinigen, Freunde, Geschwister, Weib und Kind dabey leiden müsten; dass nun ein jeder Zuhörer selbst sich vorstellen möchte, wie es ihm zu muthe seyn würde, wenn er sich in dergleichen Umständen befinden sollte.... Und was noch sonst die besondern Umstände an die Hand geben können.

Das Schönste Exempel giebt des Cicero Rede für den Ligarius an die Hand:

Примѣръ 1-й. *Перев. съ Латин.,* хотя Лом. очевидно заглядывалъ и имѣлъ въ виду *Нѣмец. переводъ у Готшеда,* потому онъ перевелъ:

Agrum Sabinum — Саб. *уѣздъ* (Gebieth).

Sabinos, tibi probatissimos — которымъ ты столь много вѣришь (denen du so viel zutrauest). Но что при переводѣ былъ и Латинскій оригиналъ, видно изъ примѣра:

Den *Kern* von Italien und den *rechten Arm* der Republic — цвѣтъ Италіи и крѣпость республики — (*florem* Italiæ ac *robur* Reipcæ).

См. Дамаск. II, 372. In Q. Ligario conservando.... condonaveris.

Прм. 2-й. Causs. 536. Extat apud Homerum grande et luculentum delinitionis exemplum in eo libro, qui inscribitur λιταὶ....

Ulysses, accepto poculo, sic Achyllem salutat:

χαῖρ', Ἀχιλεῦ, и т. д.

См. у Дамаск. II, 428—430. Впрочемъ переводъ очень далекъ отъ Греч. подлинника: едва ли онъ *непосредственный*.

§ 115. Готш. IX, § 16. Die Ehrliebe ist ein heftiges Vergnügen, über die guten Urtheile der Leute über unsere Verhalten. Sie entsteht, wenn man jemanden die Ehre, als was besonderes und herrliches vormalet, hernach aber zeiget, dass er dieselbe schon erlanget habe.... Will man sie nun in seinen Zuhörern erwecken, so thut man wohl, wenn mann sie erst durch einiges Lob ihres bisherigen Aufführung zu gewinnen trachtet. Man muss sie auch wohl gar andern ihres gleichen in gewissen Stücken vorziehen, ihre Thäten erzählen, und durch Benennung der Zeit, des Ortes und der Umstände etwas vergrössern. Hernach kann man hinzu setzen, dass die Ehre die Schönste Belohnung edler Gemüther sey; dass alle grosse Leute die Ehre und den Ruhm geliebet; dass ohne diese lobwürdige Leidenschaft das meiste gute in der Welt nicht geschehen würde. Dass hergegen nichts so schwer, nichts so gross und wichtig sey, dass ein Ehrliebender nicht glücklich zu stande bringen könne....

Cicer. pro Archia Poeta. № 12. (изъ Cicer). *Это примѣръ положительно переведенъ не съ Латин., а съ Нѣмец.*

См. у Дамаск. II, 348. Quas res nos... et positam. Ср. Готш. IX, 16:

«Denn was ich in meinem Burgermeisteramte (это Лом. посмотрѣлъ), sogleich mit euch, zur Wohlfahrt dieser Stadt und des Regiments (вм. Imperii!), zur Erhaltung der Bürger und zum besten der ganzen Republik gethan, dass hat dieser Archias in Versen zu beschreiben angefangen (attigit hic versibus atque inchoavit). So bald ich das vernahm, ermahnte ich ihn fortzufahren, weil es mir eine wichtige und angenehme Sache zu seyn schien. Die Tugend verlanget nähmlich keine andere Belohnung, als Lob und Ehre. Sobald daher dieses wegfällt, ihr Richter, was verlohnt sich's wohl der Mühe, das wir uns in diesem kurzem Leben so sauer werden lassen? In Wahrheit, wenn wir nichts kunftiges vorher sehen könnten, und wenn das Ende unsers Lebens allen unsern Gedanken ein Ziel steckte: so würde man sich weder mit so vieler Arbeit schwächen, noch mit so vielen Sorgen und schlaflosen Nächten quälen, noch so oft in Lebensgefahr wagen. Nun aber stecket in jedem edlen Gemuthe (in optimo quoque) eine geheime Kraft (quædam virtus), die das Herz Tag und Nacht durch den Sporn der Ehre aufmuntert, und Ihm die Erinnerung bietet: man müsse das Andenken seines Namens nicht mit dem Leben aufhöreu lassen, sondern selbiges bis auf die spätesten Nachkommen fortpflanzen.

Sind wir denn aber alle so verzagt und kleinmuthig? Wir, sage ich, die

Wir des gemeinen Wesens halber in so vieler Arbeit und Gefahr schweben, dass, da wir bis an unsern letzten Othem keinen ruhigen Augenblick genissen, wir dennoch davor halten sollten, es würde im Tode alles mit uns seyn? oder da viele trefflicbe Leute ihre Seulen und Bilder, so doch nur den Leib und nicht die Seele abschildern, aufs sorgfältigste hinterlassen haben: sollten wir denn nicht vielmehr sterben, auch von unsrer Klugheit und Tugend solche Abbildungen zu hinterlässen, die von geschikten Köpfen entworfen und ausgearbeitet worden?

§ 116. Готш. IX. § 15. Die Schamhaftigkeit ist eine merkliche Unlust über das Böse, so man an sich hat, oder begangen hat, wenn es bekannt und offenbar wird. Sie entsteht also aus der Betrachtung seiner Unvollkommenheiten und bösen Aufführung, zumal wenn man bedenkt, dass sie auch Andern kund geworden, oder doch werden möchte. Will daher ein Redner dieselbe in seinen Zuhörern erwecken, so stelle er ihnen alles das vor Augen, was sie Böses an sich haben. Man vergleiche es mit andern, die ihres gleichen, ja wohl noch schlechter, als sie, seyn sollten, und zeihe, dass ihnen selbige weit vorgehen. Man stelle ihnen ihre Vorfahren, Eltern und andern dergleichen Personen vor, von deren Fusstapfen sie weit abgewichen, und nehme alle übrige Umstände zusammen, die das üble Verhalten grösser machen können. Ferner gebe man es den Zuhörern selbst zu bedenken, was andere, die solches gewahr würden, von ihnen denken und urtheilen würden. Man zeige, dass es unmöglich sey dergleichen Urtheile zu vermeiden, indem die Sache ganz offenbar und handgreiflich sey. Sie könnten es weder leugnen, noch auf einige Weise entschuldigen. Ja gesetzt, dass es niemand wüsste, so könnte es ein jeder vor sich selbst nicht verhelen oder verantworten. Ein jeder müsste sich wenigstens vor seinem eigenem Gewissen schämen, ja derjenige wüsste es, der auch ihre Herzen kennete. Sonst aber kann die Schamhaftigkeit auch wachsen, wenn man zeiget, dass das Böse nicht wenigen, geringen und unverständigen Leuten, sondern vielen, den vornehmsten uud verständigsten bekannt sey; — Leuten an deren Urtheile den Zuhörern überaus viel gelegen sey.

Прим. (у Готшеда изъ рѣчей Мозгейма, а у Ломон. изъ Виргилія). См. у Дамаск. II 432. Non pudet.... cedite ferro.

§ 117. *Прим.* См. Дамаск. II 432. Turne e tot.... quaeritur heres.

§ 118. *Прим.* у Дамаск. II 352. Neque me divitiae.... potuisse superari.

§ 119. Ср. Wolf Psychol. § 121. Poenitentia est tristitia ob malum, quod petravimus. ср. Готш. t. X. § 17:

Die Reue ist ein hoher Grad der Betrübniss über eine oder mehrere Handlungen, die man begangen hat, und vor böse erkennet. Sie entsteht also aus der Ueberlegung seiner bisherigen Handludgen und aus der Beurtheilung derselben, die man vor böse, schandlich oder schadlich erkläret. Um nun dieselbe in seinen Zuhörern zu erregen, so muss man sie auf ihr voriges Verhalten aufmerksam machen. Man muss sie aller dessen Stückweise erinnern, worin sie irgend was versehen haben möchten.... Die Sache sey gar nicht zu leugnen, sondern offenbar und bekannt. Er wäre der erste, der eine solche Bösheit oder Uebelthat begehen das Herz gehabt, oder er hätte es doch weiter darin gebracht, als alle seine Vorgänger. Von seiner Person hätte man es am allerwenigsten vermuthet, dass er sich so vergehen würde, da ihm sein Geschlecht,

Stand, Amt, Ansehen u. s. w. davon hätten abhalten können. Es sey aber auch die That für niemanden schädlicher, als für ihn selbst. Er habe sich dadurch zum Abscheu bey allen rechtschaffenen Leuten gemacht. Er habe sich Feinde zugezogen, die ihm zu mächtig wären. Sie würden es aufs empfindlichste fühlen lassen, wie sehr er sie beleidigt hätte. Ja die andern Volgerungen und Früchte seiner Thaten würden ihn ehestens auch treffen. — Man wollte viel darum geben, dass es nicht geschehen wäre.

Прим. см. у Дамаск. II. 336—338. Etenim quid est — non sinam. (У Готш. Нѣмецкій переводъ, но Ломон. очевидно переводитъ съ подлинника).

§ 120, Готш. X. 19. Auslachenswürdige ist eine gewisse unschadliche Ungereimheit eines Dinges, oder die doch nicht zu dem gänzlichen Untergange desselben gereichet. Ломон. мысли Готш. только разставилъ иначе, и приложилъ примѣръ, котораго у Готш. здѣсь нѣтъ. § 18:

Das Lachen. — Quintilian schreibt: *Pleriqie Demostheni facultatem hujus rei defuisse credunt; Ciceroni — modum.*

Als *Cicero in der Rede vor den Murena* (прим.—см. у Дамаск. II. 368—369 Et quoniam) die Rechtsgelehrten so lächerlich gemacht, und die stoische Philosophie verspottet hatte, soll *Cato* gesagt haben: «Bone Deus, quam ridiculum habemus consulem!» Allein da des Cicero sein scherzhaftes Wesen allezeit von der Niederträchtigkeit entfernt, und mit einem gewissen Wohlanständigkeit verknüpfet gewesen, so halte ich mit dem Quintilian davor, dass man ihn desswegen nicht zu tadeln Ursache habe. In vielen Fällen kann ein Redner mit den ernsthaftesten Vorstellungen so viel nicht ausrichten, als mit einem lustigen Einfalle! Denn wie der Poet sagt: Ridiculum acri fortius et melius magnas plerumque secat res. (Horat,)

§ 121. Caus. 539–540. *Lacrimae auditorum* nominantu *rlaudes oratoris.* Non est igitur minimi ingenii, nec industriae, hos motus apposite concitare. Quae miserationes concitare solent — ab adjunctis vel personarum, vel locorum, vel temporum, vel finis, vel modi.

§ 122. *Прим.* есть у Каусс. 522. См. у Дамаск. II 356. Caedebatur virgis... nostrae civitatis etc. 2-й Прим. ср. у Causs. 547. Homerus Hectorem mortuum deplorat.

§ 123. Готш. IX § 20. Wie die Affecten gedämpft werden können und müssen. I. Da ein jeder Affekt einen Gegner hat, der ihm zuwieder ist, so darf man nur seinen Gegentheil rege machen, den ersten zu dämpfen. Dergestalt kann die Liebe durch den Hass, die Traurigkeit durch die Freude, und umgekehrt, diese letztern durch die ersteren gedämpft werden.

II. Stelle man sich einen jeden Affect in Form eines Vernunftschlusses vor, und suche alsdann entweder einen, oder gar beyde Fördersätze derselben zu wiederlegen. Z. B. Wer sich freuet, der schliesset so: «*Wer dieses oder jenes Dinges theilhaftig worden, der hat ein grosses Gut erlanget, und hat also Ursache sich zu freuen. Nur ist mir dergleichen Sache zu theil worden, folglich habe ich ein grosses Gut erlanget etc.* Hier muss man also bemüht seyn, demselben entweder zu zeigen, dass dergleichen Sache entweder gar kein Gut, od. doch so grosses Gut sey, als er denkt; od. dass selbige, wenn sie ja gut wäre, doch ihm noch nicht zu theile geworden; od. doch noch sehr ungewiss sey. Und so mit den übrigen.

§ 125. Прм. Causs. 493—494. D. Ambr. I, de obitu Satyri fratris. Ego te frater haeredem feceram.... aut meam vitam in te transfunderem.... (Съ этого параграфа я не привожу всѣхъ выписокъ изъ Кауссина, для сбереженія мѣста, отмѣчая лишь страницы и приводя начало и конецъ болѣе обширныхъ изъ относящихся текстовъ).

Прм. 2-й. Дамаск. II, 450. Sator deorum.... fuit tibi fulminandum.

Прм. 3-й. Causs. 495. Calphurnius.

Te sine, vae misero mihi, lilia nigra videntur,
Nec sapiunt fontes, et acescunt vina bibenti:
At tu si venias, et candida lilia fient,
Et sapient fontes, et dulcia vina bibentur.

§ 126. Прм. 1. См. выше § 105.

Прм. 2-й. См. Дамаск. II, 442. Utque erat impatiens.... confertur Ulysses.

§ 127. Ср. Causs. 479. De mixtura affectuum.

Прм. у Дамаск. II, 432—436. Et jam prima novo.... cum sanguine fundo.

Прм. 2-й. изъ Causs. 479—480. См. и у Дамаск. 450—452. Incumbe in iras... qua dicis sequar.

§ 128. Это самаго Лом-ва.

§ 129. Прм. Seneca. Epist. CXIII. Alexander.... victor tot regum atque populorum, iræ tristitiæque suæ succubuit. Id enim egerat, ut omnia potius haberet in potestate, quam affectus.

§ 130. Вѣр. самаго Л-ва, особ. конецъ.

§ 131. Тоже Л-ва?

§ 132. Прм. Ср. въ Metamorph. XV, 96—101.

At vetus illa actas, cui fecimus aurea nomen...
Fortunata fuit...
Tunc et aves tutae movere per aëra pennas,
Et lepus impavidus mediis erravit in herbis,
Nec sua crudelitas piscem suspenderat hamo.

Прм. 3-й. (у Марціала мы не нашли подобнаго).

§ 133. Правила и примѣры Л-ва?

Прм. 6-й. У Марціала не найдено.

§ 134. 6) Ovid. Metamorph. III, ст. 52.

Tegimen derepta leoni
Pellis erat: telum splendenti lancea ferro,
Et jaculum; teloque animus praestantior omni.

§ 136. a) См. ода II, 1742, 1 стрф. Смирд. I, 45.

b) Отрывокъ изъ какого-то Харенч. любовнаго стихотвореньица — оригинальнаго?

5) a) Ср. ода изъ Іова. (Смирд. I, 27).

(Левіаѳанъ). Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.

b) Seneca. Epist. ad Lucilium. CXIX, изд. Швейгейзера, стр. 196.

Post Darium et Indos pauper est Alexander Macedo: mentior; quærit, quod suum faciat, scrutatur maria ignota, in oceanum classes mittit novas, et ipsa ut ita dicam mundi claustra perrumpit. Quod naturæ satis est, homini non est! Inventus est, qui concupisceret aliquid post omnia.

c) См. у Дамаск. 446. Hei mihi... omnibus, ortes?

7) b) См. у Дамаск. II, 426. Deinde si.... es bellum.

§ 137. 1) a) (Ср. § 90).

b) См. ода IV, 1743 г. 5-я стрф. Смрд. I, 67.

2) a) См. у Дамаск. II, 452. Ilium vobis.... membra raperet.

b) ibid. O nāte, sero... cito.

3) (въ изд. Дамаск. II, 15). Смрд. I, 547. Ср. *Письмо о Прав. Рос. стихотв.* (1739 г.).

Весна тепло ведіôтъ,
Пріятной запахъ вѣетъ,
Всю землю солнце грѣетъ;
Въ моемъ лишь сердцѣ лiôдъ,
Грусть прочь забавы льôтъ.

§ 138. a) Seneca Troades. Act. III, Сцен. 1, ст. 514—515.

Fata si miseros juvant:
Habes salutem; fata si vitam negant:
Habes sepulcrum.

b) Ovid. Metam. III, 228. Ille fugit, per quæ fuerat loca sæpe secutus.

3) a) Paterculi Historiæ. Lib. II, Cap. LIII, § 3. In tantum in illo viro in se discordante fortuna, ut cui modo ad victoriam terra defuerat, deesset ad sepulturam.

b) Ср. § 58. 2-й прм. (въ толь малинькомъ горлышкѣ толикое напряженіе и сила голоса).

§ 139. b) См. у Дамаск. II, 446. Inque brevi spatio.... origine nati.

§ 140. 2) Самаго Л-ва?

3) Марціал. Epigramm. Lib. V, Epigr. LXXIV.

Non donem tibi cur meor libellos,
Oranti toties et exigenti,
Miraris, Theodore? magna causa est,
Dones tu mihi ne suos libellos.

§ 141. 3) изъ Марціала. Epigr. Lib. VI, Ep. XV.

Dum Phaëtontea formica vagatur in umbra,
Implicuit tenuem succina gutta feram;
Sic modo quæ fuerat vita contempta manente,
Funeribus facta est nunc pretiosa suis.

§ 142. Virg. Aen. VII, 318.

Sanguine Trajano et Rutulo dotabere, virgo,
Et Bellona manet te pro nuba.

§ 143. 2) Ср. Крыловъ, Безбожники.

§ 144. a) См. у Дамаск. II, 356. Tu quos servos... Romanis reservares.

b) См. ibid 440. Uxorem quare... virque pares.

§ 145. b) См. у Дамаск. II, 440—441. Profecit poto... perire fame.

§ 146—147. Это самаго Л-ва.

§ 152. Прм. См. у Дамаск. 428. ἦως μὲν κροκόπεπλος..... σταλκέος οὐδὸς. Переводъ очень близкій, вѣр. съ Греч.

§ 153. Прм. 1. Causs. 636. Si qua præstantissimæ urbis imago in cœlo esset collocanda, velut Ariadnæ ajunt coronam, aliaque tum fluviorum tum animalium

Diis dilèctorum simulacra, Smyrnam equidem existimarem præ cæteris eo honore dignam fore.

Прм. 2-й. См. ода II, 42 стрф. (1742 г.) Текстъ Ритор. очень различенъ отъ текста изданій!

§ 154. Л-ва.

§ 155. Прм. см. у Дамаск. II, 436. Servatum ex undis.... Ora fame.

§ 156. Прм. 1) см. у Дамаск. II, 442—444. Emittit que notum.... ab aethere nimbi.

2) ibid. 444. Protinus invidiæ.

3) Изъ VI оды (1746 г.) 2 стрф. (Смрд. I 78). Ср. § 218 — два раза!

§ 158. Прм. 1) См. у Дамаск. II, 436. Vix ea fatus erat.... ardua tinxit. См. этотъ же примѣръ, только значительно измѣненный, «исправленный» — въ письмѣ Л-ва къ Шувалову, (ок. 1760 г.) Смрд. I, 685.

3) изъ IV оды, (1746 г.) 10 строфа. Смрд. I, 81.

§ 159. Прм. См. у Дамаск. 436—438. Extemplo Lybiæ.... subrigit aures.

§ 160. Прм. Дамаск. II, 446—448. Vix prece finita.... cortice pectus.

§ 161. Прм. 1) см. III ода (1742 г.) 11. Смрд. I, 64.

2) См. у. Дамаск. II, 452. Repelle Avernum.... Danai Hectorem?

3) Ода VII, (1746 г.) 3. Смрд. I, 86.

§ 162. Прм. 2) См. у Дамаск. 374. Nonne vobis haec.... in caede Glaucia?

§ 163. 1) См. у Дамаск. 356. Si quis rex.... impunitamque dimittere.

2) ibid. 358. Si haec apud Scythas.... hominum permoverem.

3) (Curt. VII, 12). См. у Causs. 887. Si Dii.... fulgor conderetur.

4) Ода VI, (1746 г.) 9. Смрд. I, 81.

5) ibid. 12 стрф. Смрд. 82.

6) Ода I, (1739 г.) 1-я стрф. Смрд. I, 35.

7) ibid. 2-я строфа.

8) Ода VI, (1746 г.) 11. Смрд. I.

§ 164. Ср. Causs. 359. De elocutione.

§ 165. Ср. Causs. 360. Prima pars Elocutionis—*Elegantia.* Ср. Causs. 361. Nam puri dilucidi que.... syllabas aucupabere.

§ 166. ср. Pomey 160—161.

Numerus periodi consistit in eo, ut verba omnia ita inter se apta implexaque sint, ut quendam quasi conceptum efficiant.... Numerus iste pendet a certa quadam syllabarum quantitate, et ideonea vocum collocatione ac structura, commodaque verborum ac sententiarum dispositione.... Ср. Causs. 371. Numerus est intervallorum longorum et brevium varitas.

§ 167. Ср. Pomey. 269. Splendor et Elegantia orationis consistit in usu figurarum. Ibid. 177. Tropus est verborum tsanslatorum usurpatio. Quoties vox aliqua a propria significatione in alienam convertitur et trasfertur, *Tropus* dicitur.

§ 169. Ср. Pomey. 175—176. Motus animorum excitandi sunt... non tam verborum, quam sententiarum habenda est ratio. *Figura* est conformatio quaedam sermonis elegantior, remota a communi sensu, et loquendi consuetudine. Figurae aliae dicuntur *figurae verborum*, aliae *sententiarum.*

Прим. 1) Ода II. (1742). 8. Смрд. I, 47—48. Прим. 2) См. у Дамаск. 336.

§ 170. Ср. Causs. 376. Vitia contra compositionem... 1-um concursus et hia-

tus vocalium, quae vastam et incomptam orationem reddunt; 2-um Ejusdem litterae nimia assiduitas... 3-um ejusdem verbi nimia assiduitas..

§ 171. Ломоносова.

§ 172. Ломоносова?

§ 173. Ломоносова?

§ 174. Ср. Causs. 371. Cavendum, ne oratio multis brevibus exiliat, neve longorum continuatione languescat, ne continuentur ii pedes, ex quibus afficiuntur triti vulgatique versus.

§ 175. Ср. Causs. Primum.... 2. 3. 4. 5-um (trajectio verborum, et transpositio inconcinna).

§ 176. Ср. Caus. 376. Ordo et collocatio verborum hoc exigit, ut in simplicibus leviori postponatur gravius, cum oratio amplificatur, cum imminuitur, gravioribus leviora succedunt.

§ 177. Ср. Causs. 361.

§ 180. Ломоносова.

§ 181. Pomey. 177. *Tropi in uno verbo* sunt (septem): Methaphora, Synecdoche, Metonimia, Antonomasia, (Onomatopoëia), Catochresis, Metalepsis.

§ 182. Ср. ibid. *Metaphora* est translatio verbi ab uno cui proprium est, ad iliud cui non est proprium. Ср. Causs. 401. Met. est ad unum verbum contracta similitudo. Ср. ibid. 414—415. Optimae sunt illae, quae tribuunt sensum rebus inanimis... Omnia sunt penè metaphorica, et nos latent, mera vox, acutum ingenium etc.

§ 184. Ср. Pomey. 177. Synecdoche est 1) cum pars pro toto ponitur, 2) cum totum pro parte; 3) cum sumitur materia pro ipsa re, quae ex illa fit; 4) cum antecedentia qro consequentibus usurpantur.

5) ср. Causs. 407. *Plethynticon* ubi usurpatur numerus pluralis pro singulari.

§ 185. Ср. Pomey. 178. *Metonymia* seu Transformatio, cum pro effectu causa; aut contra pro causa effectus ponitur. Ср. Causs. 402. *Meton.* — nominis pro nomine positio, adinventor pro re inventa, possessa pro possessoribus, et contra contenta pro continentibus, effecta pro efficientibus referuntur.

§ 186. Ср. Pomey. 178. *Antonomasia* seu pronominatio, cum aliquid pro verae rei significatae nomina sumitur, ut Eversor Carthaginis pro Scipione.

Ср Causs. 382—415. (не такъ).

§ 187. Ср. Pomey. 178. *Catachresis,* seu abusio, cum scilicet abutimur significatione alicujus rei ad aliam significandam.

Ср. Causs. 379. *Acyron.* Improprium, ut sperare pro timere. (Terent). Nam quod tu speras, propulsabo facile.

§ 188. Pomey. 178. *Metalepsis* cum aliquod dictio aliud à propria sua significatione ex iis quae antecesserunt, significat, ut:

Post aliquot mea regna videns,
Mirabor aristas.

(Id est: post aliquot annos).

§ 189. Ср. Pomey. 178. Tropi, qui in plurimis verbis versantur: Allegoria, Paraphrasis, Hyperbato, Hyperbole....

§ 190. ibid. 178. *Allegoria* cum aliud verbis, aliud sensu ostenditur....

ib. 186. *Alleg.* nihil aliud est, quam multiplicata, et continuata *translatio.*

Ирм. *Neque tam fui timidus.* (См. у Дамаск. II, 360).

§ 192. Прм. 1) Virg. Bucolica. Eleg. III, ст. 104.

Dic quibus in terris, et eris mihi magnus Apollo,
Tres pateat cœli spatium non amplius ulnas.

2) Меня родила. Ср. О пользѣ стекла:

(Стекла и огнь не можетъ разрушить,
Стекло имъ рождено; оно его родитель).

§ 193. Ср. Causs. 413. Non solum in rebus humanis, sed et in verbis contingere solet, ut summa voluptas fastidio sit vicina: et pulcherrima quaeque si fuerint communiora, satietate impleant animos potiùs, quam delectent....

Causs. 428. *Allegoria* ad terrorem incutiendum est aptissima, adyto aut nocti simillima, nescio quid habet horroris; quia quae minus videntur, magis timentur.

§ 194. Pomey. 179. *Paraphrasis,* seu circumlocutio, cum id plurimis verbis explicatur, quod paucioribus dici poterat.

§ 195. Ср. Causs. 390. *Emphasis.* Altiorem praebens intellectum, quàm quem verba per se ipsa declarant.

Прм. 1) ода III, (1742 г.) 6. Смрд. I, 62.

2) a. Virg. Bucol. Ecl. V, 56.

Candidus insuetum miratur limen Olympi
Sub pedibus videt nubes et sidera Daphnis.

3) a. Virg. Aeneid. VI, 417.

Cerberus haec ingens latratu regna trifauci
Personat, *adverso recubans immanis in antro.*

b. Aeneid. II, 262. Demissum lapsi per funem.

4) Virg. Bucolica. Ecl. IV, 41. Robustus quoque jam tauris juga solvet arator.

5) Ecl. VI, 62.

Tum Phaëtontiadas musco circumdat amarae
Corticis, atque solo proceras erigit alnos.

§ 196. Pomey. 179. *Hyperbole* seu superlatio, aut Excessus est, cum sententia aliqua fidem excedit, augendae rei gratiâ: anteire cursibus auras.

Ср. Causs. 398. Прм. 1) См. Ода III, (1742 г.) 9. Смрд. I, 63.

§ 198. Прм. 1) Cicero. Post Reditum.

2) Demetr. Phal. de Elocut. CLXVIII.

ἔστι δὲ τις ἰδίως χάρις Σαπφική ἐκ μεταβολῆς, ὅταν τι εἰποῦσα μεταβάλληται καὶ ὥσπερ μετανοήσῃ. Ὕψι δὲ, φησὶ, τὸ μέλαθρον ἀέρρετε τέκτονες ἄνδρες, γάμβρος ἐσέρχεται ἶσος Ἄρῃ, μεγάλῳ πόλυ μείζων πέρροχος.

Ср. Causs. 428. *Correctio* una est mordax.... alia levior per addubitationem et moderationem.

§ 199. Pomey. 213. *Ironia,* cum aliud planè dicimus, quam verba significare videntur.

Прм. 1) См. у Дамаск. II, 342. Homo videlicet timidus.

2) Cicero. Contra Anton. II. cap. § 7. Gratae vero nostrae diis immortalibus gratulationes erunt, gratae victimae, cum interfecta sit civium multitudo.

3) Ювеналъ. XV Sat. 10 ст.

O sanctas gentes, quibus haec nascuntur in hortis
Numina...

§ 201. 1) Ср. Causs. (411) 427. Ironia... tertia amarulenta, quae dicitur *Sarcasmos,* ridet et pungit, ut Vespa.

2) ib. 386. *Charientismus* sive *Scomma.* Hac figura fit festiva dictio, cum amoenitate mordax, ut apud Ciceronem (infirmo corpore, atque aegro, colore, ut ipse judicare, etc.): «facite enim, ut vultum ipsius, et illam usque ad talos demissam purpuram cogitetis.

3) ib. 385. *Asteismus — urbana dictio....*

§ 202. Ср. Pomey. 180—183. *Figurae verborum:* Repetitio, Conversio, Complexio, Conduplicatio, Traductio, Gradatio, Synonimia, Polysyntheton, Adjunctio...

§ 203. Ср. Pomey. 180. 1) *Repetitio,* cum ab eadem voce periodi membra inchoantur. 3) *Conversio* — cum ab eodem verbo finiuntur Periodi membra. — *Complexio,* cum oratio eodem verbo inchoatur et disinit.

Прм. 1. a) см. у Дам. II. 382. De sacris publicis.

b) Одо II. (1842) 1, Смрд. I. 45. Ср, § 136. Тотъ же примѣръ, 2 раза. 2) Ода I. (1839) 11. Смрд. I. 48. Ср. § 68. (два раза).

3) см. Дам. II. 362. Doletis tres exercitus.

4) ср. Causs. 387. *Coenotes,* cum ab uno verbo omnes sententiae incipiunt, et in uno novissimè acquiescunt.

Прм. см. Cicero. Contra Rullum. Or. II. 9 гл. 22 §.

Quis legem tulit? Rullus. Quis majorem partem populi suffragiis privavit? Rullus. Quis comitiis praefuit? Rullus.

§ 204. Ср. Pomey. 181. *Conduplicatio,* cum idem verbum vel initio, vel in ipso decursu geminatur, affectus exprimendi gratiâ

Ср. Caus. 380. *Anadiplosis.* Reduplicatio... hic ea, quae in superiore membro postrema ponuntur, in posteriore prima repetuntur.

Me, me, adsum qui feci in me convertite ferrum,
O Rutuli (Jul. Ruf.)

2) Ср. Pomey. 181. Vivis, et vivis non ad deponendam, sed ad confirmandam audaciam (Cicero).

§ 205. Pomey. 182. *Synonimia* est coaceruatio multorum verborum, eandem significationem habentium. Abiit, excessit, erupit, evasit. Illum redire non sinam, non feram, non patiar.

§ 206. Causs. 386. *Climax* vel *Ascensus,* est figura, in qua postremum quodque verbum in priore membro, aut parte aliqua elocutionis positum, in inferiorem rursus assumptum injicitur: atque ita, velut gradibus quibusdam, connectitur oratio.

Прм. 1) см. Дам. II. 374. In urbe luxuries.

2) Lactantius. Lib. VII. C. VI. Idcirco mundus factus est, ut nascamur, idcirco nascamur, ut agnoscamus jactorem mundi, ac nostri Deum; Ideo agnoscimus, ut colamus; Ideo colimus, ut immortalitatem pro labore mercede capiamus.

3) Виргилій. Eclog. II. 63. См. у *Causs.* 387. Но у Каусс. нѣтъ указанія, что это изъ Вирг. Лом. самъ отыскалъ.

Torva leaena lupum sequitur, lupus ipse capellam,
Florentem cytisum sequitur lasciva capella.

§ 207. Pomey. 181—182. Traductio, seu polyptoton, cùm eadem vox diversis locis reperitur, aut generibus, aut temporibus paulùm immutatis. Ut:

Ei sum infensus, cujus aspcetum ferre nequeo, illum auris oculisque respuo, illo supertite vitam tranquillam agere non possum.

§ 208. Ср. Pomey. 182. *Polysyntheton*, cum multae conjunctiones congregantur. ср. Causs. 382. (Antizeugmenon.), 385 (Asyntheton) 408 (Polysyntheton), 422 (Asynth., Polysynth.)

§ 209. Ср. Caus. 388. (Diaphora.). 405. *(Paronomasia)*.

§ 211. Прм. ср. Pomey. 184. Ср. Ода VIII (1747) 23 стрф.

Науки юношей питаютъ!

Studia literarum adolescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium et solatium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur.

§ 212. 8. Ср. Ода на счастіе. Страд. I. 217.

9. Кто породою хвалится: тотъ чужимъ хвастаетъ. ср. Петръ В. I. 303 ст.

А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ
Не мните о себѣ, когда ихъ прославляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю.

§ 213. Pomey. 212. *Interrogatio*, figura est, quae assumitur non quaerendi, sed instandi et urgendi causâ ad varios animi motos ciendos Прм. 1) см. Дам. II. 336. Quousque tandem.

2) Ibid. Дамаск. 438. O miseri... notus Ulixes.

§ 214. Прим. въ Энеидѣ нѣтъ? Былинный складъ, «изъ коей вы земли и коего народа»?

§ 215. Causs. *Apophasis* sive *Aethologia* — venustum schema, ubi quasi alio interrogante, nobis ipsis respondemus, et rationem reddimus. Прим. 1) Cic. pro Ligario. Cap. 3. § 7.

2) см. Дамаск. 364. Appellandi tempus...

3) Ibid. 378. Quid enim tam.

4) См. ода VI. (1746) 16. Смрд. I. 83.

5) Causs. 383. Et testis interrogatus à reo, Num fustibus vapulasset, Innocens, inquit. Aut cum dicitur, Quaero an occiderit hominem et respondetur, latronem; ut confessionem praecurrat defensio.

§ 216. Pomey. 188. *Apostrophe vel Aversio* est, cum ab auditoribus, quos alloquimur, ad absentem vel praesentem quempiam, seu vivum, seu mortuum convertimus, quos uti personas quasdam compellamus. Прим. 1) Vos albani tumuli. (Изъ Cicer. Ломон. взялъ тотъ же примѣръ, но большій отрывокъ). См. у Дам. II. 364. Non est humano consilio.

2) (тоже и у Pomey. 189). См. Дамаск. II. 366. Vos, vos appello.

3) Virg. Georg. IV. 464.

Ipse cava solans aegrum testudine amorem,
Te dulcis conjux, te solo in littore secum,
Te, veniente die, te decedente canebat.

§ 217. Прим. 1) см, Дамаск. II. 428. Ergo, charissime pater.

2) См. ода III. (1742). 5. Смрд. I. 62.

3) Ода V. (1745). 19. Смрд. I. 77.

4) Ода V. (1745). 2. Смрд. I. 71.

5) См. Дамаск. (изъ Овид.) 444. Una duos nox.

6) Энеида IV. 547. Quin morere, ut merita es; ferroque averte dolorem.
7) Овид. Fastorum. lib. II. 717.

Brutus erat stulti sapiens imitator, ut esset
Tutus ab insidiis, dire superbe, tuis.

§ 218. Pomey. 210. *Hypothyposis*. Figura est, quâ res quaepiam sic verbis exprimitur, ut non tam audiri vel legi, quàm geri et oculis usurpari videatur. Прим. 1) Ода VI. (1746). 2. Смрд. I. 78. (въ другой разъ; ср. § 156).

2) Ода IV (1743). 12. Смрд. 2. 69.

§ 219. Ср. Pomey. 226. *Prosopopoeia* est personae *Effictio*, qua rebus mortuis ac sensu carentibus sermonem accomodamus; aut cum absentes tanquam praesentes... inducimus... Ср. Causs. 409. (Prosop.) 431. (ibid.). Прим. 1) см. у Дамаск, 338—340. Etenim, si mecum patria...

2) Ода VI. (1746). 14. Смрд. I. 83.

3) Ода II. (1742). 36. Смрд. I, 57.

§ 220. Pomey. 236. *Sustentatio*, figura est, quâ suspensos tenemus aliquamdiu audientium animos, alia minora recensentes, et rejicientes, donec tandem id, quod quasi animo conditum servabatur, expromimus. Прим. см. у Дамаск. Quid deinde?

§ 221. *Терренцій.*

Hoc mihi praestat, in me quidvis harum rerum convenit,
Quae sunt dicta in stultum: caudex, stipes, asinus, plumbeus:
In illum nihil potest, nam exsuperat ejus stultitia haec omnia.

§ 222. Pomey. 193. *Communicatio* est Exornatio, quâ causa nostra confidentes, ad ipsos consulimus adversarios, aut cum judicibus, quid faciendum sit, quidve factum oportuerit, deliberamus. Прим. 1) (взятъ изъ Pom. 193; есть и у Causs. 426.) См. у Дамаск. II. 364. Quid est, quod hac...

2) Pomey. 193. (съ сокращеніями) (Cicero pro Rabirio. VII. 22). Tu denique, Labiene, quid faceres tali in re ac tempore? cum ignaviae ratio te in fugam, atque latebras impelleret: improbitas et furor L. Saturnini in Capitolium arcesseret: consules ad patriae salutem ac libertatem vocarent: quam tandem auctoritatem, quam vocem; cujus sectam sequi, cujus imperio parere potissimus velles?

§ 223. Pomey. 196. *Correctio* est, quae verbum, aut sententiam correctat et corrigit, ut aliquid addatur, quod rem augeat. Ср. Causs. 382. 392. 401. 428. Прим. 1) Pomey 196. (и у Causs. 382). Atque haec Cives, — Cives inquam, si hoc nomine eos appellari fas est, haec de patria sua cogitant.

2) ibid. 197. (Causs. 428). Quae convivia fieri putatis in hujusmodi domo? si domus haec habenda est potius, quam officina nequitiae, et diversorum flagitiorum omnium.

§ 224. Ср. Causs. 418. *Distributio*, quae proxime ad descriptionem accedit, est venusta quaedam partitio, in qua singula singulis respondent. Прим. 1) *Cic.* pro Rosc. Am. Tres sunt res, quantum ego existimare possum, quae obstent hoc tempore Sex. Roscio: crimen adversariorum, et audatia et potentia. Criminis confictionem accusator Erucius.

§ 225. Прим. 1) Cic. pro l. Manil. Cap. 9. § 23.

2) ibid. Cap. 14. § 40.

§ 226. Pomey. 195. *Concessio* figura est, cum videmus etiam aliquod iniquum adversario vel pati, vel concedere, fiduciæ causa, quod nimirum illâ etiam parte concessa nos superiores fore consideramus.

Прм. Cicer. pro Ligar. 1 гл. 2 §.

§ 227. Ср. Pomey. 220. *Licentia,* fig., quâ utitur orator, cum ea, quæ gravia dictu sunt, aut periculosa, magna libertate se dicturum profitetur.

Прм. 1) см. Герод. Lib. III. Cap. 34.

Ἐμοὶ μέν νυν, ὦ παῖ κύρου, οὔ δοκέεις ὁμοῖος εἶναι τῷ πατέρι· οὐ γὰρ κῶ τοι ἐστι υἱός, οἷον σέ ἐκεῖνος κατελίπετο.

2) (Causs. 426 указаніе).

См. у Дамаск. II. 370. Vide, quam non reformidem...

§ 228. Ср. Pomey. 221. *Præteritio* — cum profitemur nos præterire, aut nescire, aut nolle dicere, quod tùm maximum dicimus.

Прм. 1) см. у Дам. 378. Itaque non sum prædicaturus...

§ 229. Ср. Pom. 230. *Reticentia,* cum dictis quibusdam sermo abrupitur, neque perficitur, quod dici cœptum erat.

Ср. Прм. Causs. 384. (Aposiopesis).

Demesthenicum procœmium: Non pari ego et adversarius periculo ad judicium venimus. Sed mihi quidem, nolo autem quicquam initio dicendi, ominosius proloqui.

2) (Pom. 230). См. у Дам. 382. Tu ista nunc audes...

3) Энеид. I. 133—135. *(Pom. 230).* Virgilianum de Neptuno:

Jam cœlum terramque meo sine Numine venti
Miscere, et tantas audietis tollere moles?
Quos ego... Sed motos præstat componere fluctus.

§ 230. Pom. 200. *Dubitatio,* cum hæremus et ambigimus, quid dicendum agendumve sit. (Ср. Causs. 383, 388, 431).

Прм. (Pom. 200). См. у Дам. 372. Quid primum querar?...

2) Pom. 200. Illustrem habet dubitationis ideam Virgilius, Didonem ab Aenea derelictam, in deliberatione suspensam ac dubiam sic inducens:

En quid agam... (См. Дам. 438).

§ 231. Pom. 223. *Occupatio,* fig. per quam ea, quæ ab adversariis, aut ab ipsis auditoribus objici possunt, prævertimus, ultróque rationem facti, dictive reddimus. (Ср. Causs. 381).

Прм. 1) см. Димосѳ. Филиппика I. § 44.

Ποῖ οὖν προσορμιούμεθα; ἤρετό τις εὑρήσει τὰ σαφρὰ, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τῶν ἐκείνων πραγμάτων αὐτός ὁ πόλεμος, ἂν ἐπιχειρῶμεν.

2) См. Дам. 350. Quæres a nobis...

§ 232. Ср. Pom. 287. Amplificatio fieri dicitur à *Definitionibus conglobatis,* cum ejusdem rei variæ definitiones unum in locum congeruntur, unde alio nomine *Congeries,* seu *Frequentatio definitionum* vocatur hic locus.

Прм. 1 См. Димосѳ. Филип. I. 54 стр.

Ἀλλ' ἂν ἀφέντες ταῦτ' ἐκεῖνο εἰδῶμεν, ὅτι ἐχθρὸς ἄνθρωπος καὶ τὰ ἡμέτερα ἡμᾶς ἀπωστηρεῖ καὶ χρόνον πολὺν ὕβριζε, καὶ ἅπαντ' ὅσα πώποτ' ἠλπίσαμεν τινα πράξειν ὑπὲρ ἡμῶν κἀθ' ἡμῶν εὕρηται, καὶ τὰ λοιπὰ ἐν αὐτοῖς ἡμῖν ἐστὶ, κἂν μή νῦν ἐθέλωμεν ἐκεῖ πολεμεῖν αὐτῷ, ἐνθάδ' ἴσως ἀναγκασθησόμεθα τοῦτο ποιεῖν, ἂν ταῦτα εἰδῶμεν, καὶ τὰ δέοντα ἐσόμεθα ἐγνωκότες καὶ λόγων ματαίων ἀπηλλάγμένοι.

2) См. Дам. 342. Rempublicam, Quirites...

3) Ода VII (1746) 1. Смрд. I. 85—86. Перв. двѣ строчки другой разъ Ср. § 53).

§ 233. Ср. Causs. 381. *Antimetabole.* Commutatio. Прм. 3-й [ut: *non vivo ut edam, sed edo ut vivam.* 4 ad Herenn.].

Прм. 1) См. Димосѳ. Олимп. 2. § 26.

Εὖθ' οὕτως ἀγνωμόνως ἔχετε, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, ὥστε δι' ὧν εκ χρηστῶν φαῦλα τὰ πράγματα τῆς πόλεως γέγονε, διὰ τούτων ἐλπίζετε τῶν αὐτῶν πράξεων εκ φαύλων αὐτὰ χρηστὰ γενήσεσθαι.

3) См. выше изъ Causs. 381.

§ 234. Прм. 1) Cic.

2) См. Ода VII (1746) 16—17. Смрд. I. 91.

3) См. Дам. 448. O, utinam tunc...

§ 235. Pom. 197. (Ср. 212. Imprecatio). *Deprecatio,* fig., quâ opem alicujus Dei aut hominis imploramus.

(Прм. 1) Тотъ же, что и у Ломон.): Hoc nos primum... (См. у Дам. 368).

2) См. Дамаск. 448. Has tibi plangendo.

§ 236. Прм. 1) См. Дам. 342. Ac mihi quidem, Quirites...

2) Ода II. (1742). 23. Смрд. I. 53.

§ 237. 1) Дам. 364. Jussit bona proscribi...

2) Дам. 446. Hector adest...

§ 238. Pom. 205. *Exclamatio* est orationis elatio, quæ motum animi vehementiorem efficit, reique magnitudinem exprimit interjectione adhibita, nonnunquam vero suppressa, ut cùm dicitur: *Superi,* miserum me!

1) Дам. 362. Qui umquam aut ludi...

2) Энепда II. 69—70.

> Heu? quæ nunc tellus, inquit, quæ me æquora possunt
> Accipere? aut quid jam misero mihi restat?...

§ 239. 1) Дам. 446. Et quoniam Deus ora movet...

2) Ср. въ письмѣ о Прав. Р. стихотв. (Смрд. I. 541) изъ Буало тоже мѣсто:

> Quelle docte et sainte yvresse,
> Aujourd'hui me fait la loi?
> Chastes Nymphes du Permesse etc.

3) Ода II (1742) 5. Смрд. I. 46.

4) ib. 33. Смрд. I. 56.

5) Ода VI. (1746) 1 Смрд. I. 78.

6) Ода IV. (1743) 9. Смрд. I. 68.

§ 241. 1) См. Causs. 449. Quæ igitur causa... præliis succubuit.

2) См. Дам. 348. Quæret quispiam, quid?...

§ 242. 1) См. Causs. 451. Quid vero de iis... et Græciam administrat.

2) См. Дам. 350. Quam multos scriptores...

§ 243. 1) См. Дам. 378—380. Jam vero virtuti Cnei Pompei...

§ 244. 1) См. Дам. 362. Venisti Brundusium.

§ 245. 1) См. Дам. 364. O audaciam immanem.

§ 246. 1) См. Дам. 342. Videor mihi hanc urbem videre.

§ 247. 1) См. Дам. 344. Obsessa facibus.

2) Дам. 372. Quaero, quid Tubero.

3) Cic: pro P. Sextio. XLIII. § 93. O dii immortales! quemnam ostenditis exitum nobis? quam spem reipublicae datis? quotus quisque invenietur tanta virtute vir, qui optimam quamque causam reipublicae amplectatur? qui binis viris deserviat? qui solidam laudem veramque quaerat? cùm sciat, duo illa reipnblicae paenè fata, Gabinium et Pisonem.

4) См. Дам. 366. Me quidem, Iudices, exanimant.

§ 249. Causs. 303. *De dispositione.* Ut ingenii fontes *Inventio*, sic judicii *Dispositio* recludit.... a quâ omnis conçinnitas et praecipuus emergits in structura decor.... Quintilianus ait, (si quam in corporibus nostris, aliorumve animalium, partem permutes, atque transferas, licet habeat eadem omnia, prodigium sit tamen), — et artus etiam leviter loco moti perdunt, quo viguerunt usum: et turbati exercitus sibi ipsi sunt impedimento.

§ 250. Causs. 304. Dispositio a Dialecticis.... vulgo in tria genera dividitur. Una dicitur *naturalis*, altera *arbitraria*: tertia *artificialis*. Naturalis est, quae naturae ordinem sequitur, atque imitatur; atque id quatuor potissimum rebus,— tempore, natura, loco, dignitate.... Tempore aliud alio prius posteriusve dicitur, quemadmodum hodiernus dies prior est crastino, crastinus perendino: item bellum Macedonicum prius Civili, Punicum prius Macedonico. (Natura, alia aliis priora sunt existendi necessitate, ut sol-luce, anima-homine)... *Loco* priora dicuntur, quorum unum praecedit aliud positione (sic ultima coelo, citima terris, dicitur Luna). *Dignitate* prius est, quod praestantius habetur, ut aurum argento, argentum plumbo.

§ 251. Caussi 304. *Artificialis* ordo est, qui ab arte ad aliquem destinatum finem aut voluptatis, aut utilitatis dirigitur... (Talis est ordo Poetarum)...

§ 252. Causs. 305. Лом. нѣсколько измѣнилъ. Aristoteles triplicem artificiosae dispositionis speciem notat. Una est analytica seu resolutiva; 2-a Compositiva; (3-a Definitiva.)

Analytica, cum a toto ad partes fit processus.... 3) Cum propositio gradatim in sua principia resolvitur.... 2) Cum in partes generis fit gradatio, *ut si explicata fortitudine de magnanimitate in aggrediendo et patientia in tolerando disseram.* Disp. συντεθικὴ — a partibus ad totum perlabitur.

§ 253. Л-ва.

§ 254. Pomey. 46. Chria est commemoratio seu explicatio facti alicujus, vel dicti, vel utriusque simul, certis capitibus comprehensa. Chria est triplex. Alia est *activa,* alia *verbalis,* alia *mixta.*

§ 255. ib. *Activa,* quae actionem seu factum quodpiam exponit et exornat. Dabo exemplum: Lacedemonii suis ut liberis ebrietatis odium horroremque ingenerarent, adducere eos soliti erant in conspectum servorum, qui vino mentem obruissent; nimirum ut fœdo illo spectaculo deterrerentur ab hoc vitio. 2-го прм. у Помея нѣтъ.

§ 256. Pom. 47. *Chiria verbalis* illa est, quae verba, sententiose ab aliquo prolata, explicat.

§ 257. Pom. 47. *Chria mixta,* quae factum quodpiam sermone conjunctum complectitur.

§ 258. Pom. 48—49. Octo sunt partes, ex quibus Chria componitur: 1) *Encomium,* 2) *Paraphrasis,* 3) *Causa,* 4) *Contrarium,* 5) *Simile,* 6) *Exemplum,* 7) *Testimonium veterum,* 8) *Epilogus.*

1) *Inchoandum* est Chriam ab illius laude, qui vel dictum protulit, vel edidit factum illud, quod Chriae materiam praebet.

2) *Paraphrasis* seu Expositio facti, seu dicti, quod per Chriam suscepimus amplificandam. Paraphrasis est.... liberior interpretatio, et dulcidior explicatio dicti cujusdam.

3) Afferenda est causa aliqua argumenti, quod pertractamus.

4) Ex contrariorum rerum conflictu id confirmandum esse, quod probandum nobis est.

5) Illustranda est proposita sententia similitudine quapiam.

6) Exemplum adducendum est ad stabiliendum, quod intendimus.

7) Scriptoris cujusdam veteris auctoritate confirmanda est Chriae sententia.

8) Epilogus indicat, quaecunque dicta sunt, brevi aptâque verborum compressione concludenda esse.

§ 260. Л-ва.

§ 261. 1) См. у Дамаск. II, 382—386. Me quidem auctore....

§ 262. 1) Дамаск. 386—390. Publium Scipionem....

§ 263. 1) Дамаск. 390—394. In animi cognitione....

§ 264. Ср. *Aphtonii Sophistae Progymnasmata* (Ftancofurti. 1603. стр. 284.) На эту тему Ломоносовъ самъ сочинилъ Хрію?

Bias ille conspicitur, qui cum patriam ejus Prienem hostes invasissent, omnibus, quos modo saevitia belli incolumes abire passa fuerat, preciosarum rerum pondere onustis fugientibus interrogatus, quod ita nihil ex bonis suis secum ferret: Ego, inquit, *vera bona mea mecum porto.*

§ 205. Л—ва?

§ 266, Л—ва?

§ 267. Л—ва?

§ 268. Ср. Causs. 342. *Enthymemata* vocantur argumentationes ex propositione et conclusione conflatae.

1) См. Дам. 448. Exegi monutentum aere perennius. У *Держав.* есть переводъ этой же Оды Горація.—Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный... (изд. 1845 г. стр. 222.)

§ 270. Этой Оды нѣтъ въ Лом—хъ переложеніяхъ.

1) Въ 1-мъ изд. Ритр. (1746) этихъ стиховъ конечно нѣтъ, а на ихъ мѣстѣ ода о Сѣверн. сіяніи.

§ 271. Л—ва?

§ 273. Ср. Смрд. I. 20—21.

§ 275. Ср. Pomey 154. *Inductio* est oratio, quæ ex multis rebus non dubiis captat assensionem auditorum, *vel* est argumentatio, quæ ex pluribus collocationibus pervenit, quo vult. (Ср. Causs. 342).

§ 278. 1) См. Дам. 394—396. Quid est novæ rei...

§ 280. Л—ва.

§ 281. 1) См. Дам. 496—408. Hodie te conventum volebam...

§ 282. Л—ва?

§ 283. 1) См. Дам. 408—414. Alex.-Me tibi, o Lybice...

§ 284. Л—ва.

§ 287. Ср. Pomey 1, Virtutes narrationis generatim sumptæ, hoc est seu *verae*, seu *fictae* ac fabulosæ.

§ 290. (Изъ Causs. 783). См. у Дам. 416—418. Est locus inter...

§ 291. 1) См. Дам. 380—382. Habuit enim Catilina...

§ 292. 1) Causs. 795—796. Templum D. Marci... ab architecto Constantinopolitano.

§ 293. (Изъ Causs. 796. Sed interea dum sermones). См у Дам. 416. Inter loquendum...

§ 294. Ода. V. (1745) 5—8. Смрд. I. 72—73.

§ 295. Л—ва. По этой теоріи Л—въ расположилъ свою поэму «Петръ В.».

§ 276. Л—ва.

§ 297. См. у Дам. 422—424. Postero die convocatos duces...

§ 298. См. у Дам. 418—420. Iisdem diebus terræ motus...

§ 299. Изъ Causs. 798. Ne lepus quidem ille nos fugiat.

§ 300. Ibid. 805. Dicam luctam, quando et hoc deprecaris...

§ 303. 1) Дам. 420—422. Tum vero universa futuri...

§ 304. 1) Дам. 424. Pene, milites, paucorum hominum...

2) Дам. 438. Promisi ultorem, et verbis...

§ 306. Ср. Сумарокова. Притчи. Кн. VI, притча 5.

§ 308. Ср. Сумарок. Притчи Кн. II, (пр. 2-я). Срав. Грамматика Л—ва § 563.

Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
То буду принужденъ осла взвалить на плечи.

§ 309. Анакреонъ.

§ 311. 1) Curt. Lib. V. 31. Ergo undique Macedonum armis fulgentibus, ancipiti malo oppressi, memorabile tamen prœlium edunt, ut opinor, ignaviam quoque necessitas acuit; et sæpe desperatio spei causa est.

2) См. Дам. 440. Fas omne abrumpit.

3) ib. Saxum ingens volvunt alii...

4) Дам. 426. Has cogitationes volventibus nox supervenit timoremque auxit.

§ 312. 1) Ода VIII (1747). 20. Смрд. I. 98.

§ 313. Ода V, (1745 г.) 7. Смрд. I, 73. Въ другой уже разъ. Ср. § 294.

§ 314. Л-ва.

§ 315. Л-ва?

§ 316. Прм. 1) См. Дам. 374. Petimus abs te, M. Fanni....

§ 318. Эпитеты? 1) Дам. 376. Ea S. Roscium inopem....

§ 319. 1) Дам. 376. Hoc consilio....

2) Ода VI, (1746 г.) 3. Смрд. I, 79.

§ 320. 1) Cicer. pro Marcel. 6 гл. § 19.

2) Ода IX, (1748 г.) 17. Смрд. I, 106.

§ 321. 1) Ода VIII, (1747 г.) 11. Смрд. I, 95.

§ 322. 1) Ода VI, (1746 г.) 19. Смрд. I, 84.

§ 324. 1) Ода VIII, (1747 г.) 13. Смрд. I, 96.

§ 325. 1) См. Дам. 376. Praedia mea tu possides.

§ 326. 1) См. Дам. 376. Accusant ii, qui fortunas....

NB. Съ § 125 мы указывали мѣста, найденныя нами у *Кауссина*, или приведенныя въ изд. у *Дамаскина*, отмѣчая только цитаты, по которымъ мѣста безъ труда могутъ быть отысканы тѣмъ, кто захотѣлъ бы издать Риторику Ломоносова параллельно съ ея подлинниками.

Уральская областная
Библиотека
Юношеская